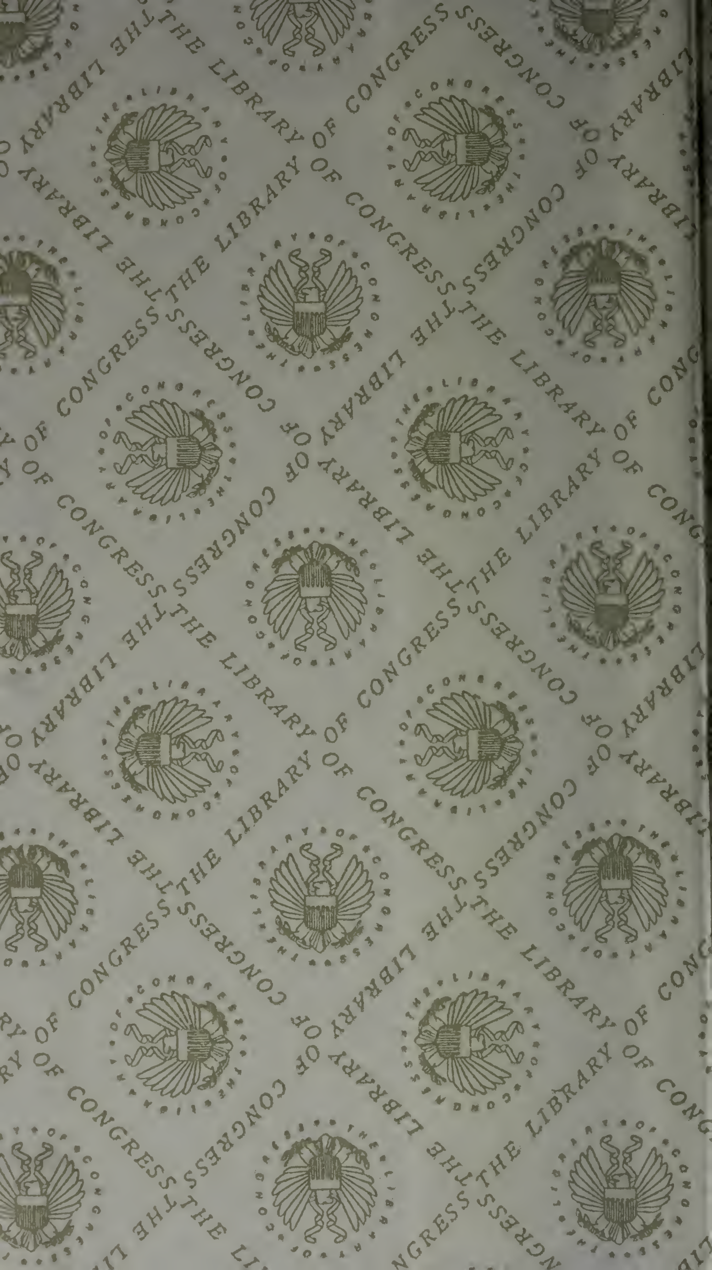

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

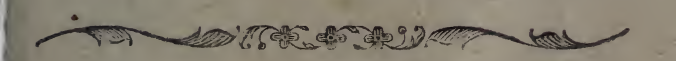
ДѢДУШКИНЫ ПРОГУЛКИ,

Содержащія въ себѣ

ДЕСЯТЬ РУСКИХЪ СКАЗОКЪ:

О Булатѣ молодцѣ. О Пастухѣ и Дикомъ Вепрѣ. О Любимѣ Царевичѣ и прекрасной Царевнѣ, его супружницѣ, и о Волкѣ крылатомъ. О Псѣ и Ужѣ. О славномъ и именитомъ Царевичѣ Маландрахѣ Ибрагимовичѣ и о прекрасной Царевнѣ Саликаллѣ. О Весьма чудныхъ и прекрасныхъ гусляхъ Самогудахъ. О семи мудрецахъ и о юношѣ. О нѣкоемъ башмашникѣ и слугѣ его Притычникѣ. О Иванѣ Царевичѣ, Жаръ птицѣ и о сѣромъ Волкѣ. О славномъ и храбромъ витязѣ Бовѣ Королевичѣ.

МОСКВА,
ВЪ Типографіи Рѣшетникова,
1819 года.

Новымъ изданіемъ С. П. Б. Цензурою печатать позволяется. Санктпетербургъ 1810 года Генваря 28 дня. Исправляющій должность Цензора, Ординарный Профессоръ

Яковъ Толмачевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СКАЗКА

О

БУЛАТѢ МОЛОДЦѢ.

СКАЗКА

О

БУЛАТѢ МОЛОДЦѢ.

Былъ жилъ Царь, по имени Ходоръ, и у этого Царя былъ одинъ только сынъ, Иванъ Царевичь; и когда пришли отроческія лѣта его, то Ходоръ отдалъ Ивана Царевича разнымъ учителямъ для обученія всякихъ рыцарскихъ наукъ; а какъ сталъ Иванъ Царевичь на возрастѣ, то началъ у батюшки своего, Царя Ходора, проситься въ иныя Государства погулять, людей посмотрѣть и себя показать. Царь Ходоръ его отпустилъ и ему наказалъ, чтобъ онъ показывалъ свои науки въ

иныхъ государствахъ и тѣмъ бы прославилъ себя и Царя Ходора. Тогда Иванъ Царевичь пошелъ въ Царскія конюшни и выбиралъ себѣ добраго коня, на котораго руку наложитъ, и конь тотъ ежели падетъ на колѣни, то оной для него негодится. И такъ ходилъ онъ по всѣмъ стойламъ, а не могъ выбрать себѣ коня по мысли, и пошелъ въ великой кручинѣ изъ конюшни; онъ взялъ свой тугой лукъ и калены стрѣлы и пошелъ въ чистое поле, чтобъ грусть и тоску свою размыкать. Какъ скоро пришелъ въ чистое поле, то увидѣлъ на воздухѣ лебедя, натянулъ свой тугой лукъ и выстрѣлилъ потому лебедю, однако не попалъ въ него и стрѣла его улетѣла изъ глазъ вонъ; и тогда Иванъ Царевичь весьма закручинился, что потерялъ любимую свою стрѣлу, и искалъ ее по всему полю со сле-

замиг, и пришелЪ онЪ кЪ одной маленькой горѢ и услышалЪ человѢческой голосЪ, которой кричалЪ, поди сюда ИванЪ Царевичь. ИванЪ Царевичь удивился тому не мало, что слышитЪ голосЪ, а никого не видитЪ. ГолосЪ тотЪ опять ему тоже кричалЪ; и ИванЪ Царевичь пошелЪ вЪ ту сторону и увидѢлЪ вЪ горѢ маленькое окошичко сЪ желѢзною рѢшеткою, и вЪ томЪ окнѢ увидѢлЪ человѢка, которой манилЪ его кЪ себѢ своею рукою. КакЪ скоро ИванЪ Царевичь кЪ нему подошелЪ, то тотЪ человѢкЪ ему сказалЪ: о чемЪ ты, доброй молодецЪ ИванЪ Царевичь кручинисся? КакЪ мнѢ доброму молодцу не кручиниться, сказалЪ ему ИванЪ Царевичь, потерялЪ я свою любимую калену стрѢлу, и не знаю, гдѢ и найти ее: да еще кручина моя великая, что не найду себѢ по мысли добраго

коня богатырскаго. О! это бѣда не велика, сказалъ ему тотъ человѣкъ; я тебѣ добуду добраго коня и отдамъ твою калену стрѣлу, потому что она залетѣла ко мнѣ; но только что ты мнѣ за то дашь? Я тебѣ все отдамъ, что тебѣ надобно, сказалъ ему Иванъ Царевичь, ежели ты достанешь мнѣ добраго коня и отдашь калену стрѣлу. Я ничего больше отъ тебя не хочу, сказалъ тотъ человѣкъ, только выпусти меня отсюда. Да какъ ты и кѣмъ сюда засаженъ? спросилъ его Иванъ Царевичь. Засадилъ меня здѣсь твой батюшка, Царь Ходоръ; я былъ славной разбойникъ, и зовутъ меня Булатъ молодецъ; твой батюшка на меня прогнѣвался и велѣлъ меня добраго молодца поймать и засадить въ эту темницу, и сижу я тутъ ровно тритцать лѣтъ и три года. Слушай, доб-

рой Булатъ молодецъ, сказалъ ему Иванъ Царевичь, я безъ батюшкина приказа не смѣю тебя выпустить; батюшка мой о томъ провѣдаетъ, и на меня грозно прогнѣвается. Того ты не бойся, отвѣчалъ ему Булатъ молодецъ, твой батюшка о томъ не провѣдаетъ; и какъ скоро ты меня отсюда выпустишь, то я уйду въ иныя Государства, а здѣсь не буду жить. Хорошо, сказалъ Иванъ Царевичь, я тебя отсѣль выпущу, только отдай мнѣ мою калену стрѣлу и скажи, гдѣ мнѣ достать добраго коня богатырскаго. Поди ты въ чистое поле, сказалъ ему Булатъ молодецъ, тамъ увидишъ ты три дуба зеленые, въ серединѣ тѣхъ дубовъ увидишь на землѣ желѣзную дверь съ мѣднымъ кольцомъ, и подъ тою дверью есть конюшня, и въ той конюшнѣ есть доброй конь богатыр-

ской, а запертъ онъ двенатцатью дверьми желѣзными и двенатцатью замками стальными, и ты подними ту желѣзную дверь и отбей двенатцать замковъ стальныхъ и отвори двенатцать дверей желѣзныхъ, то и добраго коня себѣ получишь, и послѣ прiѣзжай на томъ конѣ ко мнѣ, я тебѣ отдамъ твою калену стрѣлу, и тогда ты меня отсюда выпусти. Иванъ Царевичь, выслушавъ такiя слова, пошелъ въ чистое поле и увидѣлъ три дуба зеленые, и нашелъ на земли желѣзную дверь съ мѣднымъ кольцомъ, и взялъ онъ за то кольцо и поднялъ дверь, збилъ двенатцать стальныхъ замковъ, и отворилъ двенатцать желѣзныхъ дверей, и вошелъ въ конюшню подземную и увидѣлъ тамъ коня добраго и всю збрую богатырскую, и наложилъ Иванъ Царевичь свою руку на спину коню

и тотъ конь на колѣни не падаетъ, а только погнулся отъ руки его; и услышалъ конь по себѣ сѣдока, началъ ржать громкимъ голосомъ, на колѣни предъ Иваномъ Царевичемъ падаетъ, дается ему взнуздаться, и осѣдлалъ Иванъ Царевичь добраго коня, взялъ палицу боевую и мечь кладенецъ и вывелъ коня изъ конюшни вонъ и сѣлъ во сѣделечко черкаское и взялъ шелковой поводъ во руку бѣлую и захотѣлось ему добраго коня испытать: онъ билъ его по крутымъ бедрамъ и конь доброй осержается, отъ земли отдѣляется, подымается выше лѣсу стоячева, что по ниже облака ходячева, горы и долы межъ ногъ пропускаетъ, малыя рѣчки хвостомъ устилаетъ, глубокія рѣки перепрыгиваетъ, чрезъ болота переплываетъ; и пріѣхалъ Иванъ Царевичь къ Булату мо-

лодцу и возговоритЬ ему громкимЬ голосомЬ своимЬ: отдай же ты мнѣ, БулатЬ молодецЬ, мою калену стрѣлу и тогда я тебя добраго молодца изЬ темницы выпущу. БулатЬ молодецЬ тотчасЬ отдалЬ ему калену стрѣлу, а ИванЬ Царевичъ изЬ темницы его выпустилЬ. Спасибо тебѣ, ИванЬ Царевичъ, сказалЬ БулатЬ молодецЬ, что ты меня изЬ темницы выпустилЬ, и за то я тебѣ сослужу еще три службы вЬ тѣ поры, когда тебѣ крайняя будетЬ нужда; и когда я тебѣ буду надобенЬ, то молви только: АхЬ! гдѣ-то мой БулатЬ молодецЬ; тогда я тотчасЬ кЬ тебѣ явлюсь и вЬ твоей нуждѣ буду тебѣ вѣрнымЬ слугою. ВымолвилЬ онЬ сіи слова, крикнулЬ громкимЬ голосомЬ: гей сивка, бурка, вешняя ковурка, стань передо мной, какЬ листЬ передЬ травой. Откуда ни

взялся доброй конь и сталѣ передѣ Булатомѣ молодцомѣ, а Булатѣ молодецѣ влѣзѣ кѣ нему вѣ ушко, напился, наѣлся, а вѣ другое вылѣзѣ и сталѣ такой молодецѣ, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомѣ написать, ни вѣ сказкѣ сказать. Тогда сѣлѣ Булатѣ молодецѣ на своего добраго коня и сказалѣ Ивану Царевичу: ну, прощай теперь Иванѣ Царевичъ, а послѣ поскакалѣ отѣ него прочъ. Иванѣ же Царевичь сѣлѣ на своего добраго коня и поѣхалѣ кѣ своему батюшкѣ, и пріѣхавши кѣ нему, началѣ прощаться сѣ нимѣ со слезами и простившись, взялѣ онѣ сѣ собою своего дядьку и поѣхалѣ сѣ нимѣ вѣ иныя Государства. И такѣ ѣхали они нѣсколько времени и пріѣхали вѣ лѣсѣ; день тогда былѣ красной и жаркой, и захотѣлось Ивану Царевичу пить: и они ѣздя по лѣсу искали воды,

однако не могли найти; а наконецъ нашли глубокой колодезь, въ коемъ была вода ключевая и студеная, и сказалъ Иванъ Царевичь своему дядькѣ: полѣзай ты въ этотъ колодезь и достань мнѣ воды, я тебя привяжу веревкой и буду держать, чтобъ ты не утонулъ. Нѣтъ, Иванъ Царевичь, сказалъ ему дядька; я тебя вить потучнѣе и потяжелѣе, то ты меня не сдержишь, а лучше бы тебѣ привязаться веревкою и опуститься, то я тебя сдержу. Иванъ Царевичь послушался своего дядьки, перевязалъ поперегъ себя веревкою и далъ конецъ своему дядькѣ и опустился въ колодезь. Когдажъ Иванъ Царевичь напился воды, то сказалъ дядькѣ, чтобъ онъ его вытащилъ изъ колодца: но дядька на то ему сказалъ: нѣтъ, теперь я тебя до тѣхъ поръ не вытащу, покуда не дашъ ты

мнѣ своей руки письмо, чтобъ ты былъ моимъ слугою, а я бы твоимъ господиномъ, и чтобъ называлъ ты меня Иваномъ Царевичемъ; а ежели ты на это не согласишся, такъ я опущу веревку и тебя въ колодцѣ утоплю. Любезной мой дядька, вскричалъ Иванъ Царевичь, не опускай изъ рукъ веревки, но вытащи меня; я тебѣ письмо дамъ своеручное, чтобъ былъ ты моимъ господиномъ и назывался моимъ имянемъ, а я буду уже твоимъ слугою. Нѣтъ, я этому не вѣрю, сказалъ ему дядька, и по тѣхъ поръ вѣрить не буду, пока ты мнѣ не дашь присяги. Я тебѣ клянусь Богомъ, небомъ и землею, сказалъ Иванъ Царевичь, что я точно дамъ тебѣ письмо, только лишь вытащи меня изъ колодезя. Тогда дядька вытащилъ его, а Иванъ Царевичь взялъ бумагу, разрѣзалъ себѣ ножемъ

руку и написалъ кровію своею письмо, потому что чернилъ у него не было, и отдалъ то письмо дядькѣ своему, а послѣ скинулъ съ себя платье и отдалъ дядькѣ, а дядькино платье на себя надѣлъ и сѣлъ на дядькина коня, а дядька сѣлъ на его коня, и послѣ поѣхали они въ путь, и Иванъ Царевичь ѣхалъ позади дядьки, такъ какъ бы рабъ его, и чрезъ нѣсколько дней пріѣхали они въ Пантуево Государство. Царь Пантуй, услышавъ о пріѣздѣ Ивана Царевича, вышелъ къ нему на встрѣчу, принималъ дядьку вмѣсто Ивана Царевича за бѣлыя руки и вводилъ въ палаты бѣлокаменныя и сажалъ за столы дубовые, за скатерти браныя, и они пили, ѣли и веселилися; и началъ Царь Пантуй у подложнаго Ивана Царевича спрашивать: чѣстный рыцарь, Иванъ Царевичь, за чѣмъ ты въ

мое Государство пожаловалЪ? Или ты имѣешЬ какое особливое дѣло? На то ему мнимой ИванЪ Царевичь отвѣтЪ держалЪ : милостивый Государь, Царь Пантуй! Пріѣхалъ я кЪ тебѣ свататься на дочери твоей прекрасной Царевнѣ Церіи. СЪ великою радостію отдаю я дочь мою тебѣ вЪ супружницы, молвилЪ ему Царь Пантуй. ПотомЪ они многими разговорами забавлялися, и сказалЪ ложной ИванЪ Царевичь Царю Пантую : прикажи моего слугу опредѣлить на твою кухню вЪ черную работу, потому что онЪ дорогою мнѣ много досадилЪ. Царь Пантуй тотчасЪ приказалЪ Ивана Царевича определить на кухню кЪ черной работѣ, и бѣдной ИванЪ Царевичь началЪ кострюли и всякую черную посуду чистить, а дядька его веселился вЪ ЦарскихЪ палатахЪ. По нѣсколькихЪ дняхЪ во-

сiѣ того подступило великое войско подѣ Пантуево Государство, и хочетѣ его царство раззорить и Царя Пантуя вѣ полонѣ взять. Тогда Царь Пантуй призвалѣ кѣ себѣ ложнаго Ивана Царевича и ему сказалѣ: любезный мой нареченный зять, подступило подѣ мое Государство войско непрiятельское, и ежели ты то войско прогонишѣ отѣ Государства моего, такѣ я за тебя и дочь мою отдамѣ вѣ супружницы, а безѣ того не могу отдать. На то онѣ ему отвѣтѣ держалѣ: очень хорошо, я это все сдѣлаю, только ночью, а не днемѣ, потому что мнѣ днемѣ воевать щастья нѣтѣ. Какѣ скоро наступила ночь и всѣ во дворцѣ полегли спать, тогда ложной Иванѣ Царевичь вышелѣ на широкой дворѣ и кликнулѣ кѣ себѣ настоящаго Ивана Царевича и ему говорилѣ: Иванѣ Царе-

вичь, не прогнѣвайся на меня, что я заступилъ твое мѣсто; но забудь все то и сослужи мнѣ службу и отгони прочь это войско непріятельское отъ Государства сего. Иванъ Царевичь на то ему сказалъ: поди и ложись спать, будетъ все готово. Тогда дядька пошелъ и легъ спать, а Иванъ Царевичь крикнулъ своимъ громкимъ голосомъ: Ахъ! гдѣ-то мой Булатъ молодецъ. Въ тужъ самую минуту Булатъ молодецъ къ нему явился и сказалъ: какая служба, какая нужда, сказывай мнѣ скоро? Тогда ему Иванъ Царевичь сказалъ о своей нуждѣ, а Булатъ молодецъ велѣлъ Ивану Царевичу, чтобъ взялъ онъ своего добраго коня, осѣдлалъ и надѣлъ бы на себя латы, а самъ крикнулъ громкимъ голосомъ: гей, мой сивка бурка, вешняя ковурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой. Конь тот-

часѣ кѣ нему прибѣжалѣ, и Булатѣ молодецѣ сѣлѣ на него, а Иванѣ Царевичь сѣлѣ на своего коня, и поѣхали они сѣ широкова двора. Вѣ то самое время Царевна Церія еще не спала и сидѣла подѣ окномѣ и слышала и видѣла все, что Иванѣ Царевичь сѣ дядькою и сѣ Булатомѣ молодцомѣ говорилѣ и дѣлалѣ. Какѣ скоро пріѣхали они кѣ непріятельскому войску, то Булатѣ молодецѣ сказалѣ Ивану Царевичу: начинай ты рубить войско сіе сѣ праваго крыла, а я начну сѣ лѣваго; и напали они на ту рать силу непріятельскую и начали рубить мечемѣ и конями топтать, и побили они вѣ одинѣ часѣ сто тысячь человѣкѣ, а непріятельской Король насилу ушолѣ сѣ малымѣ числомѣ войска вѣ Королевство свое. Иванѣ Царевичь возвратился сѣ Булатомѣ молодцомѣ во

дворЪ Царя Пантуя, и тамЪ ИванЪ Царевичь, разсѣдлавЪ своего добраго коня, поставилЪ вЪ стойло и далЪ ему бѣлой ярой пшеницы, а послѣ простился сЪ Булатомъ молодцомЪ, и пошелЪ на кухню, легЪ спать. По утру рано Царь Пантуй вышелЪ на теремЪ и посмотрѣлЪ вЪ ту сторону, гдѣ было непріятельское войско, вЪ подзорную трубку и увидѣлЪ, что оное все было побито, приказалЪ тотчасЪ призвать кЪ себѣ ложнаго Ивана Царевича, и какЪ скоро онЪ кЪ нему пришелЪ, то Царь Пантуй благодарилЪ его за охраненіе его Государства, а послѣ подарилЪ его дорогимЪ подаркомЪ, и притомЪ ему сказалЪ, что онЪ дочь свою скоро за него отдастЪ за мужЪ. По прошествіи двухЪ недѣль, опять тотЪ же непріятельской Король подступилЪ сЪ другимЪ войскомЪ и оса-

дилЪ весь городЪ. Царь Пантуй испугался весьма много, и призвалЪ кЪ себѢ опять мнимаго Ивана Царевича, сказалЪ ему: другЪ мой возлюбленный и нареченный зять, ИванЪ Царевичь, избавь меня опять отЪ непріятеля и отгони прочь войско его отЪ моего Государства; и ежели ты это исполнишЪ, то я не медля дочь мою за тебя выдамЪ. На то онЪ ему отвѢтЪ держалЪ: я это все сдѢлаю, но только ночью, а не днемЪ, потому что мнѢ днемЪ воевать щастья нѢтЪ. КакЪ же скоро настала ночь и всѢ полегли спать, тогда дядька вышедЪ на широкой дворЪ, кликнулЪ кЪ себѢ Ивана Царевича и говорилЪ сіи слова: ИванЪ Царевичь, не попомни зла, которое я сЪ тобою сдѢлалЪ, и не сердись за то, что я заступилЪ твое мѢсто, сослужи мнѢ еще службу и отгони войско непрія-

тельское отъ Государства сего. Иванъ Царевичь на то ему сказалъ: поди и ложись спать, утро вечера мудренѣе, все готово будетъ. Тогда дядька пошелъ въ царскіе палаты и легъ спать; а Иванъ Царевичь крикнулъ опять своимъ богатырскимъ голосомъ: Ахъ! гдѣ-то мой Булатъ молодецъ. Тотчасъ Булатъ молодецъ къ нему явился и сказалъ: какая служба, какая нужда, сказывай мнѣ скоро? Тогда Иванъ Царевичь сказалъ ему о своей нуждѣ, а Булатъ молодецъ велѣлъ Ивану Царевичу осѣдлать опять своего добраго коня и надѣть на себя латы, а самъ крикнулъ громкимъ голосомъ: гей, мой сивка, бурка, вешняя ковурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой. Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ ноздрей пламя пышетъ, и прибѣжавъ къ Булату молодцу

остановился. Булатъ молодецъ сѣлъ на своего коня, а Иванъ Царевичь также на своего и поѣхали они съ широкова двора. Въ то самое время Царевна Церія опять не спала, и сидя подъ окномъ, видѣла и слышала все, что Иванъ Царевичь съ дядькою и съ Булатомъ молодцомъ говорилъ и дѣлалъ. Какъ скоро пріѣхали они къ непріятельскому войску, Булатъ молодецъ сказалъ Ивану Царевичу: начинай же ты опять рубить войско сіе съ праваго крыла, а я начну съ лѣваго, и напали они на ту рать силу непріятельскую и начали мечемъ рубить и копьями топтать, и побили они въ два часа двѣсти тысячь человѣкъ, а непріятельской Король насилу ушелъ съ весьма малымъ числомъ войска въ Королевство свое. Иванъ Царевичь съ Булатомъ молодцомъ возвратились назадъ и

разсѣдлавъ Иванъ Царевичь своего добраго коня, поставилъ въ конюшню и насыпалъ ему бѣлой ярой пшеницы, а послѣ простился съ Булатомъ молодцомъ и пошедъ на кухню, легъ спать. По утру рано Царь Пантуй вышелъ опять на теремъ и смотрѣлъ въ подзорную трубку въ ту сторону, гдѣ было непріятельское войско, и увидѣлъ, что оное все было побито, и подивился весьма такой храбрости, которую имѣлъ Иванъ Царевичь, и велѣлъ потомъ призвать своего нареченнаго зятя къ себѣ, и какъ скоро онъ къ нему пришелъ, то Царь Пантуй благодарилъ его за охраненіе Государства своего, а послѣ подаривъ его дорогими подарками, сказалъ ему, что онъ дочь свою въ скоромъ времени отдастъ за него за мужъ. По прошествіи трехъ недѣль опять тотъ же

непріятельской Король подступилЪ сЪ новою силою и обступилЪ весь городЪ. Царь Пантуй испугался весьма, и призвавЪ кЪ себѢ нареченнаго своего зятя, сказалЪ ему: другЪ мой возлюбленный и нареченный зять, ИванЪ Царевичь, избавь меня еще отЪ непріятеля и отгони прочь войско его отЪ моего Государства, ежелижЪ ты это исполнишЪ, то я вЪ тужЪ минуту дочь мою за тебя отдамЪ. На то ему вЪ отвѢтЪ сказалЪ мнимой ИванЪ Царевичь, я это все сдѢлаю, но только ночью, а не днемЪ, потому что мнѢ днемЪ воевать щастья нѢтЪ. КакЪ же скоро наступила ночь и всѢ придворные полегли спать, тогда дядька вышедЪ на широкой дворЪ и кликнувЪ кЪ себѢ Ивана Царевича, сказалЪ ему: ИванЪ Царевичь, не попомни зла, которое я сЪ тобою сдѢлалЪ, и не сер-

дись за то, что я заступилЪ твое мѣсто; сослужи мнѣ еще службу и отгони войско непрiятельское отЪ Государства сего. ИванЪ Царевичь на то ему сказалЪ: поди и ложись спать, утро вечера мудренѣе, все готово будетЪ. Тогда дядька, пошедЪ вЪ царскiе палаты, легЪ спать, а ИванЪ Царевичь крикнулЪ опять своимЪ богатырскимЪ голосомЪ: ахЪ! гдѣ-то мой БулатЪ молодецЪ. ТотчасЪ за словомЪ явился предЪ него БулатЪ молодецЪ, сказавЪ ему: какая служба, какая нужда, сказывай мнѣ скоро? Тогда ИванЪ Царевичь сказалЪ ему о своей нуждѣ, а БулатЪ молодецЪ велѣлЪ Ивану Царевичу осѣдлать опять своего добраго коня и надѣть на себя латы, а самЪ крикнулЪ громкимЪ голосомЪ: гей, мой, сивка бурка, вешняя ковурка, стань передо мной, какЪ листЪ передЪ травой. Конь

бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ ноздрей пламя пышетъ, и прибѣжавъ къ Булату молодцу остановился. Булатъ молодецъ сѣлъ на своего коня, а Иванъ Царевичь также на своего, и поѣхали они съ широкова двора. Въ то самое время прекрасная Царевна Церія опять не спала, и сидя подъ окномъ, видѣла и слышала все, что Иванъ Царевичь съ дядькою своимъ и съ Булатомъ молодцомъ говорилъ и дѣлалъ. Какъ скоро пріѣхали они къ непріятельскому войску, Булатъ молодецъ сказалъ Ивану Царевичу: начинай же ты теперь съ лѣваго крыла рубить сіе войско, а я начну съ праваго; и напали они на ту рать силу непріятельскую и начали мечами рубить и конями топтать, и побили они въ три часа триста тысячь человѣкъ, да и непріятель-

скаго Короля также до смерти убили, и послѣ того Иванъ Царевичь возвратился съ Булатомъ молодцомъ домой, и разсѣдлавъ своего добраго коня, поставилъ въ конюшню. Тогда Булатъ молодецъ сказалъ Ивану Царевичу: ну, прощай Иванъ Царевичь, теперь отслужилъ я тебѣ мои три службы, и уже болѣе ты меня никогда не увидишъ. Выговоря сіи слова, онъ уѣхалъ, а Иванъ Царевичь пошелъ въ кухню и легъ спать. По утру весьма рано, Царь Пантуй, вышедъ опять на теремъ, смотрѣлъ въ подзорную трубку, и увидѣвъ, что войско непріятельское все побито, послалъ онъ тотчасъ за нареченнымъ своимъ зятемъ, и когда онъ къ нему пришелъ, то сказалъ ему: ну, зять мой любезной, теперь отдаю я тебѣ дочь мою въ супружницы. Тогда начали дѣлать ко браку пріуго-

товленіи, и чрезъ нѣсколько дней обвѣнчался дядька на прекрасной Царевнѣ Церіи, и когда они послѣ вѣнца сидѣли за столомъ, тогда Иванъ Царевичь пришедъ къ повару отпросился у него сходить посмотрѣть, какъ баринъ его сидитъ за столомъ съ невѣстою своею. Поваръ его отпустилъ и далъ ему свое платье, и тогда Иванъ Царевичь пришедъ въ царскія палаты, сталъ за людьми и смотрѣлъ на своего дядьку и на прекрасную Царевну Церію. Тогда прекрасная Царевна Церія узнала Ивана Царевича, выскочила тотчасъ изъ за стола, взяла Ивана Царевича за руку и сказала: Вотъ, этотъ мой женихъ, а не тотъ, которой со мною обвѣнчался. Тогда и Царь Пантуй вскочилъ изъ за стола спросилъ дочь свою о томъ, и просилъ ее, чтобъ разсказала она ему то яснѣе;

и когда Царевна Церія обо всемъ ему пересказала, какъ было дѣло, тогда Ивана Царевича посадили за столъ съ Царевною Церіею, а дядьку его за такой лживой поступокъ разстрѣляли на воротахъ. И такъ Иванъ Царевичь женясь на прекрасной Царевнѣ Церіи, отправился въ свое Государство къ отцу своему, гдѣ Царь Ходоръ возложилъ на его главу вѣнецъ свой и Иванъ Царевичь взошедъ на престолъ, началъ управлять Государствомъ.

КОНЕЦЪ.

СКАЗКА
О
ПАСТУХѢ
И
ДИКОМЪ ВЕПРѢ.

СКАЗКА

О

ПАСТУХѢ И ДИКОМЪ ВЕПРѢ.

****

За тридевять земель въ тридесятомъ Царствѣ, жилъ былъ нѣкій Король, онъ имѣлъ въ своемъ Королевствѣ пребольшой и густой лѣсъ, въ коемъ незнаемо откуда дикой Вепрь проявился, которой на великое множество проѣзжающихъ и проходящихъ мимо того лѣсу людей нападалъ и ихъ пожиралъ. Король посылалъ въ тотъ лѣсъ много разъ великія рати, чтобъ убить Вепря; но лютый звѣрь всегда надъ ними имѣлъ побѣду. Напослѣдокъ, когда Вепрь сдѣлался почти совсѣмъ непреодолимымъ, и такъ уже остерве-

нился, что началъ выходить изъ лѣсу и пожирать всѣхъ попадающихся ему на встрѣчу. Король, опасаясь Вепря чрезвычайно, воображалъ, что онъ со временемъ можетъ ворваться въ городъ и народу его чинить великія бѣды и такъ мертвить, что напослѣдокъ никому не льзя будетъ и на улицу показаться; почему велѣлъ онъ во всѣ мѣста владѣнія своего разослать указы, въ коихъ было прописано: что ежели кто онаго дикаго Вепря умертвитъ, то обѣщается Король дочь свою прекрасную Царевну Илію отдать тому въ супружество, какогобъ званія онъ рыцарь ни былъ; однако никто противу такого лютаго звѣря не отважился вступить въ бой, хотя и имѣли нѣкоторые ту надежду, что естьли удастся кому побѣдить Вепря, то со временемъ можетъ быть владѣтелемъ

престола. Наконецъ случилось нѣкоему Пастуху пасти стадо по близости того лѣсу, въ коемъ Вепрь жительство свое имѣлъ. Онъ увидя звѣря, которой прямо на него шелъ и стремился его сожрать, побѣжалъ въ лѣсъ и влѣзъ на высокое и кудрявое грушевое дерево, на которомъ сидя, ожидалъ своей судьбины. Надобножъ знать и то, что Пастухъ, кромѣ топора, которой за поясомъ у него находился, никакого другаго орудія при себѣ не имѣлъ. Вепрь, приближась къ Пастуху и видя, что никоимъ образомъ пожрать ему его не можно, началъ дерево съ корня подгрызать. Пастухъ испужавшись вообразилъ себѣ, что ежели Вепрь подгрызетъ то дерево, то оное должно будетъ упасть, и онъ съѣденъ быть можетъ. Въ такомъ случаѣ прибѣгнулъ онъ къ вымыслу, и вотъ къ какому: рвалъ виноградныя вѣтьви и бросалъ на Вепря. Звѣрь, наѣвшись

довольно винограду, опьянѣлъ и наконецъ легъ подлѣ грушеваго дерева и заснулъ. Пастухъ думая, что не притворился ли онъ; чего ради бросилъ въ него еще нѣсколько вѣтвей винограду; но видя, что спитъ весьма крѣпко, осмѣлился слѣзть съ дерева. Онъ опустился на землю и отрубилъ топоромъ у Вепря голову, и объ томъ немедля обьявилъ своему Королю. Король не хотя нарушить своего обѣщанія, отдалъ за Пастуха въ замужство дочь свою, прекрасную Царевну Илію. Пастухъ сочетался бракомъ съ Королевскою дочерью, и напослѣдокъ по смерти Короля возшелъ на престолъ того Королевства, и жили они долго въ согласіи и благополучно, и Богъ даровалъ имъ дѣтища.

КОНЕЦЪ.

СКАЗКА
О
ЛЮБИМѢ ЦАРЕВИЧѢ
И
ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНѢ
ЕГО СУПРУЖНИЦѢ
И
О ВОЛКѢ КРЫЛАТОМЪ.

СКАЗКА

О

Любимѣ Царевичѣ и прекрасной Царевнѣ, его супружницѣ, и о Волкѣ Крылатомъ.

****

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ Государствѣ жилъ былъ Царь, по имени Елидаръ Елидаровичь и съ супругою своею Милитиссою Ибрагимовною, и у нихъ было три сына: большой сынъ назывался Аксофъ Царевычь, средній Гутъ Царевичь, а меньшой Любимъ Царевичь. И такъ они ростутъ не по днямъ, а по часамъ; и какъ большому сыну минуло уже дватцать лѣтъ, то началъ онъ проситься у своихъ родителей ѣхать въ иныя Государства и искать прекрас-

ной Царевны себѣ въ супружницы; на что родители и согласилися и дали ему благословенiе и отпустили его на всѣ на четыре стороны. По отъѣздѣ Аксофа Царевича, не много времени спустя; и Гутъ Царевичь тоже родителей своихъ просилъ, чтобъ и его также отпустили, то Царь Елидаръ и съ Царицею Милитиссою отпустили и Гута Царевича со всею охотою. И такъ поѣхалъ и Гутъ Царевичь, и странствовали они долгое время, что напослѣдокъ объ нихъ ни духу ни слуху не было, и слыли они пропащими. Когда Царь Елидаръ и съ Царицею Милитиссою много объ нихъ тужили и плакали, тогда меньшой ихъ сынъ Любимъ Царевичь имъ говорилъ: чтобъ они его отпустили поискать своихъ братьевъ; на что Царь Елидаръ и съ Царицею своею Милитиссою ему говорили:

что де ты еще молодЪ и не можешЬ такого дальнаго пути снести, да притомЪ какЪ намЪ тебя отпустить, что ты одинЪ сынЪ у насЪ остался; мы же уже при старости своихЪ лѢтЪ, на кого возложимЪ вѢнецЪ нашЪ? Однако сынЪ ихЪ ЛюбимЪ Царевичь непреклоненЪ былЪ и стоялЪ вЪ своихЪ словахЪ твердо и молвилЪ: вить надобно же мнѢ людей посмотрѢть и самому себя показать, и когда же это сбудется, что я воцарюся: то надобно не то уже смѢкать, а какЪ бы народомЪ благочинно управлять! О томЪ Царь ЕлидарЪ и сЪ Царицею Милитиссою весьма радостны были, что толикія отЪ сына своего Любима слова слышали, и позволили ему Ѣхать, но только не на долгое время и сЪ такимЪ договоромЪ, чтобЪ ни сЪ кѢмЪ не сЪѢзжаться и вЪ большія опасности не вда-

ваться. И такъ Любимъ Царевичь, будучи уволенъ, призадумался, гдѣ бы ему богатырскаго коня сыскать и збрую богатырскую достать, и о семъ призадумавшись ходитъ по городу; тутъ попалась на встрѣчу ему нѣкая старуха и говорила ему: что ты мой батюшка, Любимъ Царевичь, такъ печаленъ ходишь? На что Любимъ Царевичь и отвѣту не хотѣлъ дать и прошелъ, ни слова не говоря, мимо старухи: но послѣ одумавшись разсудилъ, вить дискать старыя-то люди больше знаютъ, и воротился, пошелъ и нагналъ прежде попавшуюся ему старуху, и говоритъ ей Любимъ Царевичь: я было и погнушался въ первую встрѣчу тебѣ объявить о чемъ я кручинюсь, но отошедъ вздумалъ, что старыя-то люди болѣе знаютъ. То-то, Любимъ Царевичь, говоритъ ему старуха, конечно

старыхъ людей не надобно бѣгать; скажи, о чемъ же ты кручинисся; скажи мнѣ, старой бабѣ. И такъ Любимъ Царевичь сталъ говорить ей, что дискать у меня добраго коня нѣтъ и збруи богатырской, а мнѣ надобно ѣхать далеко и поискать своихъ братьевъ. Старуха ему въ отвѣтъ на то сказала: что думать, есть и конь и збруя богатырская въ вашемъ заповѣдномъ лугу за двенатцатьми дверьми, и этотъ конь на двенатцати цѣпяхъ, и тутъ въ лугу и мечь кладенецъ и вся збруя богатырская. Услышавъ сіе и сказавъ этой старухѣ, Любимъ Царевичь, спасибо; пошелъ весьма радостенъ прямо въ заповѣдной лугъ. Какъ пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ конь стоитъ, то и усумнился: какъ дискать мнѣ сіи двери разломать; но отвѣдавъ, однѣ двери проломилъ, а

конь по духу услышалъ такого молодца и началъ рвать свои цѣпи и всѣ разорвалъ; и такъ Любимъ Царевичь трои двери разломалъ, а конь и послѣдніа выломалъ. Потомъ Любимъ Царевичь взялъ коня и збрую богатырскую, надѣлъ на себя збрую богатырскую и коня по лугу пустилъ, а самъ пошедъ къ своему батюшкѣ, Царю Елидару, и къ матушкѣ Царицѣ Милитиссѣ, началъ имъ такія слова говорить: что дискать по отпускѣ вашемъ весьма я былъ печаленъ о конѣ и о збруѣ богатырской, что не гдѣ мнѣ ихъ взять; но старушка мнѣ сказала и показала, гдѣ все мнѣ это можно найти, и такъ я и нашелъ; а теперь прошу вашего благословенія, чтобъ мнѣ ѣхать; почему отецъ и мать дали ему благословеніе, и поѣхалъ онъ на своемъ добромъ конѣ. И ѣдетъ онъ

путемъ дорогою и пріѣхалъ къ такому мѣсту, что вдругъ три дороги, и посреди ихъ столбъ и на немъ три надписи, которыя написаны, какъ слѣдуетъ: Если кто поѣдетъ въ правую сторону, то самъ сытъ будетъ, а конь голоденъ; а прямо кто поѣдетъ, то самъ будетъ голоденъ, а конь сытъ; а если въ лѣвую сторону кто поѣдетъ, то быть убиту отъ Волка крылатаго. Помысливъ и погадавъ Любимъ Царевичь, ни на которую сторону такъ не согласился ѣхать, какъ въ лѣвую, чтобъ либо убиту быть, либо убивъ Волка крылатаго, прохожимъ дать по сей дорогѣ свободу. И такъ поѣхалъ въ ту лѣвую сторону, и ѣдетъ онъ путемъ дорогою и пріѣхалъ онъ въ чистое поле и разбилъ шатеръ себѣ и сталъ отдыхать: какъ вдругъ видитъ въ западной сторонѣ, летитъ Волкъ крылатой. Лю-

бимъ Царевичь тотчасъ всталъ и взялъ свою збрую богатырскую и сѣлъ на коня, и съѣхался Любимъ Царевичь съ Волкомъ крылатымъ, и Волкъ ударилъ своимъ крыломъ такъ Любима Царевича больно, что Любимъ Царевичь призадумался, но только не вышибенъ былъ изъ сѣдла. Тогда разъярился и разгорячился Любимъ Царевичь, и такъ ударилъ Волка крылатаго своимъ мечемъ кладенцемъ, что Волкъ крылатой палъ на землю полумертвъ и почувствовалъ, что крыло у него правое отшибено, и что не можетъ уже болѣе летать; но какъ не много поотдохнулъ, то сказалъ человѣческимъ голосомъ Любиму Царевичу: не убивай ты меня до смерти, я тебѣ пригожусь и буду тебѣ служить, какъ вѣрной твой рабъ. И говоритъ ему Любимъ Царевичь: что дискать не знаешь ли, гдѣ мои братья? На то ему сказалъ Волкъ: что

давно они убиты; но тутъ же говоритъ ему: что мы ихъ оживимъ, когда достанемъ прекрасную Царевну. На то Любимъ Царевичь ему говоритъ: какъ же мы прекрасную Царевну достанемъ? А вотъ, говоритъ ему Волкъ, такъ достанемъ: ты оставь здѣсь своего коня. Да какъ мнѣ безъ коня быть, спрашиваетъ у него Любимъ Царевичь? Да вотъ, выслушай меня, сказалъ ему Волкъ: я сдѣлаюсь конемъ и тебя довезу; а конь твой этой службы не сослужитъ, потому что у этой прекрасной Царевны по градскимъ стѣнамъ проведены струны ко всѣмъ въ городѣ колоколамъ; а потому и надобно намъ перескочить, чтобъ не зацѣпить ни одной и малѣйшей струны; а то насъ поймаютъ. Любимъ Царевичь подумавъ, что Волкъ правду дискать говоритъ, согласился и молвилъ: Хорошо! И такъ они пріѣхали къ бѣло-

каменной стѣнѣ и Любимъ Царевичь, узрѣвъ оную, ужаснулся! Какъ можно огромную эту бѣлокаменную стѣну перескочить, сказалъ онъ Волку? На что ему Волкъ говоритъ такіе слова: что уже теперь нетрудно ему перескочить; но оттудова будетъ труднѣе потому, что ты будешь въ любовныхъ дѣлахъ упражняться и отъ того ты отяжелѣешь; но надобно тебѣ окупаться въ живой водѣ, да и взять ее съ собою для братьевъ своихъ, и мертвой также. Потомъ они перескочили благополучно чрезъ градскую стѣну, ни чемъ не задѣли; остановясь въ замкѣ, пошелъ Любимъ Царевичь къ прекрасной Царевнѣ во дворецъ, и какъ онъ вошелъ въ первый покой, то увидѣлъ множество служанокъ спящихъ, и думалъ, нѣтъ ли тутъ Царевны, однако не нашелъ; почему вошелъ онъ и въ другую горницу, тамъ спали

ея подруги весьма прекрасныя, и тутъ не было Царевны; для того Любимъ Царевичь пошелъ въ третiй и тамъ онъ увидѣлъ Царевну спящую и отъ красоты ея всемъ сердцемъ разгорѣлся и сильно полюбилъ прекрасную Царевну и началъ онъ ее цѣловать и не хотѣлъ разстаться съ нею: однако подумавъ, что замѣшкавшись тамъ, его поймаютъ, пошелъ онъ въ садъ гулять и изъ прудовъ воды живой и мертвой взять; а самъ окупался въ живой водѣ и взялъ съ собою въ пузырьки живой и мертвой воды и пошелъ къ своему Волку; и какъ сѣлъ онъ на Волка коня, то Волкъ ему сталъ говорить: что ты очень сталъ грузенъ, намъ не перескочить будетъ по давишнему, а мы зацѣпимъ и ихъ разбудимъ; однако же хотя будетъ за нами погоня, но ты ихъ побьешъ, и побивъ, какъ можно бѣлаго коня лови, я тебѣ пособ-

лю послѣ воевать ; а какъ доѣдемъ до своего шатра , то ты возьми своего коня , а я на томъ бѣломъ конѣ поѣду, и когда мы побьемъ всѣхъ ея воиновъ , то она и сама къ намъ пріѣдетъ и станетъ сама тебѣ говорить , чтобъ ты понялъ ее въ жену ; ибо она возгорится къ тебѣ сильною сердечною любовію и плѣнится тобою. Какъ хотѣли они перескочить чрезъ стѣну высокую , то зацѣпили за струны , и вдругъ поднялся въ городѣ колокольной звонъ и бубенной бой и всѣ люди стали вставать и во дворецъ побѣжали всякъ со своимъ оружіемъ ; а другіе ворота отворяютъ , что не сдѣлалось ли какого нещастія прекрасной Царевнѣ ; да и сама Царевна проснулась и видитъ , что нѣкакой молодецъ былъ у ней въ гостяхъ, и чувствуетъ , что у ней зародилось дѣтище , и тотчасъ повелѣла кличь кликать , чтобы

всѣ собиралися къ ней въ палаты. Тогда собралися славные и могучіе богатыри, и она стала имъ говорить: Охъ, вы могучіе богатыри! вы идите и догоните того молодца и голову его мнѣ привезите, хотя тѣмъ я накажу его дерзность. На то ей могучіе богатыри отвѣтствовали: что не оставимъ такъ, чтобъ его не разтерзать и головы къ тебѣ не привезть, хоть бы онъ и съ войскомъ былъ. Потомъ Царевна отпустила ихъ, а сама взошла на теремъ и смотритъ на свое войско и на рыцаря того, кой покусился тайно взойти въ ея дворецъ и осмѣлился сонную ее любовать. А какъ ударили тревогу, то Любимъ Царевичъ на своемъ Волкѣ конѣ такъ далеко отъѣхалъ, покамѣстъ нагнали его, что уже онъ половину пробѣжалъ до своего шатра отъ того города; и когда увидѣлъ, что догоняютъ его, то обернулся на нихъ

на своемЪ ВолкѢ конѢ и сталЪ весьма яростенЪ, обозрѢвЪ на полѢ такое множество богатырей; и какЪ начали драться, то Любимъ Царевичь не столько ихЪ своимЪ мечемЪ побиваетЪ, сколько конь его топчетЪ и уже мѢлкихЪ богатыришковЪ всѢхЪ почти побилЪ. И видитЪ ЛюбимЪ Царевичь одного богатыря, Ѣдущаго кЪ нему на бѢломЪ конѢ, и разЪярившись ЛюбимЪ Царевичь и того богатыря своевалЪ, у котораго была голова сЪ пивной котелЪ; а потому побивши ЛюбимЪ Царевичь всѢхЪ, взялЪ бѢлаго коня и сѢлЪ самЪ на него, а Волку далЪ отдохнуть; и отдохнувши, поѢхали они кЪ своему шатру. ЦаревнажЪ прекрасная видя, что онЪ одинЪ побилЪ такое множество, велѢла собирать еще болѢе того войска и послала она ихЪ, а сама взошла опять на теремЪ, а ЛюбимЪ Царевичь доѢхалЪ до шатра. Тогда ВолкЪ

обратился въ человѣческой образъ и сталъ такой богатырь, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать; и какъ начало подходить войско прекрасной Царевны, то Любимъ Царевичь и съ своимъ товарищемъ Волкомъ богатыремъ стали на коней садиться и ближе ихъ къ себѣ дожидаться; а какъ прекрасной Царевны было войско несмѣтное, то Любимъ Царевичь велѣлъ Волку быть на лѣвомъ крылѣ, а самъ сталъ на правомъ, и оправившись: стали управляться и на воиновъ Царевиныхъ метаться и стали ихъ побивать, какъ сѣно скашивать, и такъ покосили всѣхъ, что только на томъ мѣстѣ остались двое, Волкъ и Любимъ Царевичь. Послѣ такой сильной побѣды, храбрый Волкъ началъ говорить Любиму Царевичу: смотри, вотъ теперь пріѣдетъ сама прекрасная Царевна и будетъ тебя миловать, что-

бы ты взялЪ ее вЪ жену : уже теперь нѣтЪ никакой опасности отЪ нее ; да и я уже отслужилЪ храбростію своею и помощію свой тебѣ проступокЪ , и такЪ отпусти меня вЪ свое Государство побывать. ЛюбимЪ Царевичь, поблагодаривЪ Волку за его услуги и совѣты , отпустилЪ Волка , и простились они. КакЪ простились , то ВолкЪ невидимЪ сталЪ , а видимЪ ЛюбимЪ Царевичь, что прекрасная Царевна ѣдетЪ кЪ нему , и возрадовался ЛюбимЪ Царевичь и поѣхалЪ кЪ ней на встрѣчу и сталЪ ее принимать за бѣлые руки и сталЪ цѣловать вЪ уста сахарныя и прижимаетЪ онЪ ее кЪ ретиву сердцу , и тако говоритЪ умильныя словеса : естьлибЪ я тебя не любилЪ прекрасная моя и драгая Царевна, такЪ не былЪ бы здѣсь я часа и могЪ бы уѣхать вЪ тоже время; но я зналЪ , что твоя сила немогуча , и надЪ войскомЪ твоимЪ я тебѣ

и показалЪ себя. ТутЪ начала прекрасная Царевна таковыя рѣчи: ОхЪ ты, гой еси, славный рыцарь! побѣдилЪ ты мою всю силу и славныхЪ могучихЪ богатырей, на коихЪ вся моя надежда была, и вЪ городѣ стало у меня пусто, для того хочу я за тебя выдти, чтобЪ ты былЪ мнѣ защитою, и царство мое не допустилЪ бы до погибели. На то ей отвѣчалЪ ЛюбимЪ Царевичь: сЪ охотою возьму тебя вЪ жену и буду тебѣ защитникомЪ и царство твое и градЪ твой не допущу до погибели. Поговоря между собою такЪ, пошли они вЪ шатерЪ и стали тутЪ пирЪ пировать и лѣлѣяться; на утріе же вставЪ рано, сѣли на коней и поѣхали кЪ Елидару вЪ царство; и началЪ на пути говорить ЛюбимЪ Царевичь: ОхЪ ты, гой еси, прекрасная Царевна! Были у меня два брата старшіе, такЪ надобно мнѣ ихЪ прахЪ сыскать, ибо

поѣхали прежде меня и хотѣли они тебя достать; но здѣсь на непроѣзжей дорогѣ они убиты и гдѣ-то лежатъ не знаю; а какъ я взялъ отъ тебя живой и мертвой воды, то и хочу ихъ излѣчить, а они должны быть не въ дальнемъ разстояніи отъ дороги; и такъ поѣзжай ты прямо къ столбу, что съ надписями, тамъ ты остановись и дожидайся насъ, а мы не замѣшкаемъ пріѣхать къ тебѣ. Молвивъ сіе, Любимъ Царевичь разлучился съ своею прекрасною Царевною, что бы братьевъ своихъ прахъ сыскать, и нашелъ онъ ихъ за кустами и спрыснулъ ихъ мертвою водою, то они срослися; потомъ спрыснулъ ихъ живою водою, и они стали живы и встали на ноги, и возговорили Аксофъ и Гутъ Царевичи: Ахъ-ти, какъ мы долго за спали! На что имъ отвѣтъ держалъ Любимъ Царевичь: вамъ бы и долго еще

спать, какЪ бы не я, и потомЪ разсказалЪ имЪ всѢ свои похожденіи, какЪ онЪ Волка побѢдилЪ и какЪ прекрасную Царевну досталЪ и живой и мертвой воды для нихЪ привезЪ; и послѢ всѢ они поѢхали кЪ тому шатру, гдѢ прекрасная Царевна ихЪ дожидалася; и какЪ пріѢхали и сЪѢхались вмѢстѢ, то вельми всѢ радостны были и начали пирЪ творити. Когда легли ЛюбимЪ Царевичь сЪ прекрасною Царевною спать, то АксофЪ Царевичь Гуту Царевичу сталЪ лукаво говорить: что-де мы пріѢдемЪ кЪ своему родителю Елидару и родительницѢ МилитиссѢ, и что мы скажемЪ о себѢ? А нашЪ меньшой братЪ будетЪ хвастаться, что де я досталЪ прекрасную Царевну и братьевЪ своихЪ отЪ смерти избавилЪ, то не стыдно ли намЪ сЪ нимЪ будетЪ жить? Не лучше ли ево заблаговременно уходить? На что и ГутЪ Ца-

ревичь тоже сказалъ: что-де намъ стыдно будетъ съ нимъ жить, а лучше теперь его уходимъ. И такъ сговорившись они, взяли мечь кладенецъ и изрубили Любима Царевича въ мѣлкія части и разбросали на вѣтръ, а прекрасной Царевнѣ грозя говорили: если она повѣдаетъ кому сію тайну, то и ей того же неминовать. По раздѣлу Гуту досталась живая вода и мертвая, а Аксофу Царевичу прекрасная Царевна; и такъ поѣхали они къ своему родителю Елидару, и какъ пріѣхали въ заповѣдные луга царскіе и разбили свои шатры, то Царь Елидаръ послалъ вѣстника своего провѣдать, кто въ заповѣдныхъ его лугахъ шатры разбилъ? И какъ вѣстникъ пріѣхалъ въ зеленые луга и сталъ спрашивать: что-де вы за люди и откудова пріѣхали, на то ему Гутъ Царевичь отвѣтъ держалъ: что пріѣхали-де Аксофъ и Гутъ

Царевичи и съ прекрасною Царевною, и объяви вашему родителю, что живой и мертвой воды съ собой привезли; а какъ посланной прибылъ ко двору и доложилъ Царю, что-де пріѣхали ваши сыновья и съ добычею прекрасною Царевною, то Царь посланнаго вопросилъ: что-де всѣ ли три сына пріѣхали? Но посланной ему отвѣчалъ: что только два старшіе, а меньшаго нѣтъ съ ними. Однако же Царь и сей вѣсти радостенъ былъ и пошелъ къ Царицѣ, своей супругѣ, и ей сказалъ: что-де пріѣхали старшіе два сына и съ прекрасною Царевною; и поѣхали Царь Елидаръ и съ Царицею Милитиссою встрѣчать своихъ сыновей и встрѣтились оян на дорогѣ и весьма обрадовались, и стали цѣловаться и обниматься; а какъ пріѣхали въ царскіе чертоги, то и начали пиръ пировать и пировали они семь дней и семь ночей

и стали затѣвать свадьбу, дѣлать пріуготовленіи и звать гостей, боярЪ, могучихЪ богатырей и славныхЪ рыцарей. ВолкЪ крылатой узнавЪ, что убили братья Любима Царевича, побѣжалЪ за живою и мертвою водою и принесЪ ее, и собравЪ всѣ части Любима Царевича, спрыснулЪ ихЪ мертвою водою, и всѣ части срослися: а какЪ спрыснулЪ живою водою, то всталЪ доброй молодецЪ, какЪ ни вЪ чемЪ не бывалЪ и говоритЪ: АхЪ, какЪ я долго спалЪ! На то ему ВолкЪ отвѣчалЪ: да и вѣкЪ бы тебѣ спать какЪ бы-де не я, и разсказавЪ ему, какЪ братья сЪ нимЪ поступили. А потомЪ ВолкЪ обратился конемЪ и говоритЪ Любиму Царевичу: поспѣшай кЪ нимЪ, надобно кЪ завтрему пріѣхать, а то твой братЪ АксофЪ Царевичь на твоей прекрасной Царевнѣ женится. И такЪ ЛюбимЪ Царевичь сѣлЪ на Волка коня, и

конь поскакалъ по крутымъ горамъ, какъ по чисту полю, и пріѣхалъ Любимъ Царевичь къ своему родителю въ городъ и отпустилъ онъ своего Волка коня, а самъ пошелъ на рынокъ и купилъ гусельцы; и гдѣ надобно прекрасную Царевну вести въ церковь, то у той дороги къ дому селъ на заваленкѣ; и какъ повезли прекрасную Царевну въ церковь, то началъ Любимъ Царевичь выигрывать на гусельцахъ свое похожденіе молодецкое и сталъ припѣвать своимъ тоненькимъ голосомъ. Какъ стала подъѣзжать та карета, гдѣ сидѣла прекрасная Царевна, то онъ началъ о братьяхъ своихъ воспѣвать и подыгрывать на гусельцахъ, какъ они его изрубили и какъ отца своего обманули; тогда прекрасная Царевна велѣла остановиться и приказала своему служителю призвать того игрока къ себѣ и спросить его кто онъ

таковЪ и какЪ по имени зовутЪ? Когда пришелЪ слуга Царевны и спросилЪ его: кто онЪ таковЪ, и звалЪ его кЪ прекрасной ЦаревнѢ, то ЛюбимЪ Царевичь, не сказавЪ ничего служителю, пошелЪ прямо кЪ ЦаревнѢ, и какЪ увидѢла прекрасная Царевна, то вельми возрадовался, что ЛюбимЪ Царевичь ея живЪ, и посадила Любима Царевича вЪ карету и поѢхали кЪ родителямЪ своимЪ. Царь ЕлидарЪ и сЪ Царицею своею Милитиссою увидѢли Любима Царевича и несказанно возрадовалися и возвеселилися. ТутЪ начала прекрасная Царевна слѢдующую рѢчь: Что-де досталЪ меня не АксофЪ Царевичь, а ЛюбимЪ Царевичь, и живую и мертвую воду тоже онЪ досталЪ, а сЪ нею и ЛюбимЪ Царевичь все имЪ подробно разсказалЪ свое похожденіе. И такЪ Царь ЕлидарЪ и сЪ Царицею своею Милитиссою, призвавЪ Аксофа и Гута Царевичей,

стали спрашивать: для чего они такъ сдѣлали, то они въ томъ запирались; а Царь, разгнѣвавшись на нихъ, велѣлъ ихъ на воротахъ разстрѣлять; а Любимъ Царевичь женился на своей прекрасной Царевнѣ и прижилъ онъ дѣтища, и жилъ онъ съ прекрасною Царевною въ любви и согласіи не щетные годы, и тѣмъ сей сказкѣ

КОНЕЦЪ.

СКАЗКА
О
ПСѢ И УЖѢ.

Нѣкоторой Царь, именемъ Пиррасъ, имѣлъ у себя одного только сына младенца, котораго именовали Избавломъ. Пиррасъ любилъ его чрезвычайно и опредѣлилъ къ нему трехъ мамокъ: первая изъ нихъ кормила его грудью, другая обмывала а третья нянчила. Пиррасъ имѣлъ также у себя одного сокола и пса, до которыхъ онъ великой былъ охотникъ и любилъ ихъ не мало. Въ нѣкоторое время случилось Пиррасу отлучиться отъ двора своего вмѣстѣ съ своею супругою, которая именовалась Арадіею. Онъ при отъѣздѣ своемъ препоручилъ Избавла помянутымъ тремъ мамкамъ, которыхъ просилъ имѣть о немъ прилѣжное надсматриваніе. Въ той же самой комнатѣ, въ коей Царевичь Избавлъ

находился, были соколъ и песъ. Когда Царевичь заснулъ въ своей колыбелѣ, мамки вышли въ другую комнату, дабы не обезпокоить его своими разговорами. Въ то самое время когда въ сей комнатѣ никого не осталось, выполозъ изъ угла пребольшой ужъ, которой прежде усмотря, что изъ людей никто тамъ не находился, приближился потомъ къ колыбели и хотѣлъ заѣсть младенца. Соколъ увидя того ужа встрепенулся, а потомъ ткнулъ пса носомъ своимъ, чрезъ что далъ ему знать, чтобъ онъ защитилъ Царевича, лежащаго въ колыбелѣ. Песъ, какъ скоро узрѣлъ ужа, вдругъ бросился на него и началъ съ нимъ грыться. Ужъ искусалъ пса во многихъ мѣстахъ, но наконецъ песъ оправился и заѣлъ того ужа до смерти. Въ то самое время, когда песъ съ ужомъ грызлись, выронили они маленькаго Царевича изъ колыбе-

ли и тою колыбелью совсѣмъ его покрыли, а комната вся вымарана была ужевою и псовою кровію. Песъ, заѣвши ужа, легъ на Царевичеву колыбель. Вскорѣ потомъ вошли въ ту комнату мамки, и увидя кровь и пса, лежащаго на колыбелѣ, вообразили себѣ, что песъ съѣлъ маленького Царевича. Онѣ испугались чрезвычайнымъ образомъ и плакали горькими слезами. Одна изъ тѣхъ мамокъ побѣжала къ Царицѣ Арадіи и сказала ей, яко бы песъ заѣлъ любимаго ея сына, котораго кровь пролилась по всей комнатѣ. Царица, услыша такую печальную вѣсть, закричала во весь свой голосъ: Ахъ!... Пиррасъ то услыша и напослѣдокъ увидя въ обморокѣ свою супругу, старался ей всячески подавать въ томъ помощь; и когда она пришла въ чувство, то спрашивалъ о причинѣ онаго. Какъ скоро Пиррасъ увѣдомился

обо всемЪ, не медля возвратился вЪ домЪ свой, гдѢ Царица просила его, чтобЪ онЪ умертвилЪ любимаго своего пса. ПиррасЪ когда вошелЪ вЪ ту комнату, вЪ коей маленькой Царевичь находился, то песЪ увидя его, тотчасЪ кЪ нему подошелЪ, ластился и показывалЪ ему хвостомЪ свою радость. Тогда Царица сказала Царю: убѢй сего проклятаго пса до смерти, онЪ причиною всего нашего нещастія. ПиррасЪ выхватя тотчасЪ свой мечь, разрубилЪ пса на двое, а потомЪ начали смотрѢть, откуда та кровь истекала. Наконецъ усмотрѢли ужа, которой лежалЪ на полу близь колыбели. Царь разсматривалЪ его весьма прилѢжно и увидѢлЪ на немЪ многія раны, также и на псѢ примѢтилЪ нѢсколько оныхЪ, которыя ужЪ ему прокусилЪ. Тогда-то узналЪ ПиррасЪ, что безвинно убилЪ любимаго пса; ибо

когда подняли колыбель, то маленькаго Царевича нашли подъ оною живаго.

КОНЕЦЪ.

СКАЗКА

О

СЛАВНОМЪ И ИМЕНИТОМЪ

ЦАРЕВИЧѢ

МАЛАНДРАХѢ ИБРАГИМОВИЧѢ

И

О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНѢ

САЛИКАЛЛѢ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ Государствѣ, въ городѣ Андерикѣ былъ жилъ Царь, умной человѣкъ, по имени Ибрагимъ Туксала, и тотъ самой Царь жилъ со своею супружницею ровно тридцать лѣтъ, а ни единаго дѣтища у нихъ не имѣлось. И началъ Царь Ибрагимъ Туксаламовичь съ Царицею Богу молиться, чтобы Онъ даровалъ имъ какое нибудь дѣтище: и услышалъ Богъ молитву ихъ и сжалился на ихъ слезы горькія и далъ имъ дѣтище дороднаго сына, и назвали его Маландрахомъ Ибрагимовичемъ, по прозванью Туксаламовичемъ; и тотъ Царевичь не по днямъ, а по часамъ ростетъ, какъ грешневое тѣсто на опарѣ киснетъ, такъ удалъ доброй молодецъ Царевичь ростетъ; и тотъ Царь обучилъ своего сына

разнымъ наукамъ. И когда Царевичь пришелъ въ совершенныя лѣта и всѣ науки выучилъ, то приходитъ онъ къ Царю Ибрагиму Туксаламовичу и возговоритъ ему такія словеса: Государь ты мой батюшка, сильный Царь Ибрагимъ Туксаламовичь! обучилъ ты меня разнымъ наукамъ, а одной только наукѣ не выучилъ. Ахъ, ты чадо мое милое, любезнѣйшій сынъ Маландрахъ Ибрагимовичь! скажи мнѣ и повѣдай, какой ты наукѣ еще учиться хочешь, сказалъ Царь сыну своему? Я для тебя нарочно выпишу учителей. На то ему Царевичь Маландрахъ отвѣтъ держалъ: Государь ты мой батюшка Ибрагимъ Туксаламовичь, вчерась читалъ я книгу Свейскую и нашелъ въ ней, что есть такія люди, которыя яко бы на крыльяхъ по воздуху летать умѣютъ, то и мнѣ очень той наукѣ научиться хочется, и для того прошу васъ, Государь

мой батюшка, такихъ учителей выписать, которые бы меня той наукѣ выучили. На то Царь ему отвѣтствовалъ: Ахъ, ты чадо мое милое, Малáндрахъ Ибрагимовичь! не льзя тому статься, чтобъ люди летали по воздуху; и ты читалъ конечно какую нибудь небылицу, или сказку, то тому вѣрить никакъ не можно; однако я для тебя пошлю въ иные Государства о такихъ людяхъ провѣдать, и если ихъ отыщутъ, то велю сюда привезть и велю тебя той наукѣ учить. А какъ у Царя ни пиво варить, ни вино курить, то и послалъ Царь въ разныя Государства отдаленныя съ наказомъ отыскивать воздушныхъ летателей, и если ихъ найдутъ, велѣлъ къ себѣ привозить. И разъѣхались всѣ послы по разнымъ Государствамъ, и чрезъ три года времени нашли одного такого мастера въ городѣ въ Австрипѣ и привезли къ Царю

Ибрагиму Туксаламовичу; и какъ скоро Царевичь Маландрахъ его увидѣлъ, то вельми радостенъ былъ. Царь Ибрагимъ началъ того мастера спрашивать: умѣетъ ли онъ той мудреной наукѣ? На то ему летальщикъ отвѣтъ держалъ: Милостивый Государь! Ваше Царское Величество! хотя я самъ себя похвалить и не смѣю, однако я первой мастеръ во всей нашей сторонѣ; ежели изволите, чтобъ я училъ вашего сына Маландраха Царевича летать по воздуху, то прикажите состроить палату великую и высокую, таковую, чтобъ въ длину она была въ двѣсти локтей и столько же въ ширину, а въ вышину сто локтей; и чтобъ та палата вся была пустая, а только бы была въ ней каморочка, и въ той палатѣ чтобъ было множество окошекъ. Когда сію рѣчь выслушалъ, то въ то же самое время приказалъ такую палату строить,

и какъ скоро та палата совсѣмъ была состроена, тогда воздушной летатель сдѣлалъ двое крыльевъ, однѣ для себя, а другія для Маландраха Царевича, и началъ Царевича въ той палатѣ летать учить и подвязывалъ ему однѣ крылья, а себѣ другія, и когда его отучитъ; клалъ обои крылья въ каморочку и тамъ ихъ запиралъ, а ключъ къ себѣ бралъ. Но въ нѣкое время случилось, когда обучался Царевичь и послѣ отученія положилъ крылья мастеръ въ каморочку и не заперъ крѣпко замка, а Царевичь то примѣтилъ, и о томъ не сказавъ своему учителю, пошелъ съ нимъ вмѣстѣ къ своему батюшкѣ, а на ту пору у Царя пиръ прилучился и гостей было множество великое: тогда Маландрахъ Царевичь ушелъ тихонько, никому не сказавшись, въ ту палату великую, и вынулъ изъ каморочки свои крылья и подвязалъ онъ себѣ ихъ крѣпко на-

крѣпко, и вышелъ изъ палаты вонъ и началъ съ мѣста на мѣсто перепархивать, и послѣ взлетѣлъ на ту палату высокую и сѣлъ на ней; и отдохнувъ немножко, любовался съ верьху на Государство своего батюшки, и послѣ хотѣлъ на землю спуститься; но вдругъ сердечко его замерло, побоялся внизъ съ такой великой высоты спуститься, и вмѣсто того, чтобъ ему летѣть къ низу, забирался онъ все часъ отъ часу выше да выше, такъ что наконецъ ему земля съ яблоко показалась, потому что онъ забрался очень высоко; и на ту пору подулъ вѣтеръ пресильной, которымъ Маландраха Царевича занесло въ незнаему сторонушку, и уже сталъ онъ изъ силъ выбиваться такъ, что не могъ онъ своими крылышками править, и началъ опускаться къ низу и увидѣлъ подъ собою море и вельми того онъ испугался, и собравъ

послѣднія свои силы, приподнялся опять къ верьху и смотрѣлъ на всѣ четыре стороны, не увидитъ ли гдѣ какого берега. И усмотрѣлъ вдали небольшой островъ и полетѣлъ въ ту сторону и спустился на тотъ островъ, на которомъ отвязавъ свои крылья, взялъ ихъ подъ пазуху и началъ ходить потому острову и искать себѣ какой ни есть пищи, ибо онъ вельми тогда проголодался, и нашелъ онъ одно дерево, на коемъ росли сладкіе овощи, которыхъ онъ накушался до сыта, а послѣ на траву легъ спать подъ кудрявое дерево и проспалъ до бѣла свѣта, а по утру вставъ, хотѣлъ подвязать себѣ крылья, однако руки его такъ болѣли, что онъ ими и ворохнуться не могъ, почему и принужденъ тутъ пробыть цѣлые десять дней, а въ одинадцатой день подвязалъ вебѣ крылышки и благословясь, опять под-

нялся къ верьху и смотрѣлъ на всѣ сторонушки и примѣчалъ Государство батюшки своего родимаго, однако не могъ его увидѣть, и къ вечеру уже увидѣлъ онъ берегъ и на томъ берегу была роща густенькая, и спустился онъ въ ту рощу, отвязалъ свои крылья и пошедъ по тропиночкѣ, вышелъ по той тропинкѣ, къ градскимъ воротамъ, однако не пошелъ онъ въ городъ, а спряталъ прежде свои крылья подъ кустикомъ, и послѣ вошедъ въ городъ, спросилъ, гдѣ рынокъ? И когда ему рынокъ указали, то пошедъ онъ туда и купилъ себѣ долгую епанчу, а послѣ пошелъ опять въ рощу и взялъ свои крылышки подъ пазушку и пошелъ опять въ городъ, гдѣ попался ему одинъ человѣкъ, котораго онъ спросилъ: не знаетъ ли гдѣ нанять квартиры? Незнакомецъ его спросилъ: конечно ты чужестранецъ? Твоя правда, отвѣтъ

ему держалъ Малапдрахъ Царевичь: я купецъ изъ Индѣйскаго царства и плылъ на кораблѣ съ товарами и погодою судно наше разбило о камень и прибило меня къ здѣшнему Государству на доскѣ, за которую я крѣпко держался. Другъ мой, сказалъ незнакомой ему человѣкъ, если хочешь, то поди жить ко мнѣ, я тебя буду держать вмѣсто родимаго моего сына. На сіе Малапдрахъ Царевичь охотно согласился и пошелъ съ незнакомымъ человѣкомъ въ домъ его; и живетъ онъ въ домѣ его больше мѣсяца и изъ двора никуды не выходитъ; и началъ хозяинъ ему говорить: для чего ты не ходишь прогуливаться по нашему городу и не смотришь нашего огромнаго строенія и древнихъ развалинъ? Тогда Маландрахъ Царевичь началъ просить своего хозяина, котораго называли Ахрономъ, чтобы онъ пошелъ съ

нимЪ гулять по городу и показалЪ бы ему ГосударевЪ дворецЪ. ХозяинЪ его послушался и пошелЪ сЪ нимЪ вмѢстѢ, и ходилЪ онЪ потому городу до самаго вечера и пришли они назадЪ домой и легли спать; а на другой день, пробудившись МаландрахЪ Царевичь, всталЪ сЪ постели, одѢлся, умылся и Богу помолился, на всѢ на четыре стороны поклонился и позавтракалЪ; а позавтракавши пошелЪ одинЪ гулять по городу, и наконецЪ вышелЪ онЪ за городЪ и увидѢлЪ превеликое каменное строенiе, вокругЪ котораго была обнесена высокая каменная стѢна, и онЪ ходилЪ вокругЪ той стѢны и не нашелЪ ни однѢхЪ воротЪ, а только увидѢлЪ одну калитку малую, которая заперта была накрѢпко. МаландрахЪ Царевичь весьма дивился тому великому строенiю и пришедЪ домой, спрашивалЪ о томЪ каменномЪ строе-

нія своего хозяина; хозяинъ на то ему отвѣтствовалъ: что тоде строеніе царское и въ томъ-де строеніи засажена царская дочь, по имени Саликалла, а за что тамъ засажена, того не знаетъ. Маландрахъ Царевичь выслушавши его рѣчь, пошелъ на другой день опять къ томужъ каменному строенію и взялъ съ собою свои крылья, и пришедши къ каменной стѣнѣ, дождался вечера и подвязавъ себѣ крылья, перелетѣлъ онъ чрезъ каменную стѣну и сѣлъ на дерево, потому что за стѣною былъ садъ. Онъ сидя на деревѣ, смотрѣлъ въ окно, на которомъ сидѣла Царевна Саликалла; она сидѣла очень долго и послѣ легла спать на постелю, и все то Маландрахъ Царевичь видѣлъ и черезъ часъ времени влетѣлъ онъ въ окно, которое было незатворено: онъ подошедъ къ кровати Царевниной, примѣтилъ что она спитъ, и началъ

ее цѣловать и обнимать и хотѣлъ разбудить, однако не осмѣлился того сдѣлать; и такъ онъ весьма долго любовался на красоту прекрасныя Царевны Саликаллы, и пробывъ онъ тамъ почти до свѣту, началъ послѣ торопиться домой идти, ибо боялся, чтобъ не проснулась Царевна; и такъ простился съ оною Царевною и сдѣлалъ примѣту, чтобъ Царевна догадалась, что былъ у ней кто нибудь, и вотъ какую примѣту онъ сдѣлалъ: онъ положилъ къ ней на постѣлю ея башмаки и послѣ вылетѣлъ изъ окна и пошедъ домой, легъ спать. Царевна же по утру проснувшись и увидѣвъ на постелѣ своей башмаки, думала, что ихъ положилъ къ ней мальчикъ, которой бывши при ней во услуженіи, спалъ въ другой горницѣ; она спрашивала мальчика: не онъ ли положилъ башмаки къ ней на постѣлю?

Мальчикъ ей говорилъ: что онъ ихъ не клалъ, чему она много дивилась. Ввечеру Маландрахъ Царевичь, взявъ свои крылья, пошелъ опять къ тѣмъ же каменнымъ палатамъ, и дождавшись ночи, подвязалъ себѣ крылья, влетѣлъ опять въ окно и любовался вновь на красоту прекрасной Царевны Саликаллы; она лежала тогда разметавшись и раскрывши груди; предъ утромъ же, когда надобно было ему идти домой, взялъ онъ опять башмаки и положилъ къ ней на постѣлю въ самыя головы и поцѣловавшись съ Царевною, вылетѣвъ изъ окна, пошелъ домой и легъ спать. Прекрасная Саликалла, пробудившися по утру, и увидѣвъ опять башмаки въ своихъ головахъ, стала спрашивать опять мальчика: не онъ ли ихъ тутъ положилъ? Однако мальчикъ отвѣчалъ ей, что онъ ихъ не клалъ; чему она еще больше

прежняго дивилась и обѣщалась будущую ночь не спать и подстеречь, кто къ ней кладетъ въ головы башмаки. Царевичь Маландрахъ, дождавшись опять до вечера, взялъ свои крылья подъ пазуху, пошелъ къ каменнымъ палатамъ, и когда чаялъ, что Царевна спитъ, то подвязавши крылья, влетѣлъ въ окно, и лишь только что подошелъ къ кровати и хотѣлъ Царевну обнять и поцѣловать, то Царевна схватила его вдругъ обѣими своими руками весьма крѣпко и спросила: кто ты таковъ, и зачѣмъ сюда пришелъ? Маландрахъ Царевичь оробѣвъ не зналъ что ей на то отвѣчать, однако послѣ собравшись съ разумомъ, началъ просить у Царевны прощенія въ своей винѣ, которую предъ нею сдѣлалъ; однако она, не выпущая его изъ рукъ своихъ, приказывала ему съ угрозами, чтобъ онъ ей сказалъ о себѣ,

кто онѣ таковѣ и какѣ зашелѣ кѣ ней вѣ покои? Тогда онѣ разсказалѣ ей о себѣ всю истинную правду, то есть: какого онѣ роду, котораго онѣ отца сынѣ, какѣ его по имени зовутѣ и какѣ зашелѣ вѣ то Государство и какѣ кѣ ней попалѣ. Тогда прекрасная Царевна Саликалла поцѣловавши его вѣ уста сахарныя, сказала: вселюбезнѣйшій мой другѣ и прекрасный рыцарь Маландрахѣ Царевичь, не прогнѣвайся на меня, что я сѣ тобою поступила такѣ сурово. О вселюбезнѣйшая и прекраснѣйшая моя Царевна Саликалла! прошу тебя отѣ всего сердца, повѣдай мнѣ всю истинную правду, почему ты вѣ сихѣ палатахѣ засажена родителями своими? да и то одна однехонька, не имѣя при себѣ никакой твари? Прелюбезнѣйшій мой и дражайшій Маландрахѣ Царевичь! вотѣ почему я здѣсь засажена: какѣ скоро матушка меня родила, тогда мой

батюшка призвалъ къ себѣ мудрецовъ и спрашивалъ ихъ: долго ли я буду жить? И какъ на то мудрецы ему говорили, что я до пятнадцати лѣтъ буду жить честно и благополучно, а послѣ пятнадцати лѣтъ нанесу отцу моему и матери безчестіе, то есть, будто бы я обеременѣю; то отецъ и мать, услыша такія рѣчи отъ мудрецовъ, велѣли состроить сей домъ, и на десятомъ году отъ рожденія моего меня сюда засадили на десять же лѣтъ, и теперь я здѣсь сижу уже шестой годъ и матушка моя ко мнѣ пріѣзжаетъ въ мѣсяцъ по одному разу, а батюшка въ три мѣсяца по одному же разу; для услуженія моего при мнѣ есть мальчикъ, которой спитъ въ другой горницѣ; матушка моя была у меня третьего дня и будетъ опять чрезъ двадцать восемь дней, то вы, любезнѣйшій Царевичь, можете это время пробыть

у меня отъ скуки и тѣмъ сдѣлаете мнѣ великую милость, когда только не погнушаетесь у меня остаться. Царевичь Маландрахъ съ великою радостію согласился на ея прошеніе и у ней остался. Тогда разговаривали они о разныхъ вещахъ и послѣ начали говорить о любви, которую они имѣли другъ къ другу, и цѣловалися они тогда и миловалися и другъ другу заклятіе дали, чтобъ Царевичу Маландраху ни на комъ больше кромѣ прекрасной Царевны Саликаллы не жениться, а ей также кромѣ его ни за кого замужъ нейти, и когда они дождалися утра и мальчикъ Царевнинъ уже всталъ, тогда Царевна Саликалла вышла къ мальчику и сказала ему, чтобъ онъ пошелъ въ садъ и тамъ бы игралъ весь день; мальчикъ тому по ребячеству обрадовался и пошелъ въ садъ играть; прекрасная Царевна Саликалла это сдѣлала

для того, чтобЪ мальчикЪ не видалЪ Царевича Малландраха и не сказалЪ бы обЪ немЪ ея отцу и матери. И такимЪ образомЪ МаландрахЪ Царевичь жилЪ у прекрасной Царевны Саликаллы двадцать восемь дней и забавлялся сЪ нею разными увеселительными забавами и спалЪ сЪ нею на одной постели; а вЪ двадцать девятой день, по утру весьма рано, прекрасная Царевна Саликалла разбудила Царевича Маландраха и ему сказала, чтобы онЪ на тотЪ день отЪ нее отлучился потому, что мать ея Царица будетЪ кЪ ней для навѣщенія; Царевичь же МаландрахЪ тотчасЪ вскочилЪ сЪ постели и началЪ одѣваться, и одѣвшись, сталЪ прощаться и вЪ сахарныя уста цѣловаться и кЪ ретиву своему сердцу прижималЪ ее, и вылетѣвЪ на крыльяхЪ изЪ окна вонЪ, пришелЪ опять кЪ своему хозяину. ХозяинЪ на-

чалъ его спрашивать, гдѣ онъ былъ во все то время? На что Царевичь ему отвѣтствовалъ: вышелъ-де я за городъ, ходилъ по зеленой рощѣ и заблудился и севодни попался мнѣ нѣкій человѣкъ и изъ той рощи меня вывелъ и привелъ въ здѣшній городъ. Хозяинъ на то ему сказалъ, чтобъ онъ впредь такъ далеко не ходилъ потому, что мѣста ему здѣшнія еще незнакомы. Царевичь же Маландрахъ возгорѣвшись крѣпко любовію къ прекрасной Царевнѣ Саликаллѣ, не могъ терпѣть, чтобъ быть съ нею въ разлукѣ и насилу могъ дождаться вечера; онъ взявъ свои крылышки подъ пазуху, пошелъ къ каменному замку, подвязалъ свои крылышки, перелетѣлъ чрезъ стѣну, сѣлъ на высокое дерево, смотрѣлъ въ окно къ Царевнѣ и примѣчалъ, нѣтъ ли у нее кого постороннихъ людей; однако примѣтивъ, что Ца-

ревна одна похаживаетъ по горницѣ, тотчасъ влетѣлъ къ ней въ окно. Царевна принимала его за бѣлыя руки, цѣловала во уста сахарныя и ему говорила: что была у нее ея матушка и опять будетъ къ ней черезъ мѣсяцъ, и просила его чтобъ онъ то время пребылъ съ нею; на что Маландрахъ Царевичь съ радостію согласился и пробылъ у нее весь тотъ мѣсяцъ, а послѣ опять пошелъ домой. По приходѣ его хозяинъ началъ паки спрашивать: гдѣ ты по сіе время былъ доброй молодецъ? На что Царевичь ему отвѣтствовалъ: я-де познакомился съ однимъ купцомъ, которой пріѣхалъ сюда изъ нашего Государства, и все это время у него пробылъ. Хозяинъ такимъ его словамъ повѣрилъ. Когда же наступилъ вечеръ, то Царевичь взялъ опять свои крылья и пошелъ къ каменному замку, и подвязавъ крылья, влетѣлъ

вѣ окошко и жилѣ еще мѣсяцѣ и вылетѣлѣ тогда, какѣ надобно быть матери Царевны; а послѣ опять кѣ ней леталѣ, и такимѣ образомѣ ходилѣ онѣ кѣ ней близь года; но вѣ нѣкое время Царица, мать ея, примѣтила, что прекрасная Царевна Саликалла обеременѣла, и начала дочь свою выспрашивать: вселюбезнѣйшая моя дщерь Саликалла, примѣчаю я, что ты беременна, то повѣдай мнѣ всю истинную правду и ничего не утай, отѣ чего тебѣ то приключилось и отѣ чего во чревѣ твоемѣ чадо зародилось? На то ей Саликалла Царевна отвѣтствовала: милостивая государыня матушка, я скажу тебѣ всю истинну, что ходитѣ ко мнѣ младой Царевичь, по имени Маландрахѣ Ибрагимовичь, сынѣ сильнаго Царя Ибрагима Туксаламовича, и живемѣ мы сѣ нимѣ вѣ великой дружбѣ и любви, и прилѣтаетѣ онѣ ко

мнѣ на крылышкахъ, которыя онъ къ себѣ привязываетъ подъ пазухи. Услыша такія рѣчи Царица, мать ея, тотчасъ пошла къ Царю, своему супружнику, и ему обо всемъ томъ объявила, что отъ дочери своей слышала. Царь же возтрепетавъ, возъярился весьма сердцемъ своимъ на прекрасную дщерь свою Саликаллу Царевну; тотчасъ поѣхалъ къ ней вмѣстѣ съ Царицею и пріѣхавъ, началъ Саликаллу Царевну спрашивать: гдѣ и у кого живетъ Маландрахъ Царевичь? Царевна Саликалла обо всемъ родителю своему объявила: въ тожъ самое время Царь, отецъ ея, послалъ добрую рать съ однимъ Княземъ, чтобъ взять Маландраха Царевича и представить предъ лице его. Воины пришедши въ домъ, гдѣ жилъ Маландрахъ Царевичь, взяли его подъ стражу и привели къ Царю своему; тогда Царь началъ выспрашивать у

какого онъ роду, и чьего отца сынъ и изъ какого Государства и какъ по имени зовутъ и какъ попалъ онъ въ его Государство? На что Царевичь обьявилъ ему всю истинную правду. Тогда Царь призвалъ къ себѣ дочь свою прекрасную Царевну Саликаллу и ее спрашивалъ, тотъ ли это самой, которой къ тебѣ въ окно леталъ? Она на то ему отвѣтствовала, что это тотъ самой котораго она любитъ всею душею. Почему Царь взялъ свою дщерь за руку и отдалъ ее Маландраху Царевичу, сказавъ ему: Вселюбезнѣйшій мой зять! пріими отъ рукъ моихъ сію единородную дщерь мою себѣ въ супружницы и живи съ нею благополучно, союзно и любовно. А какъ у Царя не пиво варить и не вино курить, а веселымъ пиркомъ разомъ, да и за свадебку; и такъ Маландрахъ Царевичь женился на прекрасной Царевнѣ Саликаллѣ, и женившись жилъ онъ съ полгода у

своего тестя, а потомъ началъ у него проситься, чтобъ отпустилъ его къ своему родителю съ своею супружницею; Царь ихъ отпустилъ съ благословенiемъ и велѣлъ корабль приготовить. Какъ скоро корабль былъ приготовленъ, то Царевичь Маландрахъ простилвя съ своимъ тестемъ и съ тещею, сѣлъ на корабль съ своею супружницею и поѣхали въ свое отечество. По прибытiи во дворецъ отца своего, Царь Ибрагимъ Туксаламовичь вельми радостенъ былъ, что увидѣлъ любезнѣйшаго сына жива и здрава, и сталъ его спрашивать: гдѣ ты по сiе время былъ и какимъ случаемъ отлучился изъ Государства моего? Царевичь же Маландрахъ обьявилъ родителю своему всю правду истинную; тогда Царь Ибрагимъ Туксаламовичь былъ уже въ древнихъ лѣтахъ и для того возложилъ вѣнецъ свой на главу любезнѣйшаго своего Царевича Маландраха Ибра-

тимовича и вскорѣ послѣ того умерѣ; а Маландрахѣ Ибрагимовичь началѣ жить сѣ своею любезнѣйшею супружницею Саликаллою и жилѣ сѣ нею многія лѣта вѣ великомѣ согласіи, любви и дружбѣ, оставя по смерти своей достойныхѣ наслѣдниковѣ.

КОНЕЦЪ.

СКАЗКА

О

ВЕСЬМА ЧУДНЫХЪ И ПРЕКРАСНЫХЪ

ГУСЛЯХЪ САМОГУДАХЪ.

Жилъ былъ въ нѣкоей странѣ Король, именемъ Филонъ, и тотъ Король имѣлъ у себя жену, именемъ Халтуру, съ которою прижилъ единаго дѣтища, именемъ Астраха. И оный сынъ ихъ во младыхъ лѣтахъ имѣлъ охоту къ Рыцарскимъ дѣламъ; когда же пришелъ въ совершенный возрастъ, началъ помышлять о бракѣ и спрашивалъ своего родителя, Короля Филона, въ которомъ Государствѣ есть прекраснѣе всѣхъ Царевна, или Королевна; на то Король, отецъ его, сказалъ: Любезнѣйшій мой сынъ, чадо мое милое! когда хочешь ты жениться, то я покажу тебѣ изображеніи всѣхъ Государствъ Царевенъ и Королевенъ. Тогда Королевичь Астрахъ началъ просить у его тѣхъ изображеній, а Король Филонъ повелъ его въ

особливую горницу и показалъ ему всѣ тѣ изображенiи. Обозрѣвъ оныя, Астрахъ Царевичъ, сталъ изъ тѣхъ изображенiй выбирать себѣ невѣсту, и весьма ему полюбилась Египетскаго Царя Афора дочь, Царевна Осида, и воспалился къ ней Астрахъ любовью своею и началъ помышлять, какъ бы достать ее себѣ въ супружницы. Тогда началъ онъ у батюшки своего просить благословенiя, чтобъ отпустилъ его къ Царю Египетскому для обрученiя съ Царевною Осидою перстнями; Король же Филонъ тому очень обрадовался, что сынъ его Королевичъ, Астрахъ, хочетъ жениться, и для того отпустилъ его съ благословенiемъ къ Царю Афору. Астрахъ Королевичъ пошелъ выбирать себѣ добраго коня богатырскаго и ходилъ по всѣмъ Королевскимъ конюшнямъ, однако не могъ выбрать себѣ коня по мысли, почему простившись съ своимъ отцемъ и

матерью, взялъ отъ нихъ еще благословеніе и пошелъ въ Египетъ пѣшъ, одинъ одинехонекъ: и шелъ онъ долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, и увидѣлъ въ чистомъ полѣ, что стоятъ палаты бѣлокаменныя, которыя такъ были вызолочены, что отъ нихъ какъ отъ солнца, лучи сіяли. Астрахъ Королевичь къ тѣмъ палатамъ пошелъ и пришедши къ нимъ, ходилъ вокругъ ихъ и смотрѣлъ на окна, не увидитъ ли какого человѣка, однако не могъ никого увидѣть; и такъ пошелъ онъ на дворъ и по двору ходилъ весьма долго; но и тамъ не видалъ ни одного человѣка, и послѣ пошелъ въ палаты бѣлокаменныя и вошедши туда, ходилъ по всѣмъ покоямъ, однако и тамъ не нашелъ ни одной души, и ходилъ онъ по тѣмъ покоямъ весьма долго, и пришелъ въ одну горницу, въ которой набранъ былъ столъ для одного человѣка; а

какъ Астрахъ Королевичь тогда былъ голоденъ, то и сѣлъ онъ за тотъ столъ и наѣлся и напился и послѣ легъ на постелю и заснулъ весьма крѣпко. Какъ скоро онъ проснулся, то пошелъ опять ходить по тѣмъ покоямъ, и пришедши въ одинъ покой увидѣлъ изъ окна садъ такой прекрасной, что онъ никогда еще такого невидывалъ, и захотѣлось ему въ томъ саду погулять; для чего и пошелъ онъ туда и ходилъ тамъ очень долго, и послѣ пришелъ онъ къ каменной стѣнѣ, въ коей была желѣзная дверь съ большимъ замкомъ. Астрахъ Королевичь, потрогавъ тотъ замокъ, услышалъ вдругъ что за тою дверью заржалъ богатырской конь, и хотѣлъ Астрахъ Королевичь сбить тотъ замокъ, однако сбить было нѣчемъ, и такъ пошелъ онъ искать чѣмъ бы замокъ сбить, и нашелъ большой камень, величиною въ сажень

сЪ полуаршиномЪ, и взялЪ тотЪ камень вЪ охапку и началЪ сбивать замокЪ; но не токмо что замокЪ, но и самую дверь тѣмЪ камнемЪ онЪ вонЪ вышибЪ и когда та, дверь растворилась, то увидѣлЪ онЪ еще другую дверь желѣзную же и сЪ замкомЪ; онЪ и ту дверь также вышибЪ, и за тою дверью еще было десять дверей и онЪ всѣ ихЪ тѣмЪ камнемЪ выломалЪ и увидѣлЪ тамЪ добраго коня богатырскаго и всю збрую богатырскую. ОнЪ подошедЪ кЪ коню началЪ его поглаживать, а конь услыша по себѣ сѣдока, стоитЪ какЪ вкопаной. И тогда АстрахЪ Королевичь началЪ коня сѣдлать, надѣваетЪ на него сѣделичко черкаское и уздѣчку шелку шемаханскаго, и осѣдлавши, вывелЪ его изЪ той конюшни и сѣвши на него выѣхалЪ вЪ чистое поле и сталЪ коня того испытывать, и бьетЪ онЪ его по крутымЪ бедрамЪ по могучимЪ;

а конь осержается, отъ земли отдѣляется, подымается выше лѣсу стоячева, что пониже облака ходячева, долы и горы межъ ногъ пускаетъ, малыя рѣчки хвостомъ устилаетъ, а широкія рѣки перепрыгиваетъ; и такъ Астрахъ Королевичь умучилъ того добраго коня, что по немъ какъ мыльная пѣна сдѣлалась. Потомъ тотъ добрый конь проговорилъ Астраху Королевичу человѣческимъ голосомъ слѣдующія слова: Ну, Астрахъ Королевичь! ты по мнѣ сѣдокъ, служилъ я покойнику Еруслалу Еруслановичу сильному могучему богатырю, ровно тридцать лѣтъ и три года и былъ съ нимъ на многихъ поединкахъ и сраженіяхъ, однако никогда такъ я не уставалъ, какъ нынѣ; и теперь я готовъ тебѣ служить до моей смерти вѣрою и правдою. Тогда Астрахъ Королевичь поѣхалъ опять на тотъ широкой дворъ и поставилъ сво-

его добраго коня въ конюшню, насыпалъ ему бѣлой ярой пшеницы и налилъ ключевой воды, а самъ пошелъ въ палаты бѣлокаменныя, напился, наѣлся и легъ спать. Во утріе же вставъ рано, осѣдлалъ своего добраго коня богатырскаго и сѣвъ на него, поѣхалъ въ Египетъ къ Царю Афору просить себѣ въ супружницу дочь его прекрасную Царевну Осиду, и по нѣкоторомъ времени пріѣхавши туда, сказалъ онъ о себѣ, что онъ сынъ Короля Федрона. Услышавъ сіе Царь Афоръ, принялъ его весьма честно и спрашивалъ, за чемъ онъ къ нему пріѣхалъ? На что Астрахъ Королевичь отвѣчаетъ ему такъ: Великій Царь всея Египетскія страны! пріѣхалъ я къ тебѣ не гостить и не пиръ пировать, а пріѣхалъ я къ тебѣ просить милости, чтобъ отдалъ ты мнѣ свою любезнѣйшую Царевну Осиду въ супружницы. Храбрый Ры-

царь Астрахъ Королевичь, отвѣтствовалъ ему Царь Афоръ, я со всею своею охотою отдамъ за тебя дщерь мою, но токмо сослужи ты мнѣ службу: подступаетъ подъ мое царство невѣрный Царь Татарскій и хочетъ мое царство повоевать и разграбить, и мою дщерь взять нечестно себѣ въ супружницы; а меня и съ женою моею хочетъ смертію казнить. Тогда, Астрахъ Королевичь Царю Афору сказалъ: Милостивый Государь, Царь Афоръ! я готовъ идти на брань за вѣру Христіанскую съ невѣрнымъ Царемъ, и спасти вашъ градъ отъ погибели безвременныя. Тому бывъ радъ Царь Египетскій, Афоръ, повелѣлъ великій пиръ сотворить для храбраго и прекраснаго Королевича Астраха; и когда начался пиръ, тогда Астрахъ Королевичь обручился съ прекрасною Царевною Осидою перстнями, и послѣ того пили они

и ѣли и прохлажалися и всякими забавами забавлялися, а потомъ разошлися для ночнаго покоя. На другой же день подступаетъ подъ тотъ градъ рать, сила бусурманская, и той силы числомъ было триста тысячь. Царь Афоръ вельми испугавшись, прибѣжалъ къ Астраху Королевичу и просилъ его, чтобъ онъ сталъ за вѣру Христіанскую. Астрахъ Королевичь всталъ, стряхнулся и осѣдлалъ своего добраго коня богатырскаго, потомъ вошедъ въ палаты царскія, помолился Богу и на всѣ на четыре стороны поклонился, и началъ съ Царемъ Афоромъ и съ супругою его и съ прекрасною Царевною, обрученною невѣстою прощаться, и простившись съ ними, пошелъ на широкой дворъ и сѣлъ на своего добраго коня богатырскаго. Онъ съѣзжаетъ доброй молодецъ съ широкова двора и подъѣзжаетъ къ той силѣ непріятельской и бьетъ

коня по крутымЪ бедрамЪ, по могучимЪ, а конь его осержается, отЪ земли отдѣляется, подымается выше лѣсу стоячева, что пониже облака ходячева, долы и горы межЪ ногЪ пускаетЪ, малыя рѣки хвостомЪ устилаетЪ, большiяжЪ рѣки перепрыгиваетЪ, и вЪѣхалЪ онЪ вЪ ту рать, силу непрiятельскую, и началЪ бусурмановЪ рубить и крошить вЪ мѣлкiя части; и гдѣ АстрахЪ Королевичь рукой махнетЪ, тутЪ улица, а гдѣ конемЪ вернетЪ, тамЪ площадь; и не столько АстрахЪ Королевичь рубитЪ, сколько конемЪ топчетЪ, и перерубилЪ онЪ и перетопталЪ ту рать, силу непрiятельскую, и самаго Царя бусурманскаго вЪ полонЪ взявши, привезЪ кЪ Царю Афору. Тогда Царь АфорЪ весьма радостенЪ былЪ и приказалЪ Царя бусурманскаго посадить вЪ темницу; а сЪ АстрахомЪ КоролевичемЪ начали веселиться, и то веселiе продол-

жалось пятьнадцать дней. По истеченіи же того времени Астрахъ Королевичь сталъ опять напоминать Царю Афору о бракѣ съ прекрасною Царевною Осидою, и Царь Афоръ приказалъ для брака великій пиръ приготовить; потомъ призвавъ къ себѣ любезную свою дщерь прекрасную Царевну Осиду, приказывалъ ей, чтобъ она готовилась ко браку. Выслушавъ сіе Царевна Осида, позвала къ себѣ Астраха Королевича и сказала ему: О вселюбезнѣйшій мой другъ и обрученный женихъ! хочешь ты такъ скоро со мною бракомъ сочетаться, но подумай прежде, какое у насъ будетъ на бракѣ веселіе безъ музыки, понеже у батюшки моего нѣтъ никакихъ игруновъ, и для того съѣзди ты, любезнѣйшій мой другъ за тридевять земель въ тридесятое Государство, въ царство Кащея безсмертнаго и достань ты отъ него гусли самогуды; онъ

такѣ хорошо играютѣ всякія разныя штуки, что заслушаешся, и тѣмѣ гуслямѣ самогудамѣ цѣны нѣтѣ, и тѣ гусли самогуды веселить насѣ будутѣ на бракѣ нашемѣ. Тогда Астрахѣ Королевичь выходитѣ изѣ палатушекѣ бѣлокаменныхѣ, и входитѣ вѣ конюшню царскую, выводитѣ своего добраго коня богатырскаго, надѣваетѣ на него сѣделичко черкаское и подтягиваетѣ подпругу шелку шемаханскаго; простившись же сѣ Царемѣ Египетскимѣ, сѣ Царицею и сѣ своею обрученною невѣстою, сѣлѣ на своего добраго коня, сѣѣхалѣ со широкова двора и поѣхалѣ вѣ царство Кащея безсмертнаго за гуслями самогудами, ѣхалѣ онѣ путемѣ дорогою и увидѣлѣ старенькую избушку, и та избушка стоитѣ кѣ лѣсу передомѣ, а кѣ нему задомѣ; приближась Астрахѣ Королевичь, вскрикнулѣ богатырскимѣ голосомѣ: Избушка, из-

бушка! стань къ лѣсу задомъ а ко мнѣ передомъ; и та избушка повернулась къ нему передомъ. Тогда Астрахъ Королевичь слезъ съ своего добраго коня и вошелъ въ ту избушку, и сидитъ въ той избушкѣ Яга-баба на полу и прядетъ ленъ; голова у ней въ углу, а ноги она въ потолокъ уперла; и закричала Яга баба страшнымъ голосомъ: фу! фу! фу! Какъ доселева рускова духу слыхомъ не слыхано, а нынѣ руской духъ въ очью совершается. Потомъ стала она Астраха Королевича спрашивать: за чемъ ты доброй молодецъ, Астрахъ Королевичь, сюда заѣхалъ, волею ли или неволею? Вить сюда и птица не залетываетъ, и мимо моей избушки никогда ни звѣрь не прорыскивалъ, ни богатырь не проѣзживалъ, а тебя какъ сюда Богъ занесъ? На то Астрахъ Королевичь ей сказалъ: Ахъ, ты глупая, старая баба, ты прежде

напой меня добраго молодца и накорми, и тогда уже спрашивай. Яга баба тотчасъ Астраха Королевича напоила, накормила и въ банькѣ выпарила, головку буйну вычесала и постелю ему приготовила и начала его опять спрашивать: Скажи ты мнѣ доброй молодецъ, куда ты свой путь держишъ, въ которую дальную сторонушку, и волею ли ты ѣдешь, или неволею? На то ей Астрахъ Королевичь такъ отвѣщалъ: сколько волею, а вдвое того неволею, ѣду я за тридевять земель въ тридесятое Государство, во царство Кащея безсмертнаго, доставать гусли самогуды. Го! го! го! молвила Яга баба: трудно тебѣ достать тѣ гусли; однако молися Богу и ложись спать, утро вечера мудренѣе. Астрахъ Королевичь легъ спать; во утріе же Яга баба пробудилась очень рано, встала и начала будить Астраха Короле-

вича: Вставай Астрахъ Королевичь, пора тебѣ доброму молодцу въ путь ѣхать. Тогда Астрахъ Королевичь всталъ, одѣлся, обулся и умылся, Богу помолился и на всѣ на четыре стороны поклонился, началъ съ Ягою бабою прощаться. Яга же баба тогда Астраху Королевичу сказала: Чтожъ ты доброй молодецъ въ путь ѣдешь, а меня старую бабу не спрашиваешь, какъ тебѣ достать гусли самогуды; Астрахъ Королевичь сталъ Ягу бабу выспрашивать, а Яга баба ему сказала: Поѣзжай ты путемъ дорогою съ Божіею помощіею, и когда пріѣдешь ты въ царство Кащея безсмертнаго, то норови ты, чтобъ пріѣхать тебѣ туда въ полдень: возлѣ его палатушекъ позолоченныхъ есть зеленой садъ, и въ томъ саду будетъ прогуливаться красная дѣвица, Царская дочь, и ты черезъ стѣну въ томъ садъ перескочи и подойди къ той

красной дѣвицѣ; она тебѣ будетъ рада, для того, что шестой уже годъ какъ она унесена Кащеемъ безсмертнымъ отъ ея родимаго батюшки, и живетъ съ нею Кащей безсмертный такъ, какъ съ полюбовницею, и ты спроси у той красной дѣвицы, какъ достать тебѣ гусли самогуды, то она тебѣ скажетъ. Тогда Астрахъ Королевичь сѣвши на своего добраго коня, поѣхалъ въ путь и ѣхалъ онъ, долго ли, коротко ли, далеко ли, и пріѣхавъ въ царство Кащея безсмертнаго, подъѣхалъ къ его палатушкамъ позолоченымъ и услышалъ, какъ играютъ гусли самогуды. Тутъ Астрахъ Королевичь остановился и чуть было не заслушался, ибо тѣ гусли такъ хорошо играли, что всякой человѣкъ можетъ заслушаться до смерти; но Астрахъ Королевичь опомнился, и перескочивъ черезъ стѣну въ зеленой садъ, увидѣлъ тамъ дѣвицу, царскую дочь, и та дѣ-

вица весьма его испугалась, а Астрахъ Королевачь тотчасъ къ ней подошедъ, сказалъ ей, чтобъ она непугалась; послѣ чего сталъ ее спрашивать, какъ достать ему гусли самогуды? На что Царевна Дариса ему отвѣчала: ежели ты меня съ собою возмешь, такъ я тебѣ скажу, какъ достать гусли самогуды. Астрахъ Королевичь обѣщался ее взять съ собою, ежели тѣ гусли чрезъ нее достанетъ; а Царевна Дариса на то сказала Астраху, чтобъ онъ остался въ саду, а сама пошла къ Кащею безсмертному и стала его спрашивать ложными рѣчами, какъ будто она его сердечно любитъ, и говорила ему слова сіи: Вселюбезнѣйшій мой другъ и искренній пріятель, Кащей безсмертный! скажи мнѣ пожалуй, не ужъ ли ты никогда не умрешь? Конечно, я никогда не умру, отвѣчалъ ей Кащей безсмертный. Однако, сказала Царевна Дариса, гдѣ же твоя

смерть, да и есть ли она у тебя, скажи ты мнѣ? Конечно есть, отвѣчалъ ей Кащей безсмертный; она подъ порогомъ въ голикѣ. Царевна Дариса тотчасъ ухватиеа тотъ голикъ и бросила его въ огонь, однакожъ хотя голикъ и сгорѣлъ, но Кащей безсмертный живъ остался. Тогда Царевна опять спросила Кащея безсмертнаго, говоря ему такъ: Другъ мой прелюбезный, конечно ты меня не любишь, что не скажешъ мнѣ правду, гдѣ смерть твоя: вить я тебѣ не лиходѣйка, а люблю тебя всею моею душею, и разговаривая, такъ начала Царевна Дариса обнимать и цѣловать лицемѣрно Кащея безсмертнаго и просила его, чтобъ онъ ей сказалъ, гдѣ смершь его. Тогда Кащей безсмертный сказалъ ей со смѣхомъ: Слѣдъ ли тебѣ знать, гдѣ смерть моя? однако же я любя тебя, скажу тебѣ, гдѣ она. Въ чистомъ поле

стоятъ три дуба зеленые и подъ корнемъ самаго большаго дуба есть червякъ, и кто того червяка найдетъ и задавитъ, тогда и я умру. Царевна Дариса выслушавъ такіе рѣчи, пошла и сказала Астраху Королевичу, чтобъ онъ поѣхавъ въ чистое поле, сыскалъ бы три дуба и подъ большимъ дубомъ вырылъ бы червяка и его бы задавилъ. Астрахъ Королевичь тотчасъ поѣхалъ въ чистое поле и ѣздилъ съ утра до вечера и насилу нашелъ три дуба зеленые и подъ большимъ дубомъ вырылъ червяка и его задавилъ. Потомъ пріѣхалъ къ Царевнѣ Дарисѣ спросилъ ее: что живъ ли Кащей безсмертный? я червяка нашелъ и задавилъ. Она отвѣчала ему, что Кащей живъ. Тогда Астрахъ Королевичь ей сказалъ: подижъ ты къ Кащею безсмертному и спрашивай, гдѣ его смерть, хорошенько; а то онъ тебя все обманываетъ. Почему Царевна Дариса

побѣжавъ къ Кащею безсмертному, говорила ему со слезами: Ты право меня не любишь, что нескажешь мнѣ правды, гдѣ твоя смерть, и ты все меня обманываешь, какъ дуру; потомъ начала его опять лицемѣрно обнимать и цѣловать и послѣ спрашивать, гдѣ смерть его? Тогда-то уже Кащей безсмертный сказалъ ей всю правду; онъ ей говорилъ: Смерть моя далеко отсуда и трудно кому ее достать; она есть на морѣ на Океанѣ, и на томъ морѣ есть островъ Буянъ, и на томъ Буянѣ островѣ есть зеленой дубъ, и подъ тѣмъ дубомъ зарытъ сундукъ желѣзной, и въ томъ сундукѣ есть коробка, и въ той коробкѣ есть заяцъ, и въ томъ зайцѣ есть утка, а въ уткѣ яйцо, и кто то яйцо достанетъ и раздавитъ, то и я въ тужъ самую минуту умру. Царевна выслушавъ таковые [illegible] побѣжала къ Анштаху [illegible]

и ему о томъ сказала. Астрахъ Королевичь тотчасъ сѣлъ на своего добраго коня и поѣхалъ къ Океану морю, и когда къ оному пріѣхалъ, то увидѣвъ онъ рыбака въ лодкѣ, сказалъ тому рыбаку: перевези меня на островъ Буянъ; рыбакъ на то ему сказалъ: садись, господинъ, ко мнѣ въ лодку; и потомъ Астрахъ Королевичь сѣлъ къ нему въ лодку, а рыбакъ перевезъ его на островъ Буянъ. Астрахъ Королевичь нашелъ тамъ зеленой дубъ и изъ подъ дуба вырылъ сундукъ желѣзной и тотъ сундукъ онъ разбилъ, и разскрылъ коробку, и взявъ изъ коробки зайца, разорвалъ онъ того зайца на полы, и лишь только что зайца разорвалъ, то изъ него вылетѣла сѣрая утица и поднялася къ верьху, и какъ скоро надлетѣла она надъ море, то уронила изъ себя яйцо въ море. Увидя сіе Астрахъ Королевичь, очень печаленъ былъ и велѣлъ тому

рыбаку бросить неводЪ вЪ море. РыбакЪ тотчасЪ неводЪ бросилЪ и вытащилЪ большую щуку; АстрахЪ Королевичь велѢлЪ ту щуку выпотрошить и нашли вЪ ней то яйцо, которое утица изЪ себя выронила. АстрахЪ Королевичь сѢвЪ вЪ лодку, велѢлЪ рыбаку везть себя на берегЪ; когда же они переѢхали, то АстрахЪ Королевичь далЪ рыбаку за работу денегЪ, а самЪ сѢлЪ на своего добраго коня и поѢхалЪ кЪ ЦаревнѢ ДарисѢ. КакЪ скоро онЪ кЪ ней прiѢхалЪ и сказалЪ, что онЪ то яйцо досталЪ, тогда Царевна Дариса ему сказала: теперь не бойся, ступай со мною вмѢстѢ кЪ Кащею, и когда онЪ кЪ нему показался, то Кащей вскочилЪ тотчасЪ и хотѢлЪ убить Астраха Королевича до смерти, а АстрахЪ Королевичь взялЪ скоро яйцо вЪ руку и началЪ его мало по малу давить Кащей вмѣсто того, чтобЪ ему убить Астраха

Королевича, началЪ кричать и ревѣть во все горло, и говорилЪ притомЪ Царевнѣ Дарисѣ: вотЪ я любя тебя сказалЪ тебѣ, гдѣ смерть моя, а ты теперь что со мною дѣлаешь. ПотомЪ схватилЪ онЪ со стѣны мечь и хотѣлЪ Царевну Дарису разрубить на полы; но вЪ то самое время АстрахЪ Королевичь раздавилЪ яйцо, и Кащей повалился на землю, какЪ снопЪ, и издохЪ. Царевна Дариса повела тогда Астраха Королевича вЪ ту палату, гдѣ были гусли самогуды, и какЪ они туда пришли, то сказала она ему: ну, тепорь эти гусли твои, возьми ихЪ; а ты за то вывези меня отсель вЪ мою родимую сторонушку. АстрахЪ Королевичь взялЪ тѣ гусли подЪ пазуху и онѣ такЪ хорошо и громогласно заиграли, что АстрахЪ Королевичь весьма тому удивился и не токмо тому, что гусли сами играютЪ, но и тому, что онѣ были преукра-

шены и сдѣланы изъ самаго чистаго восточнаго хрусталя, а струны на нихъ были золотыя. Астрахъ Королевичь долго на нихъ глядя любовался. Послѣ вышедъ онъ изъ палатъ вонъ, сѣлъ на своего добраго коня и посадя съ собою вмѣстѣ Царевну Дарису, поѣхалъ въ путь. Онъ отвезъ прежде Царевну Дарису къ ея отцу и матери, а потомъ пріѣхалъ въ Египетъ къ Царю Афору, своему тестю и отдалъ тѣ гусли самогуды своей любезнѣйшей невѣстѣ, прекрасной Царевнѣ Осидѣ; и тогда гусли самогуды положили на столъ, а онѣ начали играть очень прекрасно и забавно. На другой же послѣ того день, Астрахъ Королевичь сочетался бракомъ съ прекрасною Царевною Осидою, и поживъ во Египтѣ не малое время, отъѣхалъ оттудова въ отечество свое. Когда Король отецъ его увидѣлъ возлюбленнаго своего сына, также и Царица

жать его, то весьма возрадовалися сердцемъ своимъ, и въ скоромъ времени послѣ того, Король Федронъ волею Божіею умре, а Астрахъ Королевичь возложилъ на главу свою вѣнецъ родительскій, и началъ съ возлюбленною, милою своею супружницею, съ прекрасною Царевною Осидою, жить во всякомъ союзѣ и благоденствіи пребывать до самой смерти своея, съ которою и сей сказкѣ

КОНЕЦЪ.

СКАЗКА
О
СЕМИ МУДРЕЦАХЪ
И
О ЮНОШѢ.

Нѣкоторой Король имѣлъ у себя семь мудрецовъ, и когда Королю случались какія важныя дѣла, то всегда призывалъ онъ къ себѣ мудрецовъ своихъ и съ ними совѣтывалъ, и можно сказать, что почти никакого дѣла безъ нихъ не дѣлывалъ: ибо они весьма разумны и во всякихъ случаяхъ искусны были. Онъ препоручилъ имъ свое Королевство, дабы надсматривали надъ онымъ. Мудрецы видя, что Король безъ нихъ ничего дѣлать не былъ въ состояніи, то выдумали они такое злодѣйское дѣло, что Государя своего лишили зрѣнія, такъ, что когда онъ бывалъ въ своихъ палатахъ, то могъ видѣть все; а когда онъ выходилъ на воздухъ, то невидѣлъ ничего, и сіе учинили они для того,

чтобЪ имЪ вольнѣе можно было дѣлать то, что имЪ захочется, и чрезЪ то бы обогатить себя. Они радовались, что удалось имЪ своего Государя сдѣлать полуслѣпымЪ; но не удовольствуясь еще тѣмЪ, что вЪ тогдашнее время грабили подданныхЪ Королевства безчеловѣчнымЪ образомЪ, да и зверски выпросили еще у Короля позволеніе обнародовать такіе указы, чтобЪ всѣ тѣ, которымЪ привидится сонЪ, приходилибЪ кЪ нимЪ для истолкованія. Король ихЪ спросилЪ, для чего бы сіе и что бы то значило? Для того, отвѣтствовали мудрецы, чтобЪ изЪ тѣхЪ сновЪ можно было примѣтить, отЪ чего у Вашего Величества такимЪ чуднымЪ образомЪ глаза испортились. Король услыша то, сЪ великою охотою приказалЪ оные указы извѣстить вЪ народѣ; но то все для него было безполезно: ибо мудрецы нарочно то для своей прибыли

исходатайствовали у Государя, потому, что кто приходилъ къ нимъ для истолкованія сна, тотъ долженъ былъ дать мудрецамъ три золотые монеты, а съ другихъ брали и болѣе, смотря по человѣку, чрезъ что напослѣдокъ чрезвычайно обогатились. Въ одинъ день, когда Король разговаривалъ съ своею супругою на единѣ, и между прочимъ Королева ему сказала: Милостивѣйшій Государь, я непонимаю чудной вашей болѣзни, которую вы въ глазахъ вашихъ имѣете; но мнѣ кажется мудрецы ваши могутъ оную излѣчить, ибо они подданныхъ нашихъ многихъ отъ болѣзней исцѣляютъ, также и сны имъ толкуютъ, и многія другія дѣла въ дѣйство производятъ; въ такомъ случаѣ, кажется мнѣ, когдабъ вы ихъ къ себѣ призвавъ, приказали исцѣлить по прежнему глаза ваши, то бы конечно они изъ повелѣнія вашего не могли выступить;

въ противномъ же случаѣ, угрожайте имъ смертною казнію. Король въ самомъ дѣлѣ съ мудрецами такъ поступилъ; но они и рады бы были въ томъ ему здѣлать вспомоществованіе, да уже не могли, или, лучше сказать, не умѣли. Они всѣ весьма опасались, чтобъ не лишиться своей жизни; для чего разослали нарочныхъ въ разныя отдалѣнныя мѣста искать волхвовъ, которыхъ, ежели найдутъ, привезти бы къ нимъ, и имъ приказать излѣчить Короля. Но въ самое то время, когда для сысканія волхвовъ было послано, пришелъ къ мудрецамъ нѣкоторой мѣщанинъ того города для истолкованія сна. Мудрецы, взявъ отъ него три золотыя монеты, спрашивали, какой сонъ онъ видѣлъ? Милостивые государи, говорилъ мѣщанинъ, мнѣ приснилось, будто бы въ моемъ огородѣ выросло высокое дерево, подъ которымъ множество червей находилось; а

потомъ представилось мнѣ, что весь мой огородъ водою затопило. О! конечно ты пьяной съ вечера спать легъ, сказали ему мудрецы, для того тебѣ много и воды приснилось, почему и сонъ твой тебѣ безполезенъ. Мѣщанинъ, возвращаясь домой, былъ весьма печаленъ, что отдалъ три золотыя монеты безъ всякаго истолкованія, и подходя уже къ своему дому, увидѣлъ онъ на улицѣ юношу, которой бросая камушками, ему сказалъ: другъ мой, не жалѣй ты того золота, которое безъ пользы отдалъ мудрецамъ, и подойди ко мнѣ, я разтолкую тебѣ сонъ твой обстоятельно, только лишь скажи, что тебѣ приснилось? Мѣщанинъ, удивляясь тому юношѣ, самъ въ себѣ сказалъ: почему онъ знаетъ, что я отдалъ золотыя деньги безъ моей пользы, также и то, что я видѣлъ сонъ! Потомъ онъ нѣсколько подумавъ и подошедъ къ

юношѣ, разсказалѣ ему сонѣ свой. О! твой сонѣ предзнаменуетѣ великое богатство; которое ты получить долженѣ: иди вѣ свой огородѣ на то самое мѣсто, гдѣ ты много червей видѣлѣ, и взявѣ лопату, рой землю, то увидишь что тамѣ найдешъ. Мѣщанинѣ пришедѣ домой, началѣ вѣ огородѣ, гдѣ видѣлѣ червей, рыть землю и нашелѣ тамѣ золота великое множество. Онѣ отвѣся два фунта онаго, пошелѣ кѣ юношѣ, чтобѣ ему отдать; но когда онѣ вышелѣ изѣ двора, встрѣтились сѣ нимѣ мудрецы, кѣ коимѣ мѣщанинѣ подошедѣ сказалѣ: Господа, главные мудрецы, не стыдно ли вамѣ, что вы не могли мнѣ разстолковать сна моего, а вотѣ этотѣ юноша, котораго вы видите здѣсь на улицѣ, онѣ мнѣ изѣяснилѣ такѣ, что все то что онѣ сказалѣ, сбылось. Потомѣ разсказалѣ онѣ имѣ обо всемѣ подробно. Мудрецы удивлялися словамѣ

мѣщанина; однакожъ не увѣрясь на оныхъ, подошли сами къ юношѣ вмѣстѣ съ мѣщаниномъ, которой подавалъ ему два фунта золота; но юноша не взявъ онаго, мѣщанину сказалъ: избави меня, Боже, чтобъ я у тебя взялъ то, что Богъ тебѣ далъ: Мудрецы примѣтя въ юношѣ великій разумъ и премудрость, спросили онаго о его имени, и когда имъ объявилъ, что онъ называется Мирсяниномъ, тогда ему сказали: любезный юноша, можешь ли ты отгадать ту загадку, о которой мы тебя спросимъ? Я съ охотою оную вамъ истолковать постараюсь, отвѣтствовалъ имъ юноша. Тогда одинъ мудрецъ ему говорилъ: вотъ наша загадка въ чемъ состоитъ: Государь нашъ, когда пребываетъ въ своихъ палатахъ, то видитъ все, а когда выйдетъ на воздухъ, то ничего глазами видѣть не можетъ. Знаю, что значитъ сія загадка, сказалъ юноша; при томъ же и

Государя могу излѣчить отъ болѣзни, такъ что онъ получитъ прежнее зрѣніе. Изрядно, сказали мудрецы, пойдемъ же съ нами къ Государю; ты отъ него, также и отъ насъ великія дары за то получить можешь. Когда юноша представленъ былъ предъ Короля, тогда мудрецы говорили: Ваше Величество! вотъ сей юноша обѣщается излѣчить чудную болѣзнь Вашу. Король удивясь тому чрезвычайно, что юноша былъ въ томъ такъ искусенъ, какъ объ немъ сказывали; чего ради сказалъ ему: не уже ли можешь ты излѣчить глаза мои? Милостивѣйшій Государь, отвѣчалъ юноша: я весьма охотно стараться буду въ томъ Вамъ сдѣлать помощь, только лишь позвольте мнѣ съ Вами вмѣстѣ войти въ Вашу спальню. Король охотно то учинилъ; и когда они туда пришли, юноша Королю сказалъ: Ваше Величество, теперь извольте приказать снять постѣль

съ ложа Вашего; Король и то приказалъ сдѣлать. Какъ же скоро постѣль съ кровати была снята, тогда подъ оною юноша нашелъ большой орѣхъ, около котораго семь чѐрвей обвилися. Видишь ли, Государь, сказалъ онъ Королю, сихъ малыхъ насѣкомыхъ, которыя причиною Твоей на воздухѣ слѣпоты? Вижу, отвѣчалъ Король; но отъ чего они здѣсь явились? Я все оное изъясню, молвилъ юноша, изволь лишь меня выслушать: сіи семь червей означаютъ Твоихъ семи мудрецовъ, которые Тебѣ служатъ лицемѣрнымъ образомъ, хотя Ты ихъ и жалуешь больше всѣхъ прочихъ достойныхъ людей; но они не смотря на то и неудовольствуясь милостію Твоею, повредили Твои глаза нарочно для того, чтобъ Ты не видалъ, какъ они Твое Королевство раззоряютъ.... Но скажи мнѣ пожалуй, перебилъ Король рѣчь его, могу ли я получить

излѣченіе глазамъ моимъ? Очень можешь, отвѣчалъ юноша: но только тогда, когда сихъ червей на семъ мѣстѣ не будетъ... Какъ! спросилъ Король съ удивленіемъ, развѣ ихъ не можно взять съ сего мѣста. Конечно не льзя, отвѣчалъ юноша; ибо если Ты ихъ снять велишъ, то зрѣніе свое уже вовсе потеряешь. Да какъ же отъ нихъ избавиться, спросилъ Король? Прикажи всѣмъ Твоимъ мудрецамъ отрубить головы, молвилъ юноша, тогда Ты первое получишь зрѣніе; второе, избавишся сихъ насѣкомыхъ, ибо они сами тогда пропадутъ; а третіе, будешь безопасенъ отъ своихъ злодѣевъ то есть, отъ Твоихъ мудрецовъ, которые червей подъ Твою постѣль положили, и тѣмъ лишили Тебя зрѣнія на воздухѣ. Король приказалъ тотчасъ мудрецамъ своимъ отрубить головы и когда то было учинено, тогда

получилЪ онЪ прежнюю глазамЪ свободу: черви также изчезли, а юношу и всѢхЪ его родственниковЪ наградилЪ Король весьма щедро.

КОНЕЦЪ.

СКАЗКА
О
НѢКОЕМЪ БАШМАЧНИКѢ
И
СЛУГѢ ЕГО
ПРИТЫЧКИНѢ.

ВЪ нѣкоемЪ царствѣ, вЪ нѣкоемЪ Государствѣ былЪ жилЪ славной и именитой Князь МистафорЪ Скурлатовичь, у котораго былЪ слуга, по имени Горя, сынЪ КручининЪ. МистафорЪ Скурлатовичь отдалЪ его кЪ искусному мастеру учиться башмачной наукѣ сЪ тѣмЪ договоромЪ чтобЪ онЪ вЪ сей наукѣ былЪ первой противу всѣхЪ мастеровЪ и лучше и искуснѣе. И такЪ Горя учился нѣсколько лѣтЪ и выучился такЪ хорошо, что шилЪ башмаки не вЪ образецЪ лучше своего мастера. Тогда МистафорЪ Скурлатовичь взялЪ его вЪ домЪ свой и заставилЪ на себя шить башмаки, и онЪ сшилЪ дюжинЪ двадцать башмаковЪ, однако барину его Мистафору Скурлатовичу ни одна пара не показалась, за что билЪ онЪ его немилосерно

и отъ тѣхъ побоевъ башмачникъ Горя Кручининъ чуть ума нерехнулся и отъ печали захворалъ гораздо плотно, и былъ болѣнъ недѣль съ десятокъ; а какъ сталъ обмогаться и началъ мало по малу бродить, тогда Мистафоръ Скурлатовичь опять заставилъ Горю Кручинина башмаки на себя шить; но когда онъ нѣсколько паръ сшилъ и принесъ къ нему примѣривать, то не показалась ему ни одна пара. Тогда Скурлатовичь бросилъ тѣми башмаками ему въ голову и разбилъ ему всю рожу до крови; а Горя Кручининъ, имѣя у себя алтынъ денегъ, пошелъ въ кабакъ, выговоря сіи слова: хоть бы чортъ меня отъ такого барина избавилъ. Вдругъ предсталъ къ нему незнакомой человѣкъ и сказалъ: о чемъ ты, доброй молодецъ, горюешъ? На то ему башмачникъ Горя отвѣтствовалъ: какъ мнѣ доброму молодцу не кручиниться! Баринъ мой, какъ злой песъ, лихъ, ты ви-

дишь, какъ онъ меня севодни пощипалъ; а недѣль за десять пуще этова еще меня билъ. Незнакомой спросилъ его: за что онъ тебя такъ билъ? На то Горя ему говорилъ: учился я башмачной наукѣ и выучился лучше своего мастера и началъ шить башмаки на своего барина; однако сколько ни шилъ, не могъ попасть на его обычай: и вмѣсто того, чтобъ сказать спасибо, все бьетъ меня немилосердо, какъ ты и самъ видишь, что у меня рожа вся избита. На то незнакомой сталъ ему говорить: я знаю твоего господина довольно, надобно тебя отъ него избавить, и ежели ты хочешь, то я сдѣлаю тебя счастливымъ человѣкомъ и женю тебя на Мистафоровой дочерѣ вмѣсто того Князя, за котораго уже она сосватана. Что ты, вздурился что ли? сказалъ ему Горя, что такой самбуръ городишь: вить это нестаточное дѣло! По-

вѣрь мнѣ, сказалъ ему незнакомой, что я это все могу сдѣлать. Но башмачникъ усумнился, молвилъ: сколько брать ты, ни болтай, а я этому не повѣрю. Ну! такъ я тебя увѣряю, что я все это могу сдѣлать; и потомъ велѣлъ ему зажмуриться и повернуться противъ солнца и ступить два шага назадъ. Когда все это Горя исполнилъ, то велѣлъ онъ ему посмотрѣть на себя. Горя весьма удивился, видя себя въ драгоцѣнномъ нарядѣ, и сказалъ: никакъ ты чортъ въ человѣческомъ образѣ? Конечно я чортъ, потому что ты меня звалъ, я по твоему зову тебѣ явился и хочу тебѣ услужить и женить тебя на Мистафоровой дочерѣ. Да какъ это можно, говоритъ ему Горя? вить меня тамъ всѣ знаютъ; да и собака можетъ узнать. А сей ему сказалъ: нѣтъ, неправда, никто тебя не узнаетъ, и ты будешь въ образѣ того Князя Дардавана,

за котораго Мистафорова дочь Догада сговорена и обручена. Хорошо и весьма бы хорошо, еслибъ сдѣлалось, какъ ты мнѣ говоришь, сказалъ ему Горя. Ужъ будетъ такъ, когда я тебѣ говорю. И еще приказалъ ему отступить три шага зажмурившись и послѣ открыть глаза. Тогда увидѣлъ Горя предъ собою палаты бѣлокаменныя огромныя и весьма тому удивляясь, отъ чего сіе такъ скоро явилось, со изумленіемъ вскричалъ: ты и въ правду чортъ а не человѣкъ, что творишь такія великія мудрости. Я тебѣ говорю правду, а не обманываю, отвѣтствовалъ ему незнакомой и теперь дарую тебѣ эти каменныя палаты, а самъ буду у тебя вѣрнымъ слугою; называй ты меня Притычкинымъ. Послѣ чего слуга сей повелъ новаго своего господина Горю башмачника на широкой дворъ, и увидѣлъ тамъ башмачникъ Горя великое множе-

ство слугЪ, лошадей, каретЪ и всего вЪ великомЪ убранствѢ; и тѢ слуги ему поклонялись, яко Князю и музыканты заиграли на разныхЪ инструментахЪ; а какЪ музыка играть перестала, тогда башмачникЪ Горя пошелЪ вЪ палаты бѢлокаменныя и увидѢлЪ накрытой столЪ сЪ разными кушаньями, и сѢлЪ онЪ за тотЪ столЪ, напился и наѢлся порядочно, и жилЪ онЪ вЪ томЪ домѢ нѢсколько времени, какЪ какой знатной вельможа. ВЪ то время Князь ДардаванЪ, обручившись сЪ своею невѢстою Догадою, уѢхалЪ вЪ иной городЪ за своими нуждами; а вѢрной слуга ПритычкинЪ почелЪ сіе время за доброй случай женить башмачника Горю на ДогадѢ, и для того пришедЪ кЪ своему господину башмачнику, сказалЪ ему: теперь надобно сдѢлать, чтобЪ МистафорЪ призналЪ тебя, за Князя Дардавана и сказавЪ сіе вышелЪ передЪ палаты бѢлокамен

ныя и построилЪ противЪ самыхЪ палатЪ лагерь великій и велѢлЪ играть всѢмЪ музыкантамЪ вдругЪ. Когда музыка заиграла, услышалЪ МистафорЪ Скурлатовичь разные пріятные голоса и помыслилЪ вЪ себѢ, что конечно Князь ДардаванЪ пріѢхалЪ, и послалЪ тотчасЪ о томЪ провѢдать. ИзвѢстившись и вЪ самомЪ дѢлѢ отЪ тамошнихЪ людей, что мнимый Князь ДардаванЪ самЪ пріѢхалЪ, послалЪ кЪ нему много знаменитыхЪ людей звать кЪ себѢ на пирЪ вселюбезнаго своего зятя Князя Дардавана. Послы Мистафоровы, пришедЪ кЪ башмачнику Горю, кланялись ему униженно и просили его именемЪ своего Князя Мистафора Скурлатовича, чтобЪ пожаловалЪ кЪ нему на пирЪ погостить. БашмачникЪ Горя имЪ отвѢчалЪ: подите вы и донесите Мистафору Скурлатовичу, что я за вами же скоро кЪ нему буду; посланные всѢ, поклонясь низко башмачнику Горю, предстали предЪ

Князя своего Мистафора и разсказали, что отъ мнимаго Царевича Дардавана слышали и что видѣли у него. По отшествіи Мистафоровыхъ посланцевъ слуга Притычкинъ пришелъ къ башмачнику Горю и говоритъ ему: ну теперь тебѣ надобно ѣхать къ Мистафору; да слушай же, что я тебѣ буду наказывать: когда ты пріѣдешь на дворъ къ Мистафору и слѣзешь съ своего добраго коня, то ты коня своего не привязывай и никому держать не приказывай, а только кашляни сильнѣе и топни ногою о полъ, сколько есть мочи; а вошедши въ покои, садись на стулъ, которой подъ первымъ номеромъ; ввечеру же, когда тебя станутъ унимать ночевать, останься, и какъ тебѣ постелютъ постѣль, то ты на нее не ложись, потому что Князь Дардаванъ всегда сыпалъ на своей постѣлѣ, которая тяжестію была во сто пудъ, я тебѣ ту постѣль промышлю, а если я позамѣшкаюсь, то ты ударь меня

за то по рожѣ при Мистафорѣ и при его дочерѣ; когда же приляжешь въ постѣль и подадутъ тебѣ множество свѣчь, то ты имъ скажи, чтобъ они тѣ свѣчи взяли, а вели мнѣ принесть камень, которой Князь Дардаванъ всегда ночью на столъ кладывалъ, и я тебѣ тотъ камень достану; и ежели ночью положишь тотъ камень на столъ, то отъ него свѣтъ лучше, нежели отъ тысячи свѣчь будетъ. Башмачникъ Горя выслушавши такія рѣчи отъ слуги своего Притычкина, обѣщался все то исполнить, и вышелъ Горя на широкой дворъ, а слуга его Притычкинъ подвелъ ему осѣдланнаго коня. Башмачникъ Горя сѣлъ на того коня, а Притычкинъ на другаго, и поѣхали верьхами къ Мистафору Скурлатовичу, и пріѣхавши къ нему на широкой дворъ, Мистафоръ Скурлатовичь вышелъ встрѣчать своего вселюбезнаго зятя, мнимаго Князя Дардавана; а башмачникъ Горя слѣзъ тогда съ своего

добраго коня, и ни къ чему его не привязываетъ и никому его взять не приказываетъ, а только кашлянулъ громко и топнулъ ногою о полъ что есть поры мочи; конь сталъ на одномъ мѣстѣ, какъ вкопаной. Потомъ вошелъ Горя въ покои, Богу помолился, и на всѣ на четыре стороны поклонился, съ хозяиномъ поцѣловался и сѣлъ въ передней уголъ на стулъ подъ первымъ номеромъ. Мистафоръ пошелъ къ своей дочерѣ Догадѣ и сказалъ ей, чтобъ она вышла и помиловалась бы съ своимъ обрученнымъ женихомъ, съ Княземъ Дардаваномъ; а какъ Догада была хитра и мудрена, то и отвѣчала на то отцу своему: Милостивой Государь мой батюшка, Мистафоръ Скурлатовичъ! вить это не Князь Дардаванъ; а это башмачникъ нашъ Горя Кручининъ. Никакъ ты вздурилась, сказалъ ей Мистафоръ! Вить я и прежде Князя Дардавана въ лицо видѣлъ и знаю, такъ и это тотъ же самой, а не

бошмачникЪ Горя. Хорошо, Государь! сказала Догада, я кЪ нему пойду и поклонюсь, однако примѢчайте вы и помните, что это не Князь ДардаванЪ, а башмачникЪ Горя вЪ его образЪ, и примѢтьте вотЪ почему: когда мы сядемЪ за столЪ кушать, то велите подать хлѢба бѢлаго и чернаго, и ежели этотЪ гость примется рѢзать черной хлѢбЪ, то онЪ не Князь ДардаванЪ, а башмачникЪ Горя КручининЪ, ибо Князь ДардаванЪ всегда рѢзалЪ прежде бѢлой хлѢбЪ. Хорошо! я это посмотрю, сказалЪ ей МистафорЪ. Тогда МистафорЪ Скурлатовичь просилЪ башмачника Горю за столЪ кушать, и когда они сѢли и подали хлѢба бѢлаго и чернаго, башмачникЪ Горя принялся за хлѢбЪ и началЪ рѢзать прежде черной хлѢбЪ а не бѢлой, что МистафорЪ и Догада примѢтили. И МистафорЪ началЪ его спрашивать: ПочтеннѢйшій и любезнѢйшій мой дорогой зять, Князь ДардаванЪ, для чего сего чи-

сла изволитѣ милость ваша рѣзать прежде черной хлѣбѣ, а не бѣлой. Услышавѣ сіе слуга Притычкинѣ, предсталѣ невидимо и шепнулѣ на ухо башмачнику Горю слѣдующія слова: Скажи ты Мистафору на сей вопросѣ, что батюшка твой садясь за столѣ, всегда кормилѣ прежде бѣдныхѣ людей, подавая каждому кусокѣ хлѣба, и вмѣсто соли сыпалѣ золотую казну, и когда ты сіи рѣчи выговоришь, то вели мнѣ подать золотой казны мѣшокѣ. Мнимой Царевичь Дардаванѣ тѣ же самыя слова Мистафору пересказавши и нарѣзавши чернаго хлѣба, закричалѣ слугѣ своему Притычкину: чтобѣ онѣ принесѣ ему золотой казны мѣшокѣ Проворной Притычкинѣ тотчасѣ принесѣ казны золотой мѣшокѣ, взятой имѣ, или такѣ сказать, уворованной изѣ Мистафоровой кладовой, а Горя приказалѣ ему собрать соборище нищихѣ. Слуга побѣжалѣ и привелѣ тотчасѣ сѣ собой великое множество бѣдныхѣ,

а башмачникъ Горя началъ раздавать имъ хлѣбъ, посыпая на всякой ломоть золотой казны, и раздѣливши весь хлѣбъ и золотую казну, сталъ самъ обѣдать. Послѣ обѣда Мистафоръ говорилъ своей дочери: вотъ ты говорила, что это не Князь Дардаванъ, теперь сама скажешь, что это онъ; нѣтъ, батюшка, отвѣчала Догада, это не Князь, а башмачникъ нашъ Горя Кручининъ. Ты право ума рѣхнулась, сказалъ ей на то Мистафоръ; я чаю, что уже башмачника Горю Кручинина давно чортъ взялъ. А вотъ я докажу, что это точно не онъ, сказала Догада; ежели вы уймете его у себя ночевать, то прикажите послать ему свою постѣль, и ежели онъ на ту постѣль ляжетъ, такъ это не Князь Дардаванъ, а башмачникъ Горя. Когда пришелъ вечеръ и уже было поздо, Мистафоръ велѣлъ для башмачника послать добрую свою постѣль, и какъ постѣль послали, то Мистафоръ сказалъ мнимому Царевичу,

чтобЬ онЬ удалился для покоя вЬ наступающую ночь. Горя, вошедЬ вЬ спальну и увидя, что это не та постѣль, про которую ему сказывалЬ слуга его ПритычкинЬ, тотчасЬ, какЬ будто сЬ великимЬ сердцемЬ, кликнулЬ Притычкина и ударилЬ его вЬ рожу весьма плотно, говоря: развѣ ты, бездѣльникЬ, того не знаешь, что я здѣсь буду ночевать, для чего ты не приготовилЬ мнѣ моей постѣли, вить ты вѣдаешь, что я всегда сплю на своей стопудовой постѣлѣ, ступай скорѣе и принеси сюда постѣль. ПритычкинЬ побѣжалЬ опрометью и принесЬ стопудовую постѣль, которую укралЬ онЬ у Князя Дардавана. БашмачникЬ Горя раздѣлся и легЬ на постѣлю, а Догада велѣла нарочно зажечь множество свѣчь и отнесть вЬ его спальню; однако Горя непромахЬ, прогналЬ ихЬ всѣхЬ и со свѣчьми, сказалЬ имЬ: у меня и безЬ вашихЬ свѣчей свѣту довольно, и велѣлЬ Притычкину подать ка-

мень,. которой ему того же времени и принесъ; ибо онъ и камень тотъ свѣтозарной укралъ вмѣстѣ съ постѣлью у Князя Дардавана. Горя положилъ тотъ камень на столъ и легъ спать, и отъ того камня такой сдѣлался великой свѣтъ, что и Боже упаси, пуще зарева возсіялъ. Среди же самой глухой ночи, Догада послала къ башмачнику Горѣ въ спальню одну свою служанку и велѣла ей украсть тотъ свѣтозарной камень со стола. Лишь только вошла служанка въ спальню и хотѣла взять тотъ камень, то вдругъ слуга Притычкинъ, которой тогда лежалъ возлѣ дверей, вскочивъ, сказалъ ей: не стыдно ли тебѣ дѣвица красная воровать у будущаго твоего господина. За то должна теперь ты оставить мнѣ закладъ, онъ снялъ съ той служанки юпку, тѣлогрѣю, да третій платокъ, и такъ ее отъ себя отпустилъ. Служанка, пришедъ къ своей госпожѣ Догадѣ, разсказала ей все произшествіе;

однако Догада не унялась, и чрезъ часъ времени думая, что башмачникъ Горя и слуга Притычкинъ спятъ, послала другую дѣвку украсть камень; когда и та вошла въ спальню, то Притычкинъ и съ нею равно же поступилъ, снявъ съ нее юпку, тѣлогрѣю и платокъ съ головы отпустилъ. Послѣ того еще черезъ часъ времени, Догада, будучи въ мысляхъ, что уже конечно они заснули, вздумала сама пойти и украсть камень; но лишь только что вошла въ спальню къ башмачнику Горѣ и принялась за камень, то Притычкинъ вскочивъ, тотчасъ схватилъ ее и сказалъ, какъ не стыдно вашей честной милости творить такія пакости, випь это не довлѣетъ честнѣйшаго отца дочери, чтобъ вступать въ такое дѣло, и за то, прекраснѣйшая Княжна, прошу оставить закладъ; по сказанному, какъ по писанному, Притычкинъ, снявъ съ нее юпку, тѣлогрѣю и съ головы платокъ, отпустилъ отъ

себя Догаду со стыдомъ и сожалѣніемъ. На другой день по утру, когда всталъ башмачникъ Горя Кручининъ, слуга Притычкинъ разсказалъ ему, что ночью происходило, и совѣтовалъ Горѣ башмачнику, когда пойдетъ онъ къ Мистафору, и Мистафоръ начнетъ ему загадывать загадку, то бы онъ ему отвѣчалъ: я не отгадываю загадокъ, а самъ загадываю, и тогда ты загадай Мистафору слѣдующую загадку: „Гулялъ я въ вашихъ зеленыхъ „лугахъ, и поймавъ три козы, снялъ „съ нихъ по три кожи.„ Когда Мистафоръ о томъ усумнится и станетъ говорить, что не льзя статься, чтобъ на козѣ было три кожи, тогда кликни ты меня и вели подать тѣ кожи. Башмачникъ Горя, выслушавъ слуги своего Притычкина новое наставленіе, пошелъ къ Мистафору, а Мистафоръ началъ загадывать ему загадки; Горя на то ему сказалъ: я не отгадываю загадокъ, а самъ загадываю, и говорилъ

ему: „Гулялъ я въ вашихъ зеленыхъ „лугахъ и поймавъ три козы, „снялъ я съ нихъ по три кожи.„ Мистафоръ весьма усумнился и сказалъ: этому не льзя статься, чтобы на каждой козѣ было по три кожи. Конечно такъ и точно это правда, сказалъ башмачникъ Горя, и позвавъ Притычкина, велѣлъ ему принесть тѣ кожи, которыя онъ снялъ съ трехъ козъ; слуга вскорѣ потомъ принесъ къ нему оныя. Мистафоръ, увидѣвъ платье дочери своей очень огорчился и разпалился на нее сердцемъ своимъ и спрашивалъ мнимаго Царевича, какъ попалось къ нему Догадино платье? Башмачникъ разсказалъ ему, какъ все произходило, и Мистафоръ разгнѣвавшись на свою дочь, послѣ ей сказалъ: вотъ ты мнѣ говорила, что это не Князь Дардаванъ, а башмачникъ Горя Кручининъ, и такъ не хочу я теперь больше терпѣть, чтобъ мѣш-

кать твоимЪ замужствомЪ, ты сей же день готовься кЪ вѣнцу; и такимЪ образомЪ вЪ тотЪ же самой день башмачникЪ Горя женился на Догадѣ. По нѣсколькомЪ времени послѣ его свадьбы, слуга ПритычкинЪ, пришедЪ кЪ башмачнику Горѣ сказалЪ ему: Ну! теперь я довольно сдѣлалЪ тебя счастливымЪ, то сдѣлай же и ты для меня то; о чемЪ я тебя попрошу: вЪ саду вашемЪ есть прудЪ и вЪ томЪ пруду жилЪ прежде я, и мыла вЪ томЪ пруду дѣвка платье и уронила сЪ себя кольцо и меня изЪ пруда тогда выжила; вели ты изЪ того пруда воду спустить и тотЪ прудЪ вычистить, и чтобы тамЪ кто что ни нашелЪ, вели кЪ себѣ приносить; и когда найдется, то вели опять вЪ прудЪ впустить чистую воду и состроить шлюпку и поѣзжай на той шлюпкѣ кататься по тому пруду вмѣстѣ сЪ твоею женою и со мною; а я тогда

брошусь въ воду, хотя жена твоя и закричитъ: Ахъ! слуга Притычкинъ утонулъ; но тогда скажи ты ей: чортъ его возьми. Башмачникъ Горя, выслушавъ отъ слуги Притычкина такія рѣчи, велѣлъ въ саду прудъ спустить и вычистить, и велѣлъ также, кто что въ томъ прудѣ найдетъ, приносить къ себѣ, и какъ тотъ прудъ стали чистить, то мальчикъ нашелъ тамъ кольцо, которое и принесъ къ башмачнику Горѣ, а башмачникъ Горя велѣлъ въ прудъ воду впустить и состроить шлюпку, и какъ все то готово сдѣлано было, сѣлъ онъ съ своею женою и съ слугою Притычкинымъ въ шлюпку и катался потому пруду; слуга же Притычкинъ вдругъ бросился въ воду, а Догада закричала: Ахъ! слуга Притычкинъ утонулъ; тогда башмачникъ Горя сказалъ, чортъ его возьми, мнѣ онъ больше не надобенъ. Князь

же Дардаванъ, настоящій обрученной женихъ Догадинъ, посланъ былъ на сраженіе, гдѣ и убитъ; а башмачникъ Горя Кручининъ сталъ называться его именемъ, и жилъ съ Догадою множество лѣтъ въ великой радости и благополучіи, забывъ свою прежнюю нещастную судьбу.

КОНЕЦЪ.

СКАЗКА

О

ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ,

ЖАРЪ ПТИЦѢ

И

О СѢРОМЪ ВОЛКѢ.

Въ нѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣкоторомъ Государствѣ, былъ жилъ Царь, по имени Выславъ Андроновичь; у него было три сына Царевича: первой Димитрій Царевичь, другой Василій Царевичь, а третій, меньшой, Иванъ Царевичь. У того Царя Выслава Андроновича былъ садъ такой пребогатой, что ни въ которомъ Государствѣ лучше того не было, и въ томъ саду росли разныя драгоцѣнныя деревья съ плодами и безъ плодовъ, и одна была яблоня любимая Царя Выслава, и на той яблонѣ росли яблочки всѣ золотыя. Повадилась къ Царю Выславу въ садъ летать птица, называемая Жаръ; на ней перья золотыя, а глаза восточному хрусталю подобныя; она летала въ тотъ садъ каждую ночь и садилась на любимую Выслава Царя яблонь и срывала съ нее золотыя яблочки и опять уле-

пала. Царь Выславъ Андроновичь весьма крушился о той яблонѣ, что Жаръ птица много яблоковъ съ нее сорвала уже, почему призвавъ къ себѣ трехъ своихъ сыновей, сказалъ имъ: дѣти мои любезные, кто можетъ изъ васъ поймать въ моемъ саду Жаръ птицу? И если кто ее словитъ, то тому при жизни моей отдамъ половину моего царства а по смерти и все. Тогда дѣти его Царевичи возопили единогласно: Милостивый Государь батюшка, Ваше Царское Величество! мы съ великою радостію будемъ стараться поймать Жаръ птицу живую. Тогда на первую ночь пошелъ караулить въ садъ Дмитрій Царевичь, и сѣвши подъ ту яблонь, съ которой Жаръ птица срывала яблочки, заснулъ и не слыхалъ, какъ та Жаръ птица прилетала и ощипала яблоковъ весьма много. По утру Царь Выславъ Андроновичь призвалъ къ себѣ своего сына Дмитрія Царевича и спросилъ: что,

сынЪ мой любезный, видѢлЪ ли ты ЖарЪ птицу, или нѢтЪ? ОнЪ родителю своему отвѢчалЪ: нѢтЪ, милостивый Государь батюшка, она сію ночь не прилетала. На другую ночь пошелЪ вЪ садЪ караулить ЖарЪ птицу Василій Царевичь. ОнЪ сѢлЪ подЪ ту же яблонь, и сидѢвши часЪ и другой ночи, заснулЪ такЪ крѢпко, что не слыхалЪ, какЪ ЖарЪ птица прилетала и щипала яблоки. По утру и его Царь ВыславЪ, призвавЪ кЪ себѢ, спрашивалЪ: что, сынЪ мой любезный, видѢлЪ ли ты ЖарЪ птицу, или нѢтЪ? Милостивый Государь батюшка, она сію ночь не прилетала. На третью ночь пошелЪ вЪ садЪ караулить ИванЪ Царевичь и сѢлЪ подЪ ту яблонь и сидитЪ онЪ часЪ, другой и третій, вдругЪ освѢтило весь садЪ, такЪ какЪ бы онЪ многими огнями освѢщенЪ былЪ. Это прилетѢла ЖарЪ птица и сѢла на яблонь, начала щипать яблочки; ИванЪ Царевичь, сидя подЪ яблонею,

къ ней подкрался такъ искусно, что ухватилъ ее за хвостъ; однако не могъ ее удержать, и она изъ руки его вырвалась и полетѣла, а оставила у Ивана Царевича въ рукѣ только одно перо изъ хвоста своего, за которое онъ весьма крѣпко держался. По утру лишь только Царь Выславъ отъ сна пробудился, Иванъ Царевичь пошелъ къ нему и отдалъ ему перышко Жаръ птицы. Царь Выславъ весьма былъ обрадованъ, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать отъ Жаръ птицы. Сіе перо было такъ чудно и свѣтло, что ежели принесть его въ темную горницу, то оно сіяло такъ, какъ бы зажжено въ томъ покоѣ было множество великое свѣчь. Царь Выславъ положилъ то перышко въ свой кабинетъ, какъ такую вещь, которая должна храниться. Съ тѣхъ поръ Жаръ птица не летала уже въ садъ, и Царь Выславъ призвалъ тогда опять къ себѣ дѣтей своихъ и имъ гово-

рилъ: дѣти мои любезные, поѣзжайте, я даю вамъ благословеніе, и отыскавъ мнѣ ту Жаръ птицу, привезите живую ее ко мнѣ; а что я обѣщалъ, то конечно тотъ получитъ, кто Жаръ птицу ко мнѣ привезетъ. Димитрій и Василій Царевичи начали имѣть злобу на меньшаго брата своего, что ему удалось у Жаръ птицы выдернуть изъ хвоста перо. Они взявъ у отца своего благословеніе поѣхали двое отыскивать Жаръ птицу; а Иванъ Царевичь также началъ у родителя своего просить на то благословенія. Царь Выславъ сказалъ ему: сынъ мой любезный, чадо мое милое, ты еще молодъ и къ такому дальному и трудному пути непривыченъ, такъ за чемъ тебѣ отъ меня отлучаться; вить братья твои и такъ поѣхали. Ну, ежели и ты отъ меня уѣдешь, и вы всѣ трое долго не возвратитесь; а какъ я уже при старости нахожусь и хожу подъ Богомъ, и еже-

ли во время вашей отлучки БогЪ отыметЪ у меня жизнь мою: то кто вмѣсто меня управлять будетЪ моимЪ царствомЪ? Тогда можетЪ сдѣлаться бунтЪ, или несогласіе между нашимЪ подданымЪ народомЪ, а унять нѣкому; или непріятель подЪ наши области подступитЪ, такЪ управлять войскомЪ нашимЪ нѣкому. Однако сколько Царь ВыславЪ ни старался удерживать Ивана Царевича, но не могЪ никакЪ, чтобЪ по не отступной его прозьбѣ не отпустить его. ИванЪ Царевичь взялЪ у родителя своего благословеніе, и выбравЪ себѣ коня, поѣхалЪ вЪ путь, и ѣхавЪ, не зналЪ самЪ, куда ѣдетЪ. И ѣдучи онЪ путемЪ дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; наконецЪ пріѣхалЪ вЪ чистое поле; вЪ зеленые луга; тамЪ вЪ чистомЪ полѣ стоитЪ столбЪ, а на столбѣ написаны сіи

слова: Ежели кто поѣдетъ отъ столба сего прямо, тотъ будетъ голоденъ и холоденъ; кто же поѣдетъ въ правую сторону, тотъ будетъ здравъ и живъ, а конь его будетъ мертвъ; а кто поѣдетъ въ лѣвую сторону, тотъ будетъ убитъ, а конь его живъ и здравъ останется. Иванъ Царевичь прочитавъ ту надпись, поѣхалъ въ правую сторону, подумавъ, что ежели конь его хотя и убитъ будетъ, то самъ живъ останется и со временемъ можетъ другова достать себѣ коня. Онъ ѣхалъ день, другой и третій, вдругъ вышелъ на встрѣчу ему пребольшой сѣрой волкъ и сказалъ Ивану Царевичу: Охъ ты гой еси, младой юноша, Иванъ Царевичь! вить ты читалъ на столбѣ, что конь твой будетъ мертвъ, такъ за чѣмъ ты сюда ѣдешь? Волкъ вымолвивъ сіи слова, разорвалъ коня Ивана Царевича на двое, а послѣ пошелъ прочь въ сторону.

Иванъ Царевичь весьма сокрушался по конѣ своемъ, и запла авъ горько, пошелъ пѣшъ. Онъ шелъ весь тотъ день и усталъ несказанно, и лишь только что хотѣлъ присѣсть отдохнуть, вдругъ нагнавъ его сѣрой волкъ, сказалъ ему: жаль мнѣ тебя, Иванъ Царевичь, что ты пѣшъ изнурисся, жаль мнѣ и того, что я заѣлъ твоего добраго коня. Добро! садись на меня на сѣраго волка, и скажи куда тебя везти и за чѣмъ? Иванъ Царевичь сказалъ, сѣрому волку, куда ему ѣхать надобно; а сѣрой волкъ помчался съ нимъ пуще коня; и чрезъ нѣкоторое время привезъ онъ ночью Ивана Царевича къ каменной стѣнѣ не гораздо высокой, и остановись, сказалъ Ивану Царевичу: ну! Иванъ Царевичь, слѣзай съ меня съ сѣраго волка и полѣзай черезъ сію каменную стѣну, тутъ за стѣною садъ а въ томъ саду Жаръ птица сидитъ въ зо-

лотой клѣткѣ; ты Жаръ птицу возьми, а золотую клѣтку не трогай, а ежели ее возмешь, то тебѣ оттуда не уйти будетъ, и тебя поймаютъ. Иванъ Царевичь перелѣзъ чрезъ каменную стѣну въ садъ, увидѣлъ Жаръ птицу въ золотой клѣткѣ, и очень на нее прельстился. Онъ вынувъ ее изъ клѣтки, пошелъ назадъ, а одумався, сказалъ самъ въ себѣ: Что я взялъ Жаръ птицу безъ клѣтки, куда я ее посажу, воротился опять, и лишь только снялъ золотую клѣтку, то вдругъ пошелъ стукъ и громъ по всему саду: ибо къ той золотой клѣткѣ приведены были струны. Караульные тотчасъ всѣ проснулись, побѣжали въ садъ и поймали Ивана Царевича съ Жаръ птицею и привели его къ своему Царю, котораго звали Далматомъ. Царь Далматъ разгнѣвался весьма на Ивана Царевича и вскричалъ на него громкимъ и сердитымъ своимъ голосомъ: какъ не стыдно те-

бѣ, юный рыцарь, воровать! да кто ты таковъ и которыя земли и какого отца сынъ и какъ тебя по имени зовутъ? Иванъ Царевичь ему молвилъ: я есмь изъ царства Выславова, сынъ Царя Выслава Андроновича, а зовутъ меня Иванъ Царевичь. Твоя Жаръ птица повадилась къ намъ летать въ садъ по всякую ночь, и срывала съ любимой отца моего яблони золотыя яблочки и почти все дерево испортила, то для того послалъ меня мой родитель, чтобъ сыскать Жаръ птицу и ему привезть. О ты, младой Иванъ Царевичь! молвилъ Царь Далматъ, такъ пригоже ли тебѣ такъ дѣлать, какъ ты сдѣлалъ: ты бы пришелъ ко мнѣ, я бы тебѣ Жаръ птицу честію отдалъ; а теперь хорошо ли будетъ, когда я разошлю во всѣ Государства о тебѣ обьявить, какъ ты въ моемъ Государствѣ нечестно поступилъ? Однако, слушай Иванъ Царевичь, ежели ты сослужишь мнѣ службу и съѣздишь

за тридевять земель въ тридесятое Государство и достанешъ мнѣ отъ Царя Афрона коня златогриваго, то я тебя въ сей винѣ прощу и Жаръ птицу съ честію тебѣ отдамъ; ежели же ты не сослужишь этой службы, то я о тебѣ дамъ знать во всѣ Государства, что ты нечестной рыцарь. Иванъ Царевичь пошелъ отъ Царя Далмата въ великой печали, обѣщая ему достать коня златогриваго. Онъ пришелъ къ сѣрому волку и сказалъ ему обо всемъ, что ему Царь Далматъ говорилъ. Охъ ты, гой еси младый юноша, Иванъ Царевичь! молвилъ ему сѣрой волкъ; для чего ты слова моего не слушался и взялъ золотую клѣточку? Виноватъ я предъ тобою, сказалъ волку Иванъ Царевичь. Добро, быть такъ, молвилъ сѣрой волкъ; садись на меня на сѣраго волка, я тебя свезу, куда тебя надобно. Иванъ Царевичь сѣлъ сѣрому волку на спину; а волкъ побѣжалъ такъ скоро, аки

стрѣла, и бѣжалъ онъ долго ли, коротко ли, наконецъ прибѣжалъ въ Государство Царя Афрона ночью, и пришедши къ бѣлокаменнымъ царскимъ конюшнямъ, сѣрой волкъ Ивану Царевичу сказалъ: ступай, Иванъ Царевичь въ эту бѣлокаменную конюшню, теперь караульные конюхи всѣ спятъ, и бери ты коня златогриваго, только тутъ на стѣнѣ виситъ золотая узда, то ее ты не бери, а то худо тебѣ будетъ. Иванъ Царевичь вошедъ въ бѣлокаменную конюшню, взялъ коня, и увидѣлъ на стѣнѣ золотую узду, и такъ на нее прельстился, что снялъ ее съ гвоздя, и лишь только снялъ узду, вдругъ пошелъ громъ и шумъ по всѣмъ конюшнямъ, потому что къ той уздѣ были приведены струны. Караульные конюхи тотчасъ прибѣжали и Ивана Царевича поймали и повели къ Царю Афрону. Царь Афронъ началъ его спрашивать: Охъ ты, гой еси младой юноша! скажи мнѣ, изъ

котораго ты Государства, и которато отца сынЪ, и какЪ тебя по имени зовутЪ? На сiе отвѣтствовалЪ ему ИванЪ Царевичь: я самЪ изЪ царства Выславова, сынЪ Царя Выслава Андроновича, а зовутЪ меня ИваномЪ ЦаревичемЪ. О ты, младой ИванЪ Царевичь, сказалЪ ему Царь АфронЪ, честнаго ли это рыцаря дѣло, которое ты сдѣлалЪ? Ты бы пришелЪ ко мнѣ, я бы тебѣ коня златогриваго сЪ честiю отдалЪ; а теперь хорошо ли то будетЪ, когда я разошлю во всѣ Государства о тебѣ обЪявить, какЪ ты вЪ моемЪ Государствѣ нечестно поступилЪ? Однако слушай ИванЪ Царевичь, ежели ты сослужишь мнѣ службу и сЪѣздишь за тридевять земель вЪ тридесятое Государство и достанешь мнѣ Королевну Елену прекрасную, вЪ которую я давно душею и сердцемЪ влюбился, но достать не могу; то я тебѣ эту вину прощу и коня златогриваго сЪ уздою золо-

тою честно отдамЪ; а ежели этой службы мнѣ не сослужишь то я о тебѣ дамЪ знать во всѣ Государства, что ты нечестной рыцарь и пропишу все, какЪ ты вЪ моемЪ Государствѣ дурно сдѣлалЪ. Тогда ИванЪ Царевичь обѣщался Царю Афрону Королевну Елену прекрасную достать, а самЪ пошедЪ изЪ палатЪ его, горько заплакалЪ, и пришедши кЪ сѣрому волку, разсказалЪ все, что сЪ нимЪ было. ОхЪ ты, гой еси младой юноша, ИванЪ Царевичь, молвилЪ ему сѣрой волкЪ; для чего ты слова моего не слушался и взялЪ золотую узду? ВиноватЪ я предЪ тобою, сказалЪ волку ИванЪ Царевичь. Добро, быть такЪ, продолжалЪ сѣрой волкЪ, садись на меня на сѣраго волка, я тебя свезу, куда тебѣ надобно. ИванЪ Царевичь сѣлЪ сѣрому волку на спину, а волкЪ побѣжалЪ такЪ скоро, какЪ стрѣла; и бѣжалЪ онЪ какЪ бы вЪ сказкѣ сказать, не долгое время, и

наконецъ прибѣжалъ въ Государство Королевны Елены прекрасной, и пришедши къ золотой рѣшеткѣ, которая окружала великолѣпной садъ, волкъ сказалъ Ивану Царевичу: Ну, Иванъ Царевичь, слѣзай теперь съ меня, съ сѣраго волка, и ступай назадъ по той же дорогѣ, по которой мы сюда пришли, и дожидайся меня въ чистомъ полѣ подъ зеленымъ дубомъ. Иванъ Царевичь пошелъ, куда ему велѣно; сѣрой же волкъ сѣлъ близь золотой рѣшетки и дожидалъ покуда въ садъ пойдетъ прогуливаться Королевна Елена прекрасная. Къ вечеру, когда солнышко стало гораздо опущаться къ Западу, почему и воздухъ былъ не очень жарокъ, тогда Королевна Елена прекрасная пошла въ садъ прогуливаться съ своими нянюшками и съ придворными боярынями. Когда она вошла во садъ и подходила къ тому мѣсту, гдѣ сѣрой волкъ сидѣлъ за рѣшеткою, вдругъ сѣрой волкъ

перескочилъ черезъ рѣшетку въ садъ, и ухвативъ Королевну Елену прекрасную, перескочилъ опять назадъ черезъ рѣшетку и побѣжалъ съ Королевною что есть поры мочи, и прибѣжавъ въ чистое поле подъ зеленой дубъ, гдѣ его Иванъ Царевичь дожидался, сказалъ Ивану Царевичу: Иванъ Царевичь, садись поскорѣе на меня, на сѣраго волка; Иванъ Царевичь на него сѣлъ; а сѣрой волкъ помчалъ ихъ обоихъ къ Государству Царя Афрона. Няньки же и мамки и всѣ боярыни придворныя, которыя гуляли въ саду съ прекрасною Королевною Еленою, побѣжали тотчасъ во дворецъ и послали въ погоню, чтобъ догнать того сѣраго волка; однако сколько за ними ни гналися, но не могли нагнать и воротилися назадъ. Иванъ же Царевичь, сидя на сѣромъ волкѣ вмѣстѣ съ прекрасною Королевною Еленою, возлюбилъ сердцемъ своимъ Елену, а она Ивана

Царевича также; и когда сѣрой волкъ прибѣжалъ въ Государство Царя Афрона, и Ивану Царевичу надобно было прекрасную Королевну Елену весть во дворецъ Царя Афрона и ему отдать ее вовсе, тогда Иванъ Царевичь весьма запечалился и началъ слезно плакать. Сѣрой волкъ его спросилъ: о чёмъ ты плачешь Иванъ Царевичь? На то ему Иванъ Царевичь молвилъ: Другъ мой, сѣрой волкъ, какъ мнѣ доброму молодцу не плакать и не крушиться; я сердцемъ возлюбилъ сію прекрасную Королевну Елену; а теперь долженъ ее отдать Царю Афрону за коня златогриваго, и ежели ее не отдамъ, то Царь Афронъ обезчеститъ меня во всѣхъ Государствахъ. Служилъ я тебѣ много, Иванъ Царевичь, сказалъ сѣрой волкъ, сослужу и эту службу. Слушай, Иванъ Царевичь: я сдѣлаюсь прекрасной Королевной Еленой, и ты меня отведи

кЪ Царю Афрону и возьми коня златогриваго, онЪ меня почтетЪ за настоящую Королевну Елену, и когда ты сядешь на коня златогриваго и уЂдешь далеко, тогда я выпрошусь у Царя Афрона вЪ чистое поле погулять, и какЪ онЪ меня отпуститЪ сЪ нянюшками и сЪ мамушками и со всЂми дамами придворными, и я буду сЪ ними вЪ чистомЪ поле, тогда ты меня только вспомни, то я опять у тебя буду. СЂрой волкЪ, вымолвивЪ сіи рЂчи, ударился о сыру землю и сталЪ прекрасною Королевною Еленою, такЪ что никакЪ узнать было неможно, чтобЪ то не она была. ИванЪ Царевичь, взявЪ сЂраго волка, обращеннаго вЪ прекрасную Елену, пошелЪ во дворецЪ кЪ Царю Афрону; а прекрасной КоролевнЂ ЕленЂ велЂлЪ дожидать себя за городомЪ. Когда ИванЪ Царевичь пришелЪ кЪ Царю Афрону сЪ мнимою Еленою, то Царь вельми возрадовался вЪ серд-

цѣ своемъ, что получилъ себ такое сокровище, котораго оч дазно желалъ. Онъ принялъ мни мую Елену, а коня златогриваг вручилъ Ивану Царевичу. Иван же Царевичь, сѣвъ на того кон поѣхалъ, и выѣхавъ за городъ посадилъ съ собою прекрасну Королевну Елену и поѣхалъ, дер жа путь къ Государству Цар Далмата. Сѣрой же волкъ жи ветъ у Царя Афрона день, дру гой и третій вмѣсто прекра сной Королевны Елены, а на че твертый день, пришедъ онъ къ Царю Афрону, проситься въ чи стое поле погулять, чтобъ раз бить тоску, печаль лютую. Какъ возговоритъ ему Царь Афронъ: Ахъ! прекрасная моя Королевна Елена; я для тебя то сдѣлаю, и отпущу тебя въ чистое поле гу лять. Тотчасъ приказалъ онъ нянюшкамъ и мамушкамъ и всѣмъ боярынямъ придворнымъ съ мнимою Еленою идти въ чистое

поле гулять. Иванъ же Царевичь ѣхалъ путемъ дорогою съ прекрасною Королевною Еленою, и разговаривая съ нею, забылъ было вовсѣмъ про сѣраго волка; однако вдругъ объ немъ вспомнивъ, вскричалъ: Ахъ! гдѣ мой сѣрой волкъ? Вдругъ откуда онъ ни взялся и сталъ передъ Иваномъ Царевичемъ, и ему сказалъ: садись, Иванъ Царевичь на меня, на сѣраго волка, а прекрасная Королевна пусть ѣдетъ на конѣ златогривомъ. Тогда Иванъ Царевичь сѣлъ на сѣраго волка, и они поѣхали къ Государству Царя Далмата. И ѣхали они долго ли, коротко ли, и доѣхавъ до того Государства, за три версты отъ города остановилися, и Иванъ Царевичь началъ просить сѣраго волка: Слушай! ты другъ мой любезный сѣрой волкъ, сослужилъ ты мнѣ много службъ, но сослужи мнѣ и послѣднюю службу, а служба твоя будетъ

вотѣ какая : не можешь ли ты оборотиться вѣ коня златогриваго на мѣсто этова, потому что не хочется сѣ этимѣ конемѣ разстаться. Вдругѣ сѣрой волкѣ ударился о землю и сталѣ конь златогривой, а Иванѣ Царевичь, оставя за городомѣ прекрасную Королевну Елену, сѣлѣ на сѣраго волка обращеннаго вѣ коня златогриваго, поѣхалѣ во дворецѣ Царя Далмата. Какѣ скоро онѣ туда пріѣхалѣ и Царь Далматѣ увидѣлѣ Ивана Царевича на конѣ златогривомѣ, тотчасѣ вышелѣ изѣ палатѣ своихѣ и встрѣтилѣ Ивана Царевича на широкомѣ дворѣ и поцѣловалѣ его во уста сахарные, и взявѣ его за руку правую, повелѣ вѣ палаты бѣлокаменныя. Царь Далматѣ для такой радости сотворить велѣлѣ пирѣ, и они сѣли за столы дубовыя, за скатерти браныя, и пили, ѣли, забавлялися и веселилися ровно два дни; а на третій день Царь Далматѣ

вручилЪ Ивану Царевичу ЖарЪ птицу сЪ честію великою и сЪ клѣточкою золотою. ИванЪ Царевичь, взявЪ ЖарЪ птицу, пошелЪ за городЪ, и сѣвши на коня златогриваго вмѣстѣ сЪ прекрасною Королевною Еленою, поѣхалЪ вЪ свое отечество, кЪ Государству Царя Выслава Андроновича. Царь же ДалматЪ вздумалЪ на другой день своего коня златогриваго обЪѣздить вЪ чистомЪ поле, для чего велѣлЪ онЪ его осѣдлать; а когда его осѣдлали, то Царь ДалматЪ сѣвЪ на него, выѣхалЪ вЪ чистое поле и лишь только его разЪярилЪ, то конь сбросилЪ Царя Далмата сЪ себя, и оборотясь по прежнему вЪ сѣраго волка; побѣжалЪ и нагнавЪ Ивана Царевича, сказалЪ: ИванЪ Царевичь, садись на меня, на сѣраго волка, а Королевна Елена прекрасная пусть ѣдетЪ на конѣ златогривомЪ. ИванЪ Царевичь сѣлЪ на сѣраго волка и они поѣхали вЪ путь. КакЪ скоро доѣхали они до

того мѣста, гдѣ сѣрой волкъ у Ивана Царевича коня разорвалъ, тогда сѣрой волкъ остановившись, сказалъ Ивану Царевичу: ну! Иванъ Царевичь, теперь слѣзай съ меня, съ сѣраго волка, послужилъ я тебѣ довольно вѣрою и правдою: вотъ на семъ мѣстѣ я твоего коня разорвалъ на двое, то до того же мѣста и довезъ тебя, а у тебя есть теперь конь златогривой, такъ ты сядь на него и поѣзжай, куда тебѣ надобно, а теперь я тебѣ больше не слуга. Сѣрой волкъ, вымолвивъ сіи слова, побѣжалъ отъ Ивана Царевича въ сторону; а Иванъ Царевичь, заплакалъ горько по сѣромъ волкѣ, поѣхалъ въ путь свой. Онъ ѣхалъ долго ли, коротко ли, и не доѣхавъ до своего Государства за двадцать верстъ, остановился и слѣзъ съ прекрасною Королевною Еленою вмѣстѣ съ коня златогриваго, и легли отъ зною солнечнаго на траву подъ кустъ; а коня пустилъ по

полю гулять, а клѣтку съ Жаръ птицею поставилъ подлѣ себя. Они лежали и разговаривали полюбовные разговоры и заснули. Въ то самое время братья Ивана Царевича, Дмитрій и Василій Царевичи, ѣздя по разнымъ Государствамъ, искали Жаръ птицу, и не нашедъ ее, возвращалися въ свое отечество съ порожними руками и нечаянно наѣхали на соннаго брата своего, Ивана Царевича и прекрасную Королевну, и увидя на травѣ коня златогриваго и Жаръ птицу въ золотой клѣткѣ, весьма на нихъ прельстились, и вздумали брата своего Ивана Царевича убить до смерти. Дмитрій Царевичь вынулъ изъ ноженъ мечь свой и изрубилъ Ивана Царевича на мѣлкія части, и разбудивъ прекрасную Королевну Елену, началъ ее спрашивать: прекрасная дѣвица, котораго ты Государства и какого отца дочь и какъ тебя по имени зовутъ? Прекрасная Королевна Елена, увидя

Ивана Царевича мертва, испугалась, стала плакать горькими слезами; но видя себя вѣ рукахѣ своихѣ злодѣевѣ, имѣ во слезахѣ говорила: я прекрасная Королевна Елена, а досталѣ меня Иванѣ Царевичь, котораго вы злодѣйски соннаго умертвили; вы бы тогда добрые были рыцари, когда бы убили его живаго, выѣхавѣ вѣ чистое поле, а теперь никто васѣ похвалить не можетѣ, что сошнаго убили человѣка, да и чести никакой не заслужили, ибо сонной, аки мертвой. Тогда Дмитрій Царевичь, приложивѣ мечѣ свой кѣ сердцу прекрасной Королевны Елены и ей сказалѣ: слушай прекрасная Елена! Ты теперь вѣ нашихѣ рукахѣ, мы повеземѣ тебя кѣ нашему батюшкѣ, Царю Выславу Андроновичу, и ты скажи, что мы какѣ тебя, такѣ и Жарѣ птицу и коня златогриваго достали; а ежели этаго не скажешь, то сей часѣ тебя смерти предамѣ. Пре-

красная Королевна Елена испугавшись смерти, обѣщалась имЪ вЪ томЪ и клялася всею святынею, что будетЪ говорить такЪ, какЪ ей велѣно. Тогда Дмитрій Царевичь сЪ ВасильемЪ ЦаревичемЪ начали метать жеребей, кому достанется прекрасная Королевна Елена и кому конь златогривой, и жеребей палЪ, что прекрасная Королевна Елена Василью Царевичу, а конь злотогривой Дмитрію Царевичу. И тогда Василій Царевичь, взялЪ прекресную Царевну Елену, посадилЪ ее на своего добраго коня; а Дмитрій Царевичь сѣвши на своего коня взялЪ сЪ собою коня златогриваго и ЖарЪ птицу, чтобЪ вручить ее родителю своему Царю Выславу Андроновичу и поѣхали вЪ путь. ИванЪ Царевичь лежалЪ мертвЪ на томЪ мѣстѣ ровно тридцать дней, и вЪ то самое время нашелЪ на него сѣрой волкЪ, и узналЪ по духу Ивана Царевича; онЪ

хотѣлъ ему помочь такъ, чтобъ оживить; но незналъ, какъ то начать. Въ то самое время увидѣлъ сѣрой волкъ одного ворона и двухъ вороняшъ, которые лежали надъ трупомъ Ивана Царевича и хотѣли спуститься на землю и наѣсться мяса Ивана Царевича; тогда сѣрой волкъ спрятался за кустъ, и какъ скоро вороняша спустились на землю и начали ѣсть тѣло Ивана Царевича, тогда сѣрой волкъ, выбѣжавъ изъ подъ куста, схватилъ одного вороненка и хотѣлъ его разорвать на двое, тогда воронъ спустившись на землю, сѣлъ поодоль отъ сѣраго волка и ему сказалъ: охъ ты, гой еси сѣрой волкъ! не трогай моего младаго дѣтища, вить онъ тебѣ ничего не сдѣлалъ. Тогда молвилъ ему сѣрой волкъ: слушай, воронъ вороновичь, я твоего дѣтища отпущу здрава и невредима, когда ты мнѣ сослужишь службу и слетаешь за тридевять

зечель въ тридесятое Государство, и принесешь мнѣ живой воды и мертвой. На то воронъ вороновичь сказалъ сѣрому волку: я тебѣ службу эту сослужу, только не тронь ничемъ сына моего. Воронъ, выговоря сіи слова, полетѣлъ и скоро изъ виду скрылся. На третій день воронъ, прилетѣвъ, принесъ съ собою два пузырька, въ одномъ живой воды, а въ другомъ мертвой и отдалъ тѣ пузырьки сѣрому волку. Сѣрой волкъ, взявъ пузырьки, разорвалъ вороненка на двое и спрыснулъ его мертвою водою, и тотъ вороненокъ сросся, а послѣ спрыснулъ живою водою, и вороненокъ стрепенулся и полетѣлъ. Потомъ сѣрой волкъ спрыснулъ и Ивана Царевича мертвою водою, тогда тѣло его срослось, а когда спрыснулъ его живою, то Иванъ Царевичь всталъ и сказалъ: Ахъ! куда какъ я долго спалъ. Сѣрой волкъ на то ему сказалъ: да, Иванъ Ца-

ревичь, спать бы тебѣ вѣчно, кабы не я: вить тебя братья твои изрубили и прекрасную Царевну Елену и коня златогриваго и Жаръ птицу увезли съ собою. Теперь Иванъ Царевичь, поспѣшай ты какъ можно скорѣе въ отечество свое, братъ твой Василій Царевичь сегодни женится на твоей невѣстѣ, прекрасной Королевнѣ Еленѣ; а чтобъ тебѣ поскорѣе туда поспѣть, то садись лучше на меня, на сѣраго волка, я тебя донесу на себѣ. Тогда Иванъ Царевичь, сѣвъ на сѣраго волка, побѣжалъ съ нимъ къ Государству Царя Выслава Андроновича, и бѣжавъ сѣрой волкъ долго ли, коротко ли, прибѣжавъ наконецъ къ городу. Иванъ Царевичь слѣзъ съ сѣраго волка, и простившись съ нимъ, пошелъ въ городъ, и пришедши во дворецъ, засталъ, что братъ его Василій Царевичь женился на прекрасной Царевнѣ Еленѣ и сидитъ за столомъ, пріѣхав-

ши отъ вѣнца. Иванъ Царевечь пошелъ въ палаты, и какъ скоро вошелъ въ тотъ покой, гдѣ сидѣлъ за столомъ братъ его Василій Царевичь съ орекрасною Царевною Еленою, и прекрасная Царевна Елена, увидѣвъ Ивана Царевича, выскочила изъ за стола и его начала въ сахарныя уста цѣловать, и закричала: вотъ мой любезнѣйшій женихъ Иванъ Царевичь, а не тотъ злодѣй, которой за столомъ сидитъ. Тогда Царь Выславъ Андроновичь пришелъ въ великій трепетъ, началъ прекрасную Царевну Елену спрашивать, чтобы то такое значило, о чемъ она говорила? Тогда прекрасная Царевна Елена разсказала ему всю истинную правду, какъ что было, какъ Иванъ Царевичь ее досталъ, какъ коня златогриваго, какъ Жаръ птицу, и какъ братья его до смерти соннаго убили, и какъ ее стращали, чтобъ сказать, что они то все исполнили. Царь Вы-

славъ Андроновичь осердился весьма на Дмитрія и Василья Царевичевъ, и за то велѣлъ посадить ихъ въ темницу; а Иванъ Царевичь женился на прекрасной Царевнѣ, и началъ съ нею жить полюбовно и дружно, такъ что одинъ безъ другаго ниже одной минуты пробыть не могли.

КОНЕЦЪ.

СКАЗКА

О

СЛАВНОМЪ И ХРАБРОМЪ

ВИТЯЗѢ

БОВѢ КОРОЛЕВИЧѢ.

Въ славномъ градѣ Антонѣ, жительство имѣлъ и властвовалъ славный и храбрый Король Гвидонъ; увидѣлъ онъ въ славномъ градѣ Димихтіанѣ у славнаго Короля Кирбита Верзоуловича дщерь хвальную, славную и прекрасную Королевну Милитрису Кирбитовну, и призвавъ къ себѣ любезнаго своего слугу, именемъ Личарду, приказываетъ ему, чтобъ онъ сослужилъ ему вѣрою и правдою. И послалъ его во градъ Димихтіанъ къ славному Королю Кирбиту Верзоуловичу съ грамотою, написавъ о всемъ; для которой посылки Личарда изготовился, и потомъ нимало не мѣшкавъ и принявъ отъ своего Короля ту грамоту, поѣхалъ во градъ Димихтіанъ; пріѣхавъ же въ тотъ

градЪ, не медля кЪ Королю Кирбиту Верзоуловичу, пошелЪ вЪ Королевскія палаты, и ту грамоту дерзнулЪ положить на столЪ; а Король КирбитЪ Верзоуловичь оную грамоту принявЪ и распечатавЪ, пошелЪ вЪ заднія палаты кЪ прекрасной КоролевнѢ МилитрисѢ КирбитовнѢ и обЪявя ей ту грамоту, представилЪ приславнаго, чтобЪ ее взять вЪ замужство, сказавЪ притомЪ: ежели противЪ таковаго славнаго Короля вступить мнѢ вЪ ссору, то онЪ будучи воинЪ, побьетЪ и поплѢнитЪ всю мою воинскую рать, а тебя и нечестно возьметЪ. Она же, прекрасная Королевна Милитриса Кирбитовна, падши предЪ отцемЪ своимЪ на колѢни, доносила ему: Государь мой батюшка, славный и храбрый Король КирбитЪ Верзоуловичь! нынѢ итти за него смѢлости не имѢю, потому что когда я была

млада, то Король Гвидонъ за меня сватался, и тогда изволили Вы ему отказать; прошу Васъ, чтобъ какъ возможно за него не отдавать меня, а буде и изволите отдавать въ замужство, то прошу отдать за Короля Дадона, которой нашему державству оберегатель, и истинно крестной хранитель отъ всѣхъ нападствующихъ на насъ. На то сказалъ дщери своей Король Кирбитъ Верзоуловичь: о, какъ за славнаго Короля Гвидона! какъ за него не отдать! По нѣкоторомъ времени Гвидонъ Король, взявъ ее за себя, жилъ съ нею три года и прижилъ Бову Королевича, и прекрасная Королевна Милитриса Кирбитовна, призвавъ къ себѣ любезнаго слугу, именемъ Личарду, приказывала ему; сослужи мнѣ вѣрою и правдою, отвези отъ меня грамоту къ храброму и славному Королю Дадону, съ тѣмъ намѣ-

реніемъ, чтобъ подступилъ подъ нашъ градъ Антонъ и мнябъ взялъ себѣ въ жены; а ежели слова моего ты, Личарда, не послушаешь, и къ нему не поѣдешь, и той грамоты къ Королю Дадону не отвезешь, то я на тебя, на слугу Королю Гвидону донесу, и онъ тебя злою смертію казнитъ. Слуга Личарда Государыни своей не ослушался, грамоту принялъ и поѣхалъ къ Королю Дадону; и какъ онъ пріѣхалъ, вошелъ въ Королевскія палаты и ту грамоту, по повелѣнію Королевны, со смиреніемъ положилъ на столъ; то въ скоромъ времени Король Дадонъ ту грамоту взявъ и распечатавъ, покивалъ головою, разсмѣялся и обьявилъ слугѣ Личардѣ, что Государыня ваша издѣвается, и уже она съ Королемъ Гвидономъ и сына прижила, храбраго витязя Бову Королевича. Но слуга Личарда на то ему обья-

вилЪ: ежели Вамъ не вѣроятно, то прикажи меня посадить въ темницу, токмо поить и кормить довольно, а вы извольте идти подъ нашъ градъ Антонъ, и буде слово не сбудется, то прикажи за то ложное объявленіе казнить меня смертію. Король Дадонъ то отъ него принявъ пріятно и сказалъ ему: что твое слово меня паче меда усладило; а буде все сіе сбудется, то тебя пожалую. Потомъ повелѣлъ онъ въ рогъ затрубить, и собравши войска 30000, пошелъ подъ градъ, гдѣ ставъ въ лугу Королевскомъ, и шатры разставилъ. И усмотрѣла сіе изъ заднихъ палатъ прекрасная Королевна Милитриса Кирбитовна, и надѣвъ на себя драгоцѣнное платье, пошла въ Королевскія палаты, и объявила Королю Гвидону: что понесла-де я вторымъ чревомъ, и мнѣ захотѣлось дикаго мяса,

то заколи мнѣ дикаго Вепря своими руками. Король Гвидонъ обрадовался тому, что чрезъ три года услышалъ отъ нее пріятныя рѣчи; онъ тотчасъ поѣхалъ за городъ, а Королевна приказала ворота затворить и мосты поднять, чтобъ его болѣе во градъ не пустить. Тотчасъ Король Дадонъ за Королемъ Гвидономъ сильно погнался, и Король Гвидонъ побѣжавъ во градъ, началъ молиться Богу и пречистой Богородицѣ: за что погибаю я отъ злой своей жены? Милое мое чадо, храбрый витязь, Бова Королевичь, для чего ты мнѣ не повѣдалъ умысла злаго матери своей? Но когда Король Дадонъ Короля Гвидона догнавъ, ударилъ копіемъ и прободавъ ему утробу и сердце, и Король Гвидонъ павъ съ коня на землю, былъ мертвъ. Прекрасная Королевна Милитриса Кирбитовна, вшедъ въ Королевскія палаты

и усмотрѣвъ, что Король Дадонъ Короля Гвидона убилъ, приказала градскія ворота отворить и встрѣтила Короля Дадона съ великою радостію во вратахъ градскихъ, и взявъ его за руки, любезно цѣловала во уста и повела его въ свои палаты и начала садиться за столъ и стала ѣсть, пить и веселиться. Въ то время Бова Королевичь былъ еще дѣтище младое и не много смыслилъ; но бывъ въ страхѣ, выбѣжалъ и спрятался въ конюшнѣ подъ яслями, а бывшій при немъ дядька Симбалда, едва его тамъ сыскать могъ, и самъ прослезившись говорилъ ему: Государь мой, храбрый витязь, Бова Королевичь! Мать твоя злодѣйка изволила съ Королемъ Дадономъ Государя моего, а батюшку твоего добраго и славнаго Короля Гвидона убить; а ты еще дѣтище младое и несмысленное не можешь отмстить

смерти отца своего. Побѣжимъ мы, Государь, во градъ Суминъ, которымъ градомъ пожалованъ мой батюшка, а градъ весьма крѣпокъ. Дядька Симбалда осѣдлалъ себѣ добраго коня, а подъ Бову иноходца, и призвавъ себѣ тридцать юношей, побѣжалъ во градъ Суминъ. И сказали Королю Дадону и прекрасной Королевнѣ Милитрисѣ Кирбитовнѣ, что дядька Симбалда побѣжавъ во градъ Суминъ, и Бову увезъ съ собой. Король Дадонъ повелѣлъ въ рога трубить, и собравъ войска сорокъ тысячь, погнался за дядькою а за Бовою Королевичемъ послалъ погоньщиковъ, и тѣ погоньщики натоняютъ дѣтище младое, Боважъ Королевичь оглянулся. Дядька Симбалда, увидя погоню, кинулся во всю воинскую пору скакать и въѣхавъ во градъ Суминъ, заперся на крѣпко; а Бова Королевичь не могши уска-

катъ на добромъ конѣ иноходцѣ, свалился съ коня на землю. Погоня та взяла Бову Королевича и привела къ Королю Дадону, а Король послалъ къ матери его, къ прекрасной Королевнѣ Милитрисѣ Кирбитовнѣ. Пришедъ Король Дадонъ подъ градъ Суминъ, сталъ въ заповѣдномъ лугу и велѣлъ шатры разставить; онъ спалъ въ шатрѣ и видѣлъ сонъ вельми страшенъ, какъ бы ѣздитъ Бова Королевичь на добромъ конѣ, въ рукѣ держитъ копіе и прободаетъ утробу и сердце его. Король Дадонъ, вставъ отъ сна, призвалъ послѣ брата своего, коего имя Антоній, и началъ ему свой сонъ разсказывать, и посылаетъ во градъ Антонъ къ прекрасной Королевнѣ Милитрисѣ Кирбитовнѣ и здравіе и сонъ свой сказавши, проситъ Бову за тотъ свой сонъ злой смерти предать. Антоній поѣхалъ во градъ Ан-

тонъ къ прекрасной Королевнѣ Милитрисѣ Кирбитовнѣ и просилъ Бову злой смерти предать. Прекрасная Королевна, Милитриса Кирбитовна, падши на одно колѣно, начала говорить: могу ли я сама Бову смерти предать, посажу его лучше въ темницу, не дамъ ему ни пить ни ѣсть, а отъ того ему и смерть будетъ. Король Дадонъ, стоявъ подъ градомъ Суминымъ шесть мѣсяцовъ, не могъ взять никого изъ града Сумина. Онъ пошелъ во градъ Антонъ, а дядька Симбалда повелѣлъ въ рогъ трубить и собралъ войска пятнадцать тысячь, и пошедъ ко граду Антону, началъ въ городовую стѣну бить, безотступно кричать и просить изъ града Государя, Бову Королевича; а буде-де мнѣ не отдадите его, то я живъ не могу быть и не отступлю отъ града Антона. Прекрасная Королевна

Милитриса стала говорить: Государь мой Король Дадонъ! этотъ злодѣй нашъ не дастъ намъ ни во дни ни въ нощи покою? Король Дадонъ повелѣлъ въ рогъ трубить и собравъ паки войска десять тысячь, погнался за дядькою Симбалдою. Дядька Симбалда, не могли устоять противъ Короля Дадона, убѣжалъ во градъ Суминъ и заперся на крѣпко. Прекрасная Королевна Милитриса надѣвъ на себя платье драгоцѣнное, пошла по Королевскому двору; а Бова Королевичь увидѣлъ изъ темницы въ окно мать свою, прекрасную Королевну Милитрису Кирбитовну, и закричалъ ей громкимъ голосомъ: Государыня моя матушка, прекрасная Королевна Милитриса Кирбитовна! за что на меня гнѣвается, уже мнѣ приключается голодная смерть. Она ему на то стала говорить: чадо мое милое, Бова Королевичь,

я скоро пришлю къ тебѣ много пить и ѣсть, и ты напитаешь свою душу. Прекрасная Королевна Милитриса Кирбитовна, вшедъ въ Королевскія палаты, начала мѣсить два хлѣбца своими руками во змѣиномъ салѣ на пшеничномъ тѣстѣ, и испекши, послала ихъ съ дѣвкою чернавкою. Оная принесла и отдаючи говоритъ: Государь, Бова Королевичь! немоги отъ матери своей хлѣба ѣсть, отдай ты то псамъ; Бова принялъ хлѣбы, бросилъ, и какъ съѣли ихъ псы, то разорвало псовъ отъ чернаго хлѣба. Послѣ Бова Королевичь говоритъ: дѣвка чернавка не запирай у темницы дверей. Она сожалѣя о Бовѣ, не заперла дверей ушла и сказала Королевнѣ, что отдала хлѣбы. Какъ Бова вышелъ, то увидѣли его ярыжныя: онъ поклонился имъ, ярыжныя взявъ Богу, привели на корабль, и гости корабельные

стали спрашивать его : какова ты роду? Бова отвѣчалъ: я роду Христіанскаго; пономаревъ сынъ; а мать моя убогая жена, на добрыхъ женъ платье моетъ и тѣмъ свою голову кормитъ, и началъ Бова по караблю похаживать и гости корабельщики промежъ себя дивовались, не могли на Бовину красоту насмотрѣться, что не видали такого отрока прекраснаго и любезнаго. Бова Королевичь легъ спать и гости корабельщики промежъ себя смертныя чаши принять хотѣли; Бова, вставъ отъ сна своего, сталъ имъ говорить: гости корабельщики, не бранитесь и не деритесь обо мнѣ, я вамъ стану служить, которой меня изъ васъ увидѣлъ на морѣ первый, тому стану служить отъ обѣда до вечера. Гостямъ то слово полюбилось, они подняли парусы и побѣжали по морю, и бѣжавъ одинъ годъ и три мѣся-

ца, прибѣжали они подъ Армянское царство, а въ Армянскомъ царствѣ царствуетъ Король Зензевей Андроновичь; тутъ кинули гости корабельщики якори и сошли на берегъ, а Бова по кораблю началъ похаживать. Король Зензевей Андроновичь послалъ вельможъ своихъ и приказалъ спрашивать, котораго они Государства гости и съ какими товарами? Вельможи, пришедъ на корабль и увидя Бову на кораблѣ, не могли на красоту его насмотрѣться и забыли въ умѣ своемъ спросить, коего они Государства и съ какими товарами, возвратились къ Королю; а Король Зензевей Андроновичь сталъ спрашивать вельможей своихъ: изъ котораго Государства корабль прибѣжалъ и съ какими товарами? Они же ему ничего не сказали, только сказали про юношу, что видѣли отрока на кораблѣ

весьма лѣпообразнаго, за тѣмъ и товаровъ не могли цѣнить; и Король Зензевей Андроновичь велѣлъ скоро подвезти себя къ кораблю тому, и увидѣвъ отрока на караблѣ вельми прекрасна, забылъ въ умѣ своемъ спрашивать, изъ котораго Государства корабль приѣжалъ, и съ какими товарами. Онъ, Король Зензевей Андроновичь, сталъ у гостей торговать того отрока: Гости корабельщики! возьмите у меня за этого юношу триста литровъ златыхъ; а гости корабельщики говорили: Государь нашъ Зензевей Андроновичь! не возможно намъ отрока продать, что онъ у насъ общій и взятъ у насъ при край моря на берегу. Король Зензевей Андроновичь сказалъ на то: господа гости корабельщики, вмѣсто его торгуйте въ моемъ Государствѣ безданно, безпошлинно; а буде вы не отдадите онаго

юношу, то вамЪ изЪ моего Государства живымЪ не выѣхать и впредь мимо моего Государства не хаживать. Гости корабельщики Бову продали и взяли за него триста литровЪ златыхЪ. Король Зензевей Андроновичь, посадя Бову на коня, поѣхалЪ вЪ свое Армянское царство, и спрашиваетЪ его: какого ты роду, Христіанскаго, или Татарскаго? Бова отвѣчалЪ: Государь мой, Король Зензевей Андроновичь! я роду не Татарскаго, а Христіанскаго, простаго пономаря сынЪ, а мать моя убогая жена, на добрыхЪ женЪ платье моетЪ и тѣмЪ свою голову кормитЪ. Король Зензевей Андроновичь началЪ говорить: а коли ты простаго роду, то служи у меня на конюшнѣ и будь надЪ конюшнями старшій. Бова Государю своему поклоняся, пошелЪ на конюшню, а отЪ роду Бовѣ было тогда семь лѣтЪ, и

Бова сталъ на конюшнѣ служить Королю Зензевею Андроновичу, у коего была дочь, прекрасная Королевна Дружневна, она узрѣла изъ окна своего Бову на конюшнѣ, какъ отъ Бовиной красоты всю палату и конюшню освѣтило, то прекрасная Королевна Дружневна надѣла на себя драгоцѣнное платье и пошла въ Королевскія палаты и стала говорить отцу своему: Государь мой батюшка! при себѣ изволь приказать кому быть у постава; яжъ при себѣ никого не имѣю изъ слугъ, то прошу, пожалуй отпусти ко мнѣ купленнаго Вами слугу у гостей корабельщиковъ. Отецъ ея прозьбы не отринулъ, и тому купленному слугѣ быть при ней велѣно, а она приказала ему быть въ тотъ же часъ. Какъ онъ къ ней пришелъ, то отдавъ по обычаю поклонъ, сталъ въ своемъ мѣстѣ. Потомъ, какъ

услышалъ онъ отъ нее приказаніе, чтобъ быть ему у постава, то покинулъ онъ прежнее свое мѣсто на конюшнѣ; а на утріе Королевна Дружневна послала свою дѣвицу по Бову, чтобъ онъ къ ней пришелъ, которому она объявила, что все Государство у нее будетъ кушать, а ему бы быть въ своемъ опредѣленномъ мѣстѣ. Но какъ она въ спальномъ своемъ платье Бову увидѣла, то для его приходу вставъ съ мѣста, спрашивала его: какого ты роду? Я не вѣрю, какъ ты о себѣ объявляешь, что пономаревъ сынъ: вижу я тебя быть большаго роду. Но онъ ничего не объявилъ ей, а она приказала ему быть у своего мѣста; и какъ собрались всѣ гости, то сѣли за столъ и кушали, а ему приказали принесть лебедя и держать въ рукахъ, а сама она начала рушать для того, чтобъ на

его красоту лица насмотрѣться, и будто нечаянно уронивъ ножикъ; приказала Бовѣ поднять. И какъ онъ поднявши его, сталъ подавать, то она его поцѣловала въ голову, и потомъ, какъ онъ подалъ въ скорости, то она въ голову еще его поцѣловала въ присутствіи всѣхъ. Но какъ откушали, то Бова пошелъ въ прежнее мѣсто, и спалъ трои сутки: въ то время конюхи собиралися за травою, егожъ разбудить не могли; а какъ они поѣхали, то и онъ поѣхалъ для собиранія своей доли той травы, и какъ взялъ свою долю; то выѣхавъ въ луга, сплелъ себѣ на голову вѣнокъ изо всякихъ разныхъ цвѣтовъ; когдажъ увидѣла на немъ Дружневна тотъ вѣнокъ, то послала по него, чтобъ къ ней былъ, и сказала ему: Бова, сними съ себя вѣнокъ и положи на мою голову; а ежели сего не испол-

нишь, то примешь злую смерть. Какъ онъ тотъ услышалъ отъ нее приказъ, то снялъ съ себя вѣнокъ, ударилъ объ полъ, и тотъ вѣнокъ распался. Дружнева на тѣ цвѣты собирая, любовалась, а Бова тотчасъ пошелъ изъ палатъ и ненарочно хлопнулъ дверью весьма крѣпко, и отъ того удара выпавъ изъ стѣны великой кирпичь, упалъ на его голову и разшибло ему голову до крови. Дружневна въ томъ на него гнѣва не возъимѣла и лѣчивъ его своими руками, лѣкарствомъ своимъ излѣчила. Боважъ пошелъ потомъ на конюшню и спалъ пятеры сутки. Въ то время пришелъ изъ града Данска Король Маркобрунъ и съ нимъ силы четыреста тысячь войска; онъ обступя, пишетъ къ Королю Зензевею Андроновичу грамоту: „Пришелъ я изъ дальнаго Царства, Король Маркобрунъ, выдай

ты за меня дочь свою прекрасную Королевну Дружневну; а ежели не отдашь любовію, то я градъ твой побью и огнемъ сожгу и тебя въ полонъ возьму, а ее не волею возьму.,, Король Зензевей Андроновичь прочитавъ, убоялся и думалъ, что отъ того славнаго Короля Маркобруна отстоять не можетъ съ войскомъ своимъ, и повелѣлъ Король Зензевей градъ свой отпереть и врата, а самъ пошелъ встрѣтить его во вратахъ и принявъ за руку, поцѣловалъ ее, и ввелъ Король Зензевей Андроновичь Короля Маркобруна въ свои Королевскія палаты, и просилъ пить, ѣсть и веселиться. Бова, возставъ отъ сна своего, пришелъ къ Дружневнѣ, и слышитъ за городомъ шумъ, крикъ и конное ржаніе, и что Маркобруновы дворяне тѣшутся на копіяхъ, и сказалъ къ ней Бова: Государыня моя, прекрасная

Королевна Дружневна! не на чемъ мнѣ выѣхать съ нимъ потѣшиться, нѣтъ у меня коня добраго и меча остраго. Королевна Дружневна ему говорила: ты еще Бова младъ, не можешь усидѣть на конѣ и мечемъ владѣть. Бовино сердце разгорѣлось, не могъ онъ утерпѣть и въ ярости сердца своего пошелъ на конюшню, выбралъ себѣ коня по нуждѣ, и взявъ метлу, выѣхалъ за градъ, и пріѣхалъ къ Маркобруновымъ дворянамъ, они увидя его и зря на него удивилися, что это за малой человѣкъ и откуда выѣхалъ и начали ему смѣяться. Подъѣзжая къ нимъ ближе Бова, посмѣянія ихъ не возлюбилъ и началъ отъ нихъ обороняться метелкою, кто къ нему ни подъѣдитъ человѣка по два и по три началъ поталкивать ихъ, кого ни ударитъ, тотъ тотчасъ съ коня свалившись умретъ; и они къ

нему начали пріѣзжать человѣкъ по пяти и по десяти и до двухъ сотъ до пятидесяти, отъ нихъ одинъ по одному всѣхъ метлой побилъ до смерти. Дворяне озлобившись на Бову, хотѣли наѣзжая на него, конями стоптать; но онъ побилъ ихъ до двухъ сотъ тысячь. Сію храбрость Бовину, увидя прекрасная Королевна Дружневна, пошла къ отцу своему и возвѣстила о Бовѣ: Государь батюшка! вели Бову унять; жаль его, чтобъ не убили, какое ему дѣтское дѣло драться съ Маркобруновыми дворянами. Король Зензевей Андроновичь послалъ по Бову и велѣлъ ему въ свое Государство возвратиться. Послушавъ Бова, возвратился и легъ спать, и спалъ девять дней и девять ночей; въ то время пріѣхалъ подъ Армянское царство, Царь Лукоперъ, и у того Лукапера голова, какъ пивной котелъ,

и промежъ глазъ пядень мужеска. Таковаго сильнаго и славнаго богатыря нигдѣ небывало, а съ нимъ пришло войска пять сотъ тысячь. Отецъ того Лукапера, Царь Салтанъ Салтановичь, сталъ на краю моря, а Лукаперъ въ лугахъ со любимыми своими. Лукаперъ Король пишетъ къ Королю Зензевею грамоту свою: Выдай ты за меня дочь прекрасную Дружневну; а ежели не выдашъ любовію, то возъму и нечестію а градъ до основанія разорю и огнемъ сожгу. Король Зензевей Андроновичь и съ Маркобруномъ начали думать и придумали ѣхать сами, а съ ними отъ Зензевея сорокъ тысячь, да Маркобрунова сорокъ же тысячь, и того восемдесятъ тысячь, и собрався на Лукапера, выѣхали. А Лукаперъ, увидя ихъ двухъ Королей, съѣхался и направилъ на нихъ копіемъ тупымъ концемъ

и наступилъ на нихъ Лукаперъ на двухъ Королей и сшибъ съ коней, какъ двухъ сноповъ, и послалъ ихъ къ отцу своему Царю Салтану, повелѣвъ ихъ взять и кинуть; а во градъ взойти Лукаперъ не могъ, понеже былъ крѣпко запертъ, и сталъ стоять подъ градомъ; а какъ Бова проснулся и услышалъ паче перваго конское ржаніе, крикъ и великій шумъ, то пошедъ въ палаты къ прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ, началъ сказывать ей: Государыня Королевна Дружневна! за городомъ Вашимъ великій шумъ, и конское ржаніе. Она же сказала ему на то: долго ты Бова спишь и ничего не знаешь; пришелъ подъ наше царство Царь Салтанъ Салтановичь изъ Рагильскаго Царства, да съ нимъ сынъ его, славный, могучій богатырь Лукаперъ, у котораго голова, какъ пивной котелъ, у него про-

межъ глазами пядень, промежъ плечами сажень мѣрная, и таковаго богатыря подобнаго ему нигдѣ нѣтъ въ свѣтѣ; нѣтъ равнаго съ Лукаперомъ, и нынѣ стоитъ подъ нашимъ градомъ, а войска въ нимъ пятьсотъ тысячь. Мой родитель и Маркобрунъ противъ ихъ выѣхали, а съ ними войска было, у батюшки моего сорокъ тысячь, да Маркобруна Короля сорокъ же тысячь, и увидя ихъ Лукаперъ, наѣхалъ на нихъ, копіемъ направилъ тупымъ концемъ, сразилъ ихъ съ коней на землю, какъ двухъ сноповъ, и послалъ ихъ къ отцу своему на край моря, приказалъ ихъ связать и бросить въ нечистое мѣсто въ шатрѣ своемъ, которые и по нынѣ тамо лежатъ. Услышавъ же о семъ Бова, возопалъ: Государыня моя, прекрасная Королевна Дружневна! не на чемъ мнѣ противъ Лукапера выѣхать, съ

нимъ побиться и силы своей изъ-
здать. На то сказала она ему:
ты еще младъ, того тебѣ вспо-
моженія учинить не можно, и
уже отцу моему не пособишь,
нежели чтобъ во всякое благопо-
лучіе его царство привести мож-
но; а лучше меня возьми за се-
бя и будь нашему царству обе-
регатель отъ всѣхъ нападствую-
щихъ на насъ. Бова сталъ го-
ворить: того учинить не могу,
а хощу послужить безъ измѣны
за того, кто меня купилъ и
далъ триста литръ златыхъ;
надобно токмо добраго коня и
доспѣховъ богатырскихъ. Коро-
левна Дружневна сказала на то:
есть, Государь, Бова, у батюш-
ки моего конь и доспѣхи бога-
тырскіе, а стоитъ тотъ конь
въ землѣ по колѣно. Бова какъ
о томъ услышалъ, радъ былъ, и
пошелъ къ конюшнѣ богатыр-
ской, и услышалъ конь, что Бова

къ нему идетъ, разломалъ мочныя двери, и вышедъ на дворъ, конь охватилъ Бову ногами, какъ человѣкъ, и началъ его Бова охорашивать и тѣшилъ добраго коня; а Дружневна послала въ казну, и скоро доспѣхи богатырскiе и мечь кладенецъ двенадцать человѣкъ на носилкахъ несутъ, чему Бова бысть радостенъ, и хочетъ Бова садиться на добраго коня богатырскаго и ѣхать на дѣло ратное и на побоище смертное. Прекрасная Королевна Дружневна начала говорить: Ангусей! куда ты ѣдешь на дѣло ратное и на побоище смертное, либо будешь живъ, либо нѣтъ, а со мною не прощаешся. Бовѣ тѣ слова полюбились, и пошелъ онъ къ прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ въ палаты и съ Дружневною простится, и опоясала Дружневна около Бовы мечь кладенецъ своими руками, и прекрасная Коро-

левна провожаетъ его и отпущаетъ на дѣло ратное и на побоище смертное. Бова Садится на добраго коня богатырскаго, въ стремена ногою не ступаючи. Прекрасная Королевна Дружневна ухватила его ногу и поставила въ стремена булатныя своими руками; и ухватя его голову, цѣловала его во уста, въ очи и въ уши, начала ему Дружневна говорить: Государь мой, Ангусей! ѣдешь ты на дѣло ратное и на побоище смертное, либо будешь живъ, либо нѣтъ; но я тому вѣры неиму, что ты понамарева роду. Повѣдай мнѣ истинную правду, Царскаго ли ты, или Королевскаго роду? И рече ей Бова: Государыня, прекрасная Королевна Дружневна! ѣду я на дѣло ратное и на побоище смертное, либо буду живъ, либо не буду, скажу тебѣ истинную правду, что я роду не пономарева,

роду Королевскаго, славнаго Короля Гвидона, а мать моя прекрасная Королевна Милитриса, добраго и славнаго Короля Кирбита Верзоуловича дочь была. Дворецкой того Короля Зензевея Андроновича и почалЪ Государыню свою безчестить: Государыня прекрасная Королевна Дружневна, неводится около холопа мечь опоясывать своими руками, и непригоже тебѣ холопскую голову цѣловать во уста и во очи и во уши, да холопскую ногу вЪ стремена вкладывать своими руками и провожать и отпущать на дѣло ратное и на побоище смертное. И Бова тронулЪ дворецкаго копіемЪ тупымЪ концемЪ, и дворецкой упалЪ на землю какЪ мертвой и лежалЪ три часа и насилу всталЪ. Бова потомЪ поѣхалЪ на дѣло ратное и на побоище смертное, и скочилЪ Бова вЪ прямЪ чрезЪ градскую

стѣну. Увидѣлъ Лукаперъ, что скочилъ храбрый витязь Бова Королевичь, и стали съѣзжаться шесть сильныя могучія богатыри, и Лукаперъ на Бову заправилъ вострымъ концемъ, и ударились сильные могучіе богатыри промежъ собою, какъ сильный громъ предъ тучею грянулъ; и Лукаперъ на Бовѣ доспѣхъ немогъ пробить, а Бова на Лукаперѣ пробилъ доспѣхъ на обѣ стороны и разсѣкъ Лукаперу голову до сѣдѣльной подушки, и Лукаперъ свалился съ коня мертвъ, а Бова началъ Лукаперово войско бить, и бился пять дней и пять нощей безъ отдыху, не столко мечемъ билъ, сколько конь копытами топталъ, и въ томъ числѣ не многіе люди ушли къ Царю Салтану Салтановичу, и начали говорить: Государь Салтанъ Салтановичь! выскочилъ изъ Армянскаго царства храбрый витязь Бова Королевичь

прямо чрезЪ городовую стѣну сына твоего убилЪ и сто тысячь человѣкЪ войска побилЪ; уже будетЪ идти на морское пристанище. И Царь СалтанЪ Салтановичь неуспѣлЪ своихЪ шатровЪ снять и скочилЪ на корабль сЪ небольшими людьми и пошелЪ вЪ Армянское царство; и Бова пріѣхалЪ на морское пристанище и вшедЪ вЪ шатерЪ, гдѣ два Короля связаны лежатЪ подЪ лавкою, Зензевей да МаркобрунЪ: и Бова двухЪ Королей развязалЪ и поѣхалЪ вЪ Армянское царство, и ѣхали до Армянскаго царства трое вЪ трупу человѣческомЪ, что добры кони скачутЪ по колѣни вЪ крови, и рече Король МаркобрунЪ тестю своему Королю Зензевею Андроновичу, что ему за выслугу дать; и Король Зензевей Андроновичь рече зятю своему, такова холопа надобно присвоить, которой господинЪ

добраго холопа купитЪ, а тотЪ холопЪ выслужится. И Король МаркобрунЪ началЪ говорить Королю Зензевею Андроновичу: слыхалЪ я у старыхЪ людей, которой Государь холопа купитЪ, и буде тотЪ холопЪ Государю своему выслужится, и того холопа надѢлить и на волю выпустить. Король Зензевей Андроновичь началЪ говорить: Юноша мой вѢрной Ангусей, хощешя ли у меня служить или на волю тебѣ отпустить? На то сказалЪ Бова, Государь мой Король Зензевей Андроновичь, на волю не хочу, а впередЪ выслужиться желаю, и тако поѢхали ко граду Арияпскому, и какЪ пріѢхали ко граду, то прекрасная Королевна Дружневна встрѢтила отца своего и пошли вЪ Королевскія палаты и начали пить и Ѣсть и прохлажатися на радости. И Бова пошелЪ на конющню, легЪ спать и спалЪ 9

дней и 9 ночей. И вѣ ту пору поѣхали два Короля въ чистое поле за звѣрми тѣшиться, и послѣ ихъ дворецкой призвалъ къ себѣ юношей тридцать человѣкъ храбрыхъ витязей и началъ говорить: подите на конюшню и юношу храбраго витязя Бову на конюшнѣ убѣйте соннаго и я вамъ дамъ много злата и сребра; корыстуйся кому хочется, и кинулись тридцать юношей и пошли на конюшню къ Бовѣ. Спитъ к ѣико Бова и въ тѣхъ тридцати юношахъ былъ единъ весьма разуменъ юноша и началъ имъ говорить: Бовы мы сильнаго не убьемъ, а Бова пробудится и намъ будетъ смерть а не животъ. Бова храбрый Витязь убилъ самаго сильнаго богатыря Лукапера да съ нимъ и войска сто тысячь побилъ, а мы ему другую смерть придумаемъ: ты у Короля предъ лицемъ, и ты

шодч вѣ Королевскія палаты и лягѣ на Королевской кровати и напиши грамошу кѣ Царю Салтану Салтановичу Королевскимѣ имененѣ, что послалѣ я кѣ тебѣ Бову, которой убилѣ сына твоего Лукапера, и онѣ его в лютѣ злой смерти предашь. Дворецкому то слово полюбилось и пошелѣ вѣ Королевскія палаты, и легѣ на Королевской кровати, а самѣ написалѣ грамоту, писание имѣющее таковое: Задонскаго царства, Царю Салтану Салтановичу пишу радоватися! „Послалѣ я кѣ тебѣ недруга твоего Бову и ты отмсти ему за „смерть сына своего Лукапера.„ И послалѣ дворецкой по Бову на конюшню и сказалѣ ему: поди ты Бова вѣ Королевскія палаты, спрашиваетѣ тебя Король: не узналѣ со сна своего Бова дворецкаго и думалѣ, что подлинно Король написалѣ грамоту, и бе-

ретъ въ руки запечатанную Королевскою печатью. И дворецкой говоритъ Королевскимъ именемъ: Бова ты сослужи мнѣ вѣрою и правдою, поди ты въ Задонское царство и отнеси отъ меня грамоту, къ Царю Салтану Салтановичу. И Бова грамоту принялъ и челомъ ударилъ, и пошелъ на конюшню и осѣдлалъ добраго коня иноходца богатырскаго, и поѣхалъ въ Задонское царство, и ѣхалъ 5 дней и 5 нощей и не можетъ наѣхать ни рѣки, ни ручья, ни колодезя, а пить очень хочется. Увидѣлъ Бова отъ дороги въ сторонѣ дубъ, а подъ дубомъ стоитъ старецъ, и пріѣхалъ Бова ко старцу, и почелъ говорить: имя твое какъ? И рече старецъ: имя мнѣ Пилигримъ; а Бова вопрошаетъ, что ты самъ пьешь, дай мнѣ. И рече Пилигримъ: Государь храбрый Витязь: я пью

изъ кружки и тебѣ дамъ. Сказалъ Бова, дай мнѣ ту кружку, и старецъ почерпнулъ тою кружкою и уклонился, и всыпалъ усыпающаго зелія и далъ Бовѣ выпить, и Бова выпивши упалъ съ коня на землю и спалъ 9 дней и 9 нощей; и старецъ Пилигримъ унесъ у Бовы мечь кладенецъ и увелъ добраго коня богатырскаго. Бова проснувшись взглянулъ отъ сна своего и увидѣвъ, что нѣтъ ни меча кладенца, ни добраго коня богатырскаго, прослезился, и самъ себѣ сказалъ: уже меня изобидилъ старецъ Пилигримъ, увелъ онъ у меня добраго коня богатырскаго и мечь кладенецъ. О! Государь мой Король Зензевей Андроновичь, послалъ меня на смерть головою за услугу мою, и пошелъ Бова куды глаза глядятъ, и Бовѣ Государевъ путь править надобно, и пришедъ Бова

вѣ Задонское царство, вшелѣ тѣ Королевскія палаты и грамоту на столѣ положилѣ Царь Салтанѣ Салтановичъ ту грамоту разпечаталѣ, прочиталѣ и закричалѣ грозкимѣ голосомѣ: О! злодѣй ты Бова, убилѣ ты сына моего Луканера и сто тысячь войска побилѣ, а ты самѣ ко мнѣ пришелѣ на смерть: могу азѣ тебя повѣсить; и закричалѣ Царь Салтанѣ Салтановичь, есть у меня юноши храбрыеь, Витязи: Возьмите Бову и поведите на висѣлицу; и скоро поставили петлю и пришли шесть десятѣ юношей и взяли Бову тридцать юношей за правую руку, а другіе тридцать юношей за лѣвую руку, и повели его на висѣлицу и вывели вѣ поле, и увидѣлѣ Бова рѣли и петлю и прослезился, и сказалѣ самѣ себѣ, какая моя неправда, за что погибаю! И вложи Бовѣ мысль

въ сердце Богъ, чтобъ онъ сильный и славный богатырь непогибъ, и тряхнулъ Бова правою рукою и тридцать юношей убилъ и побѣжалъ отъ Задонскаго царства. То увидѣвъ Царь Салтанъ Салтановичь, и повелѣ въ рогъ трубить и собравъ войска сто тысячь и погна за Бовою и поймали Бову, привели къ Царю Салтану Салтановичу, и Царь Салтанъ Салтановичь началъ говорить: уже ты злодѣй хочешь отъ смерти уйти, но я могу тебя повѣсить. И была у того Царя Салтана дочь, прекрасная Королевна Мельчигрія, надѣла на себя изрядное платье и пошла къ отцу своему въ палату и начала говорить: Государь мой батюшка! уже тебѣ сына своего не поднять а моего брата, и сто тысячь войска не поднять же, а такова ты сильнаго богатыря изведешь, и

ты Государь мой батюшка дай мнѣ его на руки, а я его превращу въ Задонскую вѣру въ наше Бога, а меня онъ возьметъ жены и будетъ нашему царству содержатель и отъ всѣхъ странъ оберегатель. У Царя Салтана Салтановича дочь прекрасная Королевна Мельчигрія была въ любви, и Царь Салтанъ выговорилъ, чадо мое милое, буди на твоей воли, и дочь челомъ отцу своему ударила, и взяла Бову къ себѣ на руки и пошла въ свои палаты, и дала Бовѣ пить и ѣсть всякихъ различныхъ вещей, и начала говорить Бовѣ: позабуди свою Христіянскую вѣру, и вѣруй въ нашего Бога и возьми меня въ жены себѣ, и буди нашему царству оберегатель; а не станешь нашей вѣры вѣровать и не возьмешь меня въ жены себѣ, то батюшка можетъ тебя повѣ-

сить, или на колѣ посадить; и рече Бова: Хотя мнѣ повѣшену быть, или на колѣ посажену, но я не вѣрую вашей вѣрѣ Латышской, не могу я забыть свою Христїянскую вѣру: и Царевна Мельчигрїя велѣла Бову посадить въ темницу и дскою желѣзною задернути и пескомъ засыпати, и не велѣла Бовѣ давать пить и ѣсть пять дней и пять ночей. Бовѣ пить и ѣсть добрѣ хочется, и прекрасная Королевна Мельчигрїя надѣла на себя изрядное платье и пошла къ Бовѣ въ темницу, и велѣла песокъ отгрѣсть и дску желѣзную отдернуть, и пришедши къ Бовѣ въ темницу не могла на Бовину красоту насмотрѣться въ три часа, и начала говорить: лучше ли тебѣ въ темницѣ сидѣть, голодною смертїю умереть или повѣшену быть, на колѣ посажену или казнену быть?

вѣруй въ нашу вѣру Латынскую и возьми меня себѣ въ жены. Уже мнѣ, говоритъ онъ, приспѣгаетъ голодная смерть, и хотя мнѣ повѣшену быть, хотя на колъ посажену; но я не вѣрую въ вашу вѣру Латынскую и не могу забыть своей вѣры православной. Царевна Мельчигрія не дала ни пить ни ѣсть, и пошла къ отцу своему въ палаты, и начала говорить: Государь мой батюшка! не могла я его прельстить и нынѣ хотя его повѣсь. Царь Салтанъ возговорилъ аки въ трубу трубитъ: есть ли у меня витязи, подите въ темницу, возьмите Бову и приведите ко мнѣ, и я велю его повѣсить; и сказали тридцать юношей у Салтана, и пошли къ Бовѣ въ темницу и не могли песку отгрѣсть и начали кровлю ломать, и Бова закручинился, нѣтъ-де у меня меча кладенца, нечемъ мнѣ оборониться отъ

тридцати юношей, и увидѣ Бова въ углу мечь кладенецъ въ темницѣ, и взявъ Бова мечь и бысть зѣло радостенъ. Пришедъ юноши въ нощи начали кровлю ломать и къ Бовѣ спущаться вдругъ по два, по три и по пяти человѣкъ и больше, а Бова сѣчетъ да лѣсницею ихъ кладетъ, и тридцать юношей всѣхъ порубилъ и лѣсницею склалъ: и Царь Салтанъ Салтановичь на тѣхъ юношей расчалился, зачто де негодныя дѣти съ Бовою бесѣдуютъ, и послалъ другихъ тридцать юношей и спали къ Бовѣ спущаться той же дорогой, Бова сѣчетъ да лѣсницею кладетъ; и вышелъ Бова изъ темницы и побѣжалъ изъ Задонскаго царства. И Царь Салтанъ Салтановичь повелѣ въ рогъ трубить и собра войска милiонъ человѣкъ и побѣжалъ за Бовою, а Бова прибѣжалъ на морское пристанище, и увидѣ онъ нѣкій ко-

рабль отъ берегу съ версту, и закричалъ Бова громкимъ голосомъ; гости корабельщики взяли Бову на корабль: И Царь Салтанъ прибѣжалъ на морское пристанище и видѣ Бову на кораблѣ и закричалъ громкимъ голосомъ: Гости корабельщики, дайте съ корабля измѣнщика моего, которой у меня изъ темницы ушелъ, а имя ему Бова, и буде вы несдадите моего измѣнника и впредь вамъ мимо моего царства непроѣзжать. То гости корабельщики хотятъ Бову сдать съ корабля, а Бова вынулъ изъ подпазухи мечь кладенецъ и тѣхъ гостей порубилъ да въ море всѣхъ помѣталъ, а ярыжные на кораблѣ попрятались и начали говорить: Государь храбрый витязь, Бова Королевичь! не моги ты насъ порубить, побѣжимъ мы куды надобно; и Бовѣ тѣ слова полюбились, и ярыжные побѣжали, по

морю, и путь у нихъ продолжался годъ и три мѣсяца, и прибѣжали подъ Задонское царство, и увидѣлъ Бова въ зрительную трубку въ Задонскомъ царствѣ три терема златые верхи, и снесло ихъ непогодью отъ пути верстъ за сто, и Бова повелѣ парусы отпустить и якори въ воду пометать, и увидѣлъ Бова на краю моря по берегу рыболова и закричалъ громкимъ голосомъ: пожалуй рыболовъ неослушайся, подъѣзжай къ кораблю, и Бова почалъ рыболова распрашивать: пожалуй рыболовъ скажи мнѣ, царство ли это стоитъ или Орда! Царь ли живетъ или Король? И рече рыболовъ: Государь, гость корабельщикъ, стоитъ Задонское царство, живетъ Царь нашъ Маркобрунъ, и Бовѣ возшло на разумъ, не тотъ ли Корль Маркобрунъ, что сватался въ Армянскомъ царствѣ у Короля Зензе-

вея Андроновича на прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ? и рече рыболовъ: томъ и есть, Государь, гость корабельщикъ, а нынѣ у нашего Короля Маркобруна радость будетъ, сегодни женится на прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ, и сказалъ всю истинную правду рыболовъ, а Бовѣ будто къ сердцу песку присыпалъ. И Бова сказалъ рыболову, пожалуй рыболовъ продай мнѣ рыбы для ярыжныхъ. Рыболовъ кинулъ пять осетровъ на корабль: вотъ тебѣ Государь рыбы безъ продажи, и Бова взялъ много злата и сребра и покрылъ бархатомъ и бросилъ рыболову въ лодку, и рыболовъ говоритъ Бовѣ: Государь, гость корабельщикъ, далъ ты мнѣ много злата и сребра, не пропить не проѣсть дѣтямъ моимъ, внучатамъ и правнучатамъ. И рече Бова рыболову: пожалуй свези меня на край моря на берегъ. И ры-

боловЪ неослушался, взялЪ Бову на лодку и привезЪ на берегЪ. И Бова ярыжнымЪ наказываетЪ, вотЪ вамЪ весь корабль и со всѣмЪ богатствомЪ, дѣлите по поламЪ, не бранитеся и не деритеся. И пошелЪ Бова вЪ Задонское царство, и шелЪ Бова три дни и три нощи и нашелЪ на старца Пилигрима, которой ограбилЪ его, вынялЪ у него мечь кладенецЪ, и увелЪ добраго коня богатырскаго иноходца. И Бова началЪ Пилигрима бить, и ПилигримЪ началЪ Бовѣ молиться: ты не бѣй меня, храбрый витязь Бова Королевичь, я тебѣ добраго коня иноходца и мечь кладенецЪ отдамЪ, и дамЪ тебѣ три зелія: зеліе бѣлое, котороѐ дѣлаетЪ человѣка молодымЪ, а другое зеліе черное, которое дѣлаетЪ человѣка старымЪ, а третіе зеліе усыпляющее. И взялЪ Бова тѣ три зелія и мечь кладенецЪ, и

пошелъ храбрый витязь Бова Королевичь въ четвертый день къ Задонскому царству; пришелъ и увидѣлъ Бова старца, щепы гребетъ, и рече Бова старцу: дай ты мнѣ старецъ съ себя черное платье, а возьми мое цвѣтное платье. Старецъ сталъ говорить, Государь храбрый витязь Бова Королевичь, непригодно мнѣ твое цвѣтное платье, а мое тебѣ черное платье: въ цвѣтномъ мнѣ платье милостыни не подадутъ. И Бова ударилъ старца о землю, снялъ съ себя цвѣтное платье и надѣлъ на себя черное платье, и пошелъ Бова на Королевской дворъ, и пришедъ Бова на поварню, сталъ просить пить и ѣсть: Господа Королевскіе повара, напойте и накормите прохожева старца, для ради храбраго витязя Бовы Королевича; и повара закричали: О! злодѣй старецъ, что ты про Бову милостыню просишь, у нашего

Царя про Бову заповѣдь, кто помянетъ, того велѣно казнить скорою смертію безъ Королевскаго вѣдома, и кинулся что не лучшій поваръ, и выхватилъ изъ подъ котла головню и ударилъ Бову головнею, и Бова на мѣстѣ нетряхнулся, и ухватилъ онъ туже головню и ударилъ повора и ушибъ его до смерти; и побѣжалъ другой поваръ къ дворецкому и сказалъ: поди дворецкой на поварню, пришелъ-де туда старецъ и лучшаго повара ушибъ до смерти; дворецкой пришелъ на поварню и почелъ спрашивать у поваровъ; за что сталось у старца съ поваромъ, и почали повара говорить за то сталось у старца съ поваромъ: пришелъ старецъ на поварню и сталъ просить пить и ѣсть для ради храбраго витязя Бовы Королевича. И дворецкой сталъ говорить старцу, что ты старецъ, ради Бовы милостыню

просишь, у нашего Государя заповѣдь крѣпкая, кто про Бову помянетъ, то онъ велитъ безъ своего вѣдома убить до смерти; и сказалъ Бова дворецкому, не вели меня старца убить, я старецъ прохожей и заповѣди вашей неслыхалъ; дворецкой сказалъ ему, поди ты на задней дворъ, тамъ Дружневна нищихъ златомъ дѣлитъ, а завтра у нашего Государя радость будетъ; Государь нашъ Король Маркобрунъ женится на прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ. Сей старецъ пошелъ на задней дворъ и увидѣлъ тамъ великое множество людей, и онъ сталъ промежъ ними тереться, а нищіе старцу пути не даютъ, и почели старца нищіе клюками колотить; а старецъ нищихъ бить, на обѣ стороны толкать, и уже отъ старца стало много мертвыхъ, и нищіе стали старцу путь давать, и дошелъ старецъ

до прекрасной Королевны Дружневны, и закричалъ старецъ громко: Госпожа прекрасная Королевна Дружневна, подай мнѣ старцу милостыню для ради храбраго витязя Бовы Королевича. И услышала Дружневна, что старецъ про Бову поминаетъ, то у ней милостыня изъ рукъ выпала, и велѣла дѣвицѣ нищимъ дѣлить, а сама приказала старцу на заднее крыльцо идти, и сама Дружневна вышла къ старцу, и стала спрашивать, скажи мнѣ старче, гдѣ слышалъ про Государя моего храбраго витязя Бову Королевича? И рече старецъ: я съ Бовою въ одной темницѣ сидѣлъ въ Задонскомъ царствѣ, и изъ темницы ушли, и одною дорогою шли, и пошелъ Бова на право; а я на лѣво. И рече потомъ: Государыня прекрасная Королевна Дружневна, когда Бова сюда придетъ, что надъ нимъ учинишь? Прекрасная

Королевна прослезися и рече: что ты старецЪ говоришь, только бы я провѢдала про витязя Бову Королевича, вЪ тридесятомЪ царствѢ и на тридевятой землѢ, то я кЪ нему бѢжала бы. И вЪ ту пору вышелЪ кЪ ней Король МаркобрунЪ и видѢ старца и Дружневну плачущуся, и рече Король МаркобрунЪ прекрасной КоролевнѢ ДружневнѢ, что сей за старецЪ? Сказала ему Дружневна, сей нѢкій старецЪ пришелЪ изЪ нашего царства Армянскаго, сказываетЪ радостныя вѢсти, что батюшка и матушка умерли, то я по батюшкѢ и матушкѢ плачу. И сказалЪ Король МаркобрунЪ, не плачь прекрасная Королевна Дружневна, не давай себя вЪ кручину, уже тебѢ отцу своему и матери непособить, только ты животЪ свой надсадишь. И пошелЪ Король вЪ свои Королевскія палаты. А добрый конь

богатырской услыша всадника своего на конюшнѣ и началъ битися съ двенадцати цѣпей, изъ двенадцати дверей, уже послѣдніе двери пробиваетъ. Король Маркобрунъ услыша, что добрый конь збивается съ цѣпей, и рече всѣмъ, что если онъ съ двенадцати цѣпей собьется, то много во градѣ мертвыхъ будетъ. И сказалъ Бова прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ, я могу того коня утѣшить, что станетъ на немъ ѣздить трехъ лѣтъ младенецъ, и рече прекрасная Королевна Дружневна, сдѣлай милость, старче, утѣшь коня и бери злата и серебра сколько тебѣ надобно. И пошелъ Бова на конюшню, а прекрасная Королевна Дружневна за нимъ же пошла, и выбился добрый конь съ двенадцати цѣпей, изъ двенадцати дверей, и охватилъ Бову передними ногами, и училъ цѣловать, какъ человѣкъ.

Увидѣлъ Король Маркобрунъ, что добрый конь сталъ на задніе ноги и охватилъ старца передними ногами, и Бова утѣшилъ добраго коня, и рече прекрасная Королевна Дружневна: какъ ты старецъ скоро утѣшилъ добраго коня? И сказалъ Бова прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ, я самъ тому дивлюся, что добрый конь узналъ, а ты меня долго не узнаешь: я самъ истинный Бова Королевичь. И рече прекрасная Королевна Дружневна: О! старче, что ты меня смущаешь; ты старецъ дуренъ и черенъ, что уголь, а Государь мой Бова былъ весьма лѣпообразенъ, и отъ Бовиной красоты всю конюшню освѣтило бы. И Бова вынулъ мечь кладенецъ и показалъ прекрасной Королевнѣ. И Дружневна взяла мечь кладенецъ на руки и поцѣловала, и рече: истинный мечь Государя моего Бовы Королевича, а ты старецъ

черенъ и дуренъ, что уголь. Онъ велѣлъ пр красной Королевнѣ воды принести и умыться. То прекрасная Дружневна сама по воду побѣжала и принесла воды; Бова же всыпалъ бѣлаго зелія и умылся, и отъ Бовиной красоты всю конюшню освѣтило, и Дружневна пала Бовѣ въ ноги, и рече: Государь мой Бова Королевичь! не покинь меня бѣдную, и возьми меня съ собою, понеже у насъ завтра свадьба будетъ, женится на мнѣ Король Маркобрунъ. Сказалъ Бова прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ: возьми ты у меня усыпающаго зелія и всыпь въ кубокъ и дай пить Королю Маркобруну; и онъ какъ выпьетъ и станетъ спать девять дней и девять нощей безъ пробуду, а мы въ тѣ поры убѣжимъ. И Дружневна взявъ у Бовы усыпающаго зелія, пошла въ Королевскіе палаты къ Королю Маркобруну, и стала любез-

ные словеса говорить: Государь мой Король Маркобрунъ, завтра у насъ съ тобою радость будетъ, и мы для такой радости выпьемъ съ тобою по кубку меду сладкаго. И Королю Маркобруну то слово полюбилось, понеже не слыхалъ отъ ней такихъ любезныхъ словъ, и пошелъ принести сладкаго меду. Прекрасная Королевна Дружневна наливая въ кубокъ меду, всыпала усыпающаго зелія и поднесла Королю Маркобруну, и Король Маркобрунъ велѣлъ ей напередъ выпить; прекрасная Королевна стала говорить, не подобаетъ мнѣ пить прежде тебя. Король Маркобрунъ взялъ кубокъ и выпилъ весь и легъ спать, и спалъ Маркобрунъ девять дней и девять нощей, и въ ту пору пришедъ Дружневна на конюшню, и рече: Государь мой Бова Королевичь! изволь промышлять; и Бова Королевичь

осѣдлалъ себѣ добраго коня, а подъ Дружневну иноходца, и взялъ съ собою злата и сребра и каменія драгоцѣннаго, и сѣлъ Бова на добраго коня, а Дружневну посадилъ на иноходца и поѣхали изъ града скоро, и наѣхалъ Бова колодезъ весьма студенъ и сталъ тутъ, и поставилъ Бова шатеръ и легъ съ прекрасною Королевною Дружневною и совокупился. Съ того времени понесла Дружневна во утробѣ своей. Король же Маркобрунъ по девяти дняхъ пробудился отъ сна своего, и схватился прекрасной Королевны Дружневны, и не нашелъ ее нигдѣ, и бысть Маркобрунъ въ великой печали, и рече: не старецъ злодѣй былъ, но самъ Бова Королевичь, и увелъ у меня прекрасную Королевну и добраго коня богатырскаго, и повелѣ въ рогъ трубить, и собра войска триста тысячь, и приказалъ гнать за Бовою и за Друж-

невною, и привесть ихъ къ себѣ, за что обѣщалъ великія милости... Самъ же былъ въ великой скорби и не зналъ, что будетъ. Бова вышелъ изъ шатра прохладиться, и услышалъ въ чистомъ поле конской топъ и людскую молвь, и пришедъ въ шатеръ и сталъ говорить: другъ мой, прекрасная Королевна Дружневна, есть за нами погоня великая, и рече Дружневна: не дивись тому Государь мой Бова Королевичь. Бова же взялъ съ собою мечь кладенецъ и осѣдлалъ себѣ коня и сѣлъ на него и поѣхалъ противъ силы, и перебилъ всѣ триста тысячь. Изъ тѣхъ только оставилъ трїи человѣка, на отвѣтствїе Королю Маркобруну и наказалъ имъ, скажите вы Королю чтобъ онъ за мною не гонялся; и что онъ за мною пошлетъ, то все то потеряетъ: вить онъ знаетъ меня, что я сильной бо-

гатырь, убилЪ я сильнагожЪ богатыря и милліонЪ войска побилЪ. И поѣхали тѣ три человѣка и сказали Королю Маркобруну, что Бова войско все побилЪ и насЪ трехЪ человѣкЪ отослалЪ, и велѣлЪ сказать, чтобЪ вы не посылали за нимЪ силы, что посылаетЪ-де только войско свое теряетЪ: И повелѣ Король МаркобрунЪ вЪ рогЪ трубить, и собравЪ войска четыре милліона, и сталЪ говорить боярамЪ своимЪ: любезные мои и вѣрные други, погоните за Бовою погонею и приведите ко мнѣ Бову и прекрасную Дружневну: и рече витязи, Государь нашЪ Король МаркобрунЪ, есть у тебя богатырь ПолканЪ, и сидитЪ вЪ темницѣ многое время, можетЪ онЪ достичь Бову, понеже скачетЪ онЪ всякой скокЪ по семи верстЪ, отЪ главы до пояса человѣкЪ, а отЪ пояса образЪ коневый. Слы-

ша Король Маркобрунъ отъ витязей такіе рѣчи, послалъ скоро за Полканомъ. И прійде Полканъ предъ Короля Маркобруна, и рече Король: господинъ Полканъ, побѣги въ погоню и приведи ко мнѣ Бову и Дружневну, за то получишь великую милость. Полканъ же неотречется и погнался за Бовою и за Дружневною. Бова же вышедъ изъ шатра прохладиться, и слышитъ въ полѣ конской топъ и людскую молвь, и пришедъ въ шатеръ и сталъ говорить, другъ мой прекрасная Дружневна, за нами сила великая гонится; и рече Дружневна: Государь мой Бова Королевичь, гонится за нами сила велика отъ Короля Маркобруна; понеже есть у него славный богатырь Полканъ, по поясъ человѣкъ, а отъ пояса конь, и онъ скачетъ всякой скокъ по семи верстъ и скоро насъ догонитъ, Бова же взявъ съ собою

мечь кладенецъ и осѣдлавъ себѣ коня богатырскаго и сѣлъ на него и поѣхалъ противъ Полкана. Полканъ же прибѣжавъ, закричалъ великимъ гласомъ: О! злодѣй Бова, не убѣжалъ ты отъ моихъ рукъ, и вырвалъ Полканъ изъ корню дубъ и ударилъ Бову по головѣ, а Бова хотѣлъ Полкана ударить мечемъ и промахнулся и ушелъ мечь до половины въ землю, и Бова свалился съ добраго коня на землю. Полканъ сѣвъ на добраго коня иноходца Бовина, а конь началъ его мыкать по лѣсамъ и по буеракамъ и ободралъ у Полкана все мясо до костей и примчалъ къ шатру чуть жива. Бова же отдохнулъ и Полканъ ставъ говорить: братъ Бова, ты помирися со мною и назовемся братьями, то намъ на свѣтѣ не будетъ супротивника И Бова съ Полканомъ побраталися и нареклися: Бова большимъ братомъ, а Пол-

канѣ меньшимѣ братомѣ. И сѣвѣ Бова на добраго коня, а Дружневна на иноходца, поѣхали сѣ того мѣста, и Полканѣ за ними вѣ слѣдѣ поскакалѣ, и ѣхалѣ до нѣкоего града Костела, вѣ немѣ же живетѣ Царь Урилѣ. Услыша Царь Урилѣ, приказалѣ затворить врата накрѣпко. Полканѣ же разбѣжался и вскочилѣ прямо чрезѣ городовую стѣну и отворилѣ ворота градскіе. Бова и Дружневна вѣѣхали во градѣ. Царь же Урилѣ выйде и встрѣтилѣ ихѣ сѣ Царицею своею и принялѣ ихѣ сѣ великою честію, и пришедши вѣ царскіе палаты начали пить и ѣсть и веселитися. И вѣ ту пору пришелѣ подѣ градѣ Король Маркобрунѣ, а сѣ нимѣ войска триста тысячь и осадилѣ градѣ Костелѣ, и начавѣ ко граду приступать и бивѣ во градѣ изѣ пушекѣ и изѣ пищалей, не отступно просилѣ изѣ града Бову, Пол-

ана и Дружневну. Царь же Урилъ боялся того Бовы и Полкана вынати, и собравъ онъ войска своего одинъ милліонъ пятьсотъ тысячь и взявъ съ собою двухъ сыновъ своихъ и пойде противъ Короля Маркобруна, и началъ съ нимъ биться вельми мочно. Король же Маркобрунъ все войско побилъ, Урила Царя въ полонъ взялъ и съ дѣтьми. Потомъ Урилъ обѣщался Королю Маркобруну, что Бову и Полкана и прекрасную Королевну Дружневну выдастъ изъ града и въ закладѣ оставилъ двухъ сыновъ своихъ. Король Маркобрунъ отпустилъ Царя Урила и войска своего съ нимъ послалъ одинъ милліонъ пятьсотъ тысячь, кому Бову привести и Полкана. Царь же Урилъ пошедъ въ палаты царскіе, легъ съ Царицею спать. Полканъ же пріиде ко дверямъ той палаты, и началъ слушати, что про нихъ

Царь сей говоритЬ. Царь же сталЬ говорить своей ЦарицѢ, что покинулЬ у Короля Маркобруна вЬ закладѢ двухЬ сыновЬ своихЬ вЬ томЬ, что выдастЬ Бову и Полкана и Дружневну. Царица же рече, возлюбленный супругЬ: не возможно ихЬ выдать. УрилЬ ударивЬ Королеву свою по лицу, и рече: у всякія жены волосЬ дологЬ, да умЬ коротокЬ. ПолканЬ же отворивЬ двери вЬ палаты и взявЬ Царя Урила за голову, ударилЬ его о землю и убилЬ до смерти; потомЬ ПолканЬ посмотрѢвЬ на царевЬ дворЬ, увидѢлЬ полонЬ дворЬ Маркобрунова войска. ОнЬ же взялЬ БовинЬ мечь кладенецЬ и побилЬ Маркобрднова войска десять тысячь и градЬ КостелЬ затворилЬ крѢпко. ПотомЬ же пріиде кЬ БовѢ и разбудивЬ его рече: Государь Бова Королевичь, долго спишь и ничего не вѢдаешь, и повѢдалЬ ему все

подробно. Бова же Королевичь началЪ Полкана любезно цѢловать за его вѢрную службу, и потомЪ возсталЪ онЪ противЪ Короля Маркобруна и выѢхалЪ изЪ града и заѢхалЪ по правую руку, а ПолканЪ по лѢвую, и побили все войско Маркобруново, и УриловыхЪ дѢтей изЪ полону взяли. И Король МаркобрунЪ ушелЪ вЪ Задонское царство не сЪ большими людьми, и положилЪ на себя клятву, ни дѢтямЪ своимЪ, ни внучатамЪ, ни правнучатамЪ за Бовою не гоняться. И пошелЪ Бова во градЪ КостелЪ и рекЪ Уриловой женѢ: вотЪ тебѢ Государыня дѢти твои. Достальное же войско привелЪ ко кресту за УриловыхЪ дѢтей крестЪ цѢловать, и повелѢлЪ имЪ царствовати по прежнему, поѢхалЪ изЪ града Костела сЪ прекрасною Королевною Дружневною, и ПолканЪ за ними пѢшЪ поскакалЪ, и ѢдучиДруж-

навна, начала говорить: Государь мой храбрый витязь Бова Королевичь, уже мнѣ приходитЪ время: добрые жены родятЪ дѣтей. Бова сталЪ на сторонѣ и шатерЪ разкинулЪ и рече тако: братЪ ПолканЪ! отойди подалѣе, Дружневна моя недомагаетЪ; и ПолканЪ отошедЪ подалѣе и сталЪ подЪ дубомЪ. И Дружневна родила двухЪ сыновей, и нарекЪ Бова имя имЪ Личарды и Симбалды, и зѣло радостенЪ былЪ о рожденіи чадЪ своихЪ и сказалЪ: братЪ ПолканЪ, поѣдемЪ мы до царства отца моего, добраго Короля Гвидона и до града Сумина, дядьки моего Симбалды. И ПолканЪ вставЪ отЪ сна своего, услышалЪ конской топЪ и людскую молву, и сказалЪ: братЪ Бова! идетЪ рать великая, я незнаю, кто сЪ нею идетЪ и кому изЪ насЪ ее встрѣтить, тебѣ или мнѣ. И рече Бова Полкану: поди братЪ, а мнѣ

недосугъ; Дружневна родила двухъ сыновъ, Симбалду да Личарду, и Полканъ поскакалъ и много людей прихватилъ и плетеницею связалъ и привелъ къ Бовѣ. И Бова началъ разспрашивать: сказывайте вы, люди добрые, доколѣ вы не испорчены, коего царства рать ѣдетъ, или Царь, или Король и куды пошли. Языки почали говорить: Государь храбрый витязь Бова Королевичь, ѣдутъ воеводы отъ инаго Короля Дадона въ Армянское царство, и сказываютъ про твою милость въ Армянскомъ царствѣ у Короля Зензевея Андроновича, что ты служишь у него, и Король Дадонъ велѣлъ взять тебя и къ себѣ привесть. И у Бовы загорѣлось сердце богатырское и не могъ утерпѣть, и осѣдлалъ себѣ добраго коня и взялъ съ собою мечь кладенецъ, и началъ наказывать брату своему Полкану:

братЪ ПолканЪ, непокинь Дружневну и двухЪ дѢтей, а самЪ отходя подалѢе кЪ лѢсу, простился сЪ ПолканомЪ, сЪ Дружневною и сЪ дѢтьми своими, и поѢхалЪ онЪ на дѢло ратное и на побоище смертное. И ПолканЪ отшелЪ кЪ лѢсу спать, а Дружневна вышедЪ изЪ шатра сЪ дѢтьми своимь гулять, увидѢла идущихЪ на нее двухЪ львовЪ. Дружневна закричала великимЪ гласомЪ, ПолканЪ же слыша гласЪ ея, выбѢжалЪ, и видя двухЪ львовЪ идущихЪ на нее, побѢжалЪ за ними и поймавЪ одного, разсѢче по маломЪ времени, сЪ другимЪ же началЪ битися. ПолканЪ ударилЪ льва мечемЪ, левЪ же ухватилЪ его вЪ челюсти свои, и ПолканЪ сталЪ мертвЪ вмѢстѢ со львомЪ. И прекрасная Дружневна пожда Бову многое время, думая, что его львы разтерзали, и взявЪ на руки двухЪ сыновЪ своихЪ, сѢла

на иноходца и поѣхала, куды глаза глядятъ, и пріѣхала Дружневна въ Задонское царство: и взяла добраго коня иноходца, пустила въ чистое поле, поди-де ты мой доброй конь, ищи себѣ Государя ласковаго, и плакала горько о разлученіи Государя своего Бовы Королевича. И пришедъ Дружневна къ рѣкѣ, умылась черным зеліемъ и стала черна какъ уголь, и пришла Дружневна въ Задонское царство, и стала у вдовы на подворьѣ. И въ Задонскомъ царствѣ Мельчигрія и Дружневна почала на добрыхъ людей платье мыть, тѣмъ голову свою кормить и дѣтей своихъ: Бева силу побилъ, и пріѣхалъ къ шатру своему и ненашелъ прекрасныя Королевны Дружневны, ни дѣтей своихъ, и пошелъ изъ шатра, и увидѣ Полкана и льва мертвыхъ, и самъ началъ плакать, и рече: О! когда Полкана львы умертвили, то уже

и Королевну съ дѣтьми не оставили живую. Похоронилъ Бова Полкана и разплакався горько, самъ себѣ сказалъ: далъ Богъ мнѣ ладу по нраву, а не далъ мнѣ съ нею пожить отъ младости до старости. Идоша же Бова на заводы, настрѣлялъ гусей и лебедей, напился и наѣлся и поѣхалъ въ Армянское царство, и наѣхалъ въ поле шатеръ, и вышелъ изъ него юноша вельми лѣпообразенъ. Бова же зря на него прилѣжно, позналъ, яко рабъ отца его Короля Гвидона, именемъ Личарда, которой вопроси его: господине, скажи мнѣ, коего ты града? Бова же рече: я изъ празднаго града иду по морю кораблемъ съ товаромъ, а на кораблѣ насъ было шестьдесятъ человѣкъ, и корабль нашъ погодою разбило и потонули всѣ, одинъ только остался я, и ищу господина благопріятнаго. Личарда же сказалъ: я тебя

свезу къ ласковому дворянину, Государю своему, именемъ Симбалдъ. Бова же пошелъ съ Личардою и когда пріѣхалъ во градъ Суминъ и встрѣтя Бову Королевича Симбалда, и познавъ его, рече: Государь мой Бова Королевичь! я нынѣ старъ и служить тебѣ не могу, есть у меня сынъ, именемъ Тервезъ, онъ тебѣ станетъ служить вѣрно. Бова же обнявъ Симбалду поцѣловалъ его. Помалѣ же времени бывъ во градѣ Суминѣ, рече Бова Королевичь: Государь дядька Симбалда, кто близъ тебя живетъ и нѣтъ ли какой обиды? Дядька Симбалда сталъ говорить: Государь Бова, близь меня живетъ злодѣй Король Дадонъ, убилъ онъ Государя моего добраго и славнаго Короля Гвидона, и по вся годы отгоняетъ отъ града какъ живопину; и рече Бова: я могу ту обиду отмстить; и собралъ войска двадцать ты-

сячь и пошелъ подъ градъ Антонъ, и повелѣ въ стѣну бить изъ пушекъ и изъ пищалей неотступно: О злодѣй! губитель Дадонъ, по что погубилъ отца моего, добраго Короля Гвидона, поди изъ царства отца моего изъ града Антона, аще же невыйдешь, ты неможешь укрыться отъ руки моей. Король же Дадонъ и прекрасная Королевна Милитриса услышавше, что Бова Королевичь стоитъ подъ градомъ Антономъ, повелѣ въ рогъ трубить, и невѣдаше Король Дадонъ про Бову Королевича что онъ храбръ, чаяти его не храбра, выѣхалъ противъ Бовы Королевича съ войскомъ своимъ; Бова же Королевичь побилъ войско Дадоново, и онъ устрашися храбрости Бовы Королевича, и побѣжалъ во градъ Антонъ. Бова же достиже Короля Дадона и ударивъ его мечемъ по главѣ и разсѣче на двое.

Король же Дадонъ паде на землю, а Бова повелѣ Витязямъ своимъ положити Дадона на одрѣ златѣ и нести къ матери своей къ прекрасной Королевнѣ Милитрисѣ. Прекрасная Королевна Милитриса, видя пораженна Короля Дадона, начала вельми тужити о немъ. Бова же Королевичь стоя надъ могилою отца своего, Короля Гвидона, прощался и горько плакалъ, и возвратился съ войскомъ своимъ во градъ Суминъ. Потомъ Король Дадонъ обвиша главу и начаша лѣчиться, и искати по многимъ градамъ лѣкаря. Бова же Королевичь услыша, что Король Дадонъ еще живъ и врачевъ ищетъ, назвался самъ лѣкаремъ, и надѣвъ на себя ризы старческiе, и взявъ съ собою Тервиза и пойде ко граду Антону, и пришедши на Королевской дворъ къ Королевскимъ палатамъ, повелѣ возвѣстити Королю, что пришли изъ Задонска-

го царства лѣкари. Король же повелѣ скоро взяти; и внидоша Бова Королевичь и ста предъ Королемъ. Король же рече Бовѣ: Господине мой, старче! можешь ли ты сію рану излѣчити, и я тебѣ дамъ злата и сребра; Бова же рече: кто тебя ранилъ, тотъ можетъ и вылѣчить. Король же Дадонъ рече: далъ мнѣ рану проклятой мой супостатъ Бова. Въ палатѣ много предстоящихъ Князей и бояръ, и велѣлъ тѣхъ выслать и поставилъ у дверей брата Тервиза, Бова же Королевичь взялъ Короля Дадона за бороду, а самъ тако рече: О! злодѣй Король Дадонъ, почто еси убилъ отца моего добраго Короля Гвидона, и прельстился еси женскою прелестію, отмщу смерть отца моего, и отсѣче ему главу, а тѣло его повелѣ бросити псамъ на сьѣденіе, а главу положилъ на блюдо и покрылъ платкомъ, и

пойде въ задніе палаты къ матери своей прекрасной Королевнѣ Милитрисѣ, и подаде ей блюдо: вотъ тебѣ, Государыня матушка, отъ Короля Дадона дары, и приняла прекрасная Королевна Милитриса блюдо и открыла платокъ, и увидя Короля Дадона голову, и закричала: О! злодѣй старецъ! убилъ ты мужа моего добраго и славнаго Короля Дадона, и называешь матушкою; Бова былъ лѣпообразенъ, а ты черенъ какъ уголь; отъ Бовиной бо красоты вся палата освѣтилась бы. И велѣлъ Бова внести воды, и умылся бѣлымъ зеліемъ и освѣтилъ Бова своею красотою всю палату. И прекрасная Королевна Милитриса пала Бовѣ въ ноги: помилуй сыне мой любезный. И рече Бова: неужасайся матушка предо мною и взялъ ее за руку, и рече ей: О; Государыня матушка моя, почто еси велѣла Короля Гвидона

отца моего убить, и почто возлюбила Короля Дадона, и почто хотѣла окормить меня хлѣбцами, которые были замѣшены на извѣнномъ салѣ, и почто посадила въ темницу? Онажъ ему не могла ни единаго слова отвѣту дать. Бова же повелѣ матерь свою прекрасную Королевну Милитрису въ бочку дубовую закупорить и на море пустить, и она отъ того скоро умре. Потомъ же Бова Королевичь собравъ войска своего шестьдесятъ тысячь и послала дядьку Симбалду въ Задонское царство къ Царю Салтану о добрыхъ часахъ и о сватовствѣ на его дщери прекрасной Царевнѣ Мельчигріи извѣстить. Симбалда же принялъ его предложеніе и отправился въ путь. По пріѣздѣ же своемъ къ Задонскому царству, послалъ сказать Царю Салтану Салтановичу, что онъ присланъ отъ храбраго витязя Бовы

Королевича, просить въ замужство дочь его прекрасную Королевну Мельчигрію; а буде онъ не отдастъ дочь свою за Бову Королевича, то ему приказано градъ его раззорить, а его и съ дочерью взять въ полонъ. Въ сіе время услыша Королевна Мельчигрія что Бова Королевичь прислалъ за нее свататься, надѣла на себя драгоцѣнное платье, вышла къ своему родителю, и палъ предъ нимъ на колѣна, просила его всеусердно, чтобы онъ ее за мужъ, за столь храбраго витязя, отдалъ. На что Царь Салтанъ согласился, велѣлъ готовить пиръ и принялъ Симбалду съ честію великою. По прошествіи же трехъ дней отпустилъ прекрасную Царевну Мельчигрію съ Симбалдою къ Бовѣ Королевичу во градъ Антонъ, гдѣ и принялъ ее Бова съ радостію и торжествомъ великимъ. Прекрасная же Королев-

на Дружневна узнавЪ, что Бова живЪ и скоро женится, пойде и сЪ дѣтьми своими во градЪ АнтонЪ и ставЪ на лугахЪ морскихЪ, и умылась бѣлымЪ зеліемЪ, а дѣтей своихЪ послала во градЪ кЪ Бовѣ Королевичу. Они же пришедши во градЪ АнтонЪ и взошедЪ вЪ палаты Королевскіе, у Бовы же Королевича вЪ ту пору идетЪ столЪ. Они пришедЪ стали у дверей той палаты. Бова же вопроси ихЪ, что вы за отроки, откуда вы и какЪ зовутЪ? Они же отвѣчали: мы пришельцы вЪ семЪ градѣ, отецЪ у насЪ былЪ Бова Королевичь, а мать наша прекрасная Королевна Дружневна. Бова же слыша такіе рѣчи отЪ отроковЪ, и прослезися вельми: О! милые мои дѣтища, я есмь Бова Королевичь, отецЪ вашЪ, много я печалился о матери вашей прекрасной Королевнѣ Дружневнѣ, и началЪ любезно цѣ-

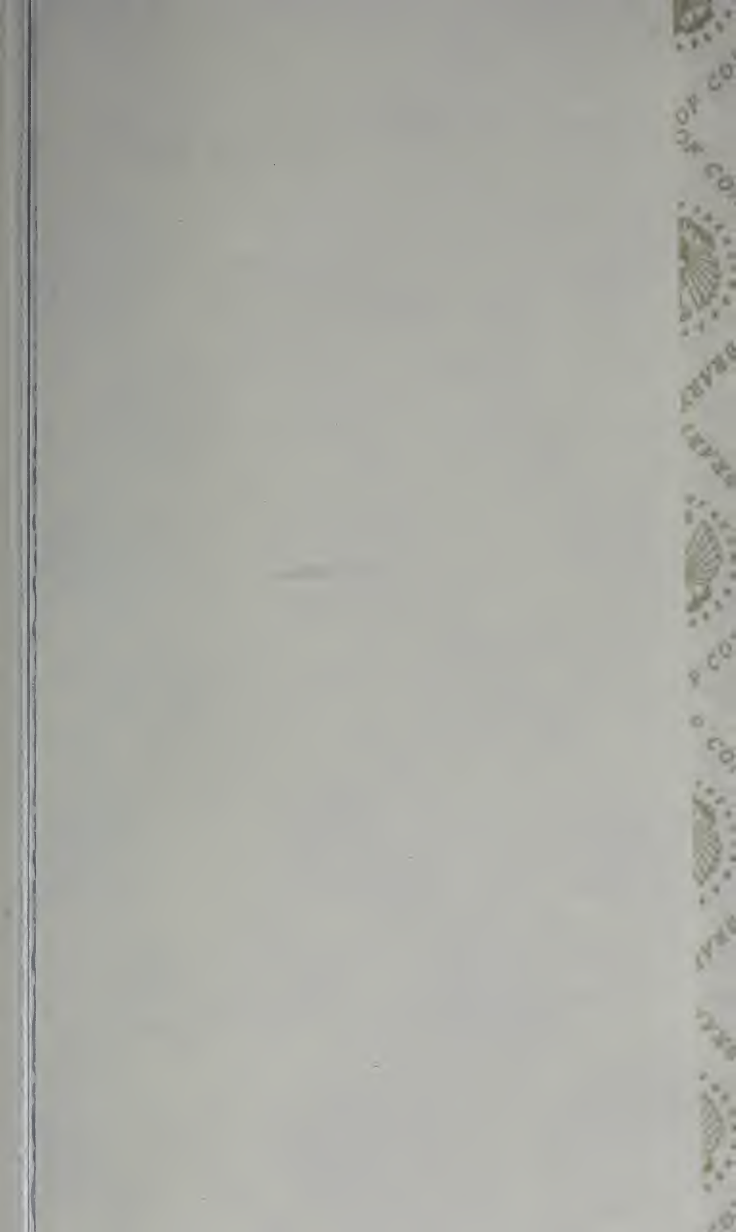
ловать; по семъ вопроси ихъ, О! милые мои дѣтища, гдѣ у васъ мать ваша, прекрасная Королевна Дружневна? Они же ему сказали: стоитъ мать наша на лугахъ морскихъ. Бова же Королевичь повелѣ имъ мать свою привести, и самъ за ними скоро поѣхалъ на луга морскіе. Потомъ видѣ самъ прекрасную Королевну Дружневну, и взявъ ее за руку и началъ ее любезно цѣловать и подошедъ съ нею во градъ Антонъ и начаша пить, ѣсть и веселитися, и вѣрныхъ своихъ слугъ началъ для такой радости жаловати; Симбалдѣ же повелѣ по прежнему владѣти Суминымъ градомъ, а брата Симбалдина, то есть сына Тервиза, пожаловалъ градомъ Магонскимъ. Потомъ же собра войска своего Бова Королевичь шестьдесятъ тысячь и посла дядьку своего Симбалду и брата его Огена во Армянское царство воевать на

Короля Орлопа, которой былЪ прежде постельничей, и повелЪ Орлопа кЪ себЪ привести живова; дядька же Симбалда и ОгенЪ пришедЪ ко граду Армянску и начаша изЪ пушекЪ и изЪ пищалей бить во градскую стЪну неотступно. ОрлопЪ противу ихЪ стояти не могЪ и не успЪлЪ мостовЪ снять, и Симбалда сЪ своимЪ войскомЪ вниде во градЪ АрмянскЪ, Короля же Орлопа взявЪ вЪ полонЪ и связа ему руки и ноги, брата Огена по приказу Государя своего оставилЪ царствовати, и потомЪ во градЪ АнтонЪ сЪ войскомЪ своимЪ пришедЪ, поставилЪ Орлопа предЪ Бовою Бова же Королевичь рече: О! злодЪй Орлопе, почто ты меня послалЪ безЪ вЪдома Короля Зензевея Андроновича вЪ Задонскую землю кЪ Царю Салтану Салтановичу на смерть, нынЪ повиненЪ самЪ смерти. ОрлопЪ упалЪ вЪ

ноги, не можетъ противу его словъ отвѣщати, и просилъ прощенія. Бова повелѣ его застрѣлить, самъ же нача жити во градѣ Антонѣ съ прекрасною Королевною Дружневною и съ дѣтьми своими отпустя любезно во своясы прекрасную Мельчигрію.

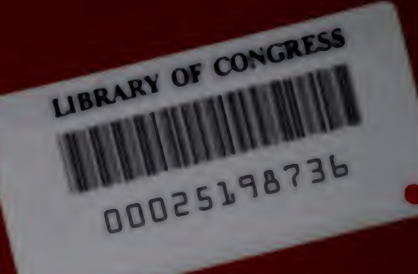
КОНЕЦЪ.

Цѣна сей Сказкѣ 60 коп.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

LIBRARY OF CONGRESS
00025198736